

73-я
ГВАРДЕЙСКАЯ

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ
ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Под редакцией

Героя Советского Союза
генерал-лейтенанта в отставке **В. И. Давиденко**
и Героя Советского Союза
генерал-майора в отставке **Н. И. Яценко**.

Составители:

А. К. Морозов, **Н. И. Яценко**, **П. С. Белан**, **Н. П. Калита**.

Рецензент

К. Е. Стамбеков, кандидат исторических наук

С 30 73-я гвардейская. Сборник воспоминаний, документов и материалов о боевом пути 73-й гвардейской стрелковой Сталинградско-Дунайской Краснознаменной дивизии.— Алма-Ата: Казахстан, 1986. 232 с. + 8 илл.

Книга воспоминаний, документов и материалов взволнованно и правдиво освещает основные этапы истории одного из сформированных в Казахстане славных соединений Советской Армии. В центре внимания — исторические подвиги воинов под Сталинградом, на легендарной Курской дуге, при форсировании Днестра, освобождении Правобережной Украины, Молдавии, участие в освобождении народов Болгарии, Венгрии, Румынии, Югославии, Австрии от фашистского рабства.

Воспоминания отражают также партийно политическую работу в частях, многонациональное братство воинов дивизии.

С $\frac{1304010000-168}{401(05)-86}$ 111-86

© ИЗДАТЕЛЬСТВО «КАЗАХСТАН», 1986

*Светлой памяти
гвардейцев-однопольчан,
погибших на полях сражений
за свободу и независимость нашей Родины,
посвящается.*

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

Прошло уже более сорока лет, как отгремели залпы небывало жестокой, кровопролитной и разрушительной войны. Поднялись из руин и пепла города и села, расцвели сады, одаривают богатыми урожаями поля и нивы. Гуще стала ранняя седина участников сражений. И не удивительно. После небывало тяжелых военных лихолетий на их плечи легла и основная тяжесть восстановительного периода.

Но и сейчас, когда им уже за 60 и 70, многие еще не только работают, но и вместе с теми, кто находится на заслуженном отдыхе, ведут большую патриотическую, воспитательную работу среди воинов Советской Армии, учащейся молодежи, в школах и трудовых коллективах.

В казахстанских и во всех областных и районных музеях тех мест, по которым с боями прошла дивизия, широко экспонируются материалы из ее истории. Много музеев и уголков боевой славы создано и в школах городов и сел. Все они посвящены боевым подвигам воинов 73-й гвардейской стрелковой Сталинградско-Дунайской Краснознаменной дивизии. Большой музей организован, в частности, в школе № 40 города Алма-Аты. Учащиеся и педагоги продолжают поисковую работу, уточняют имена погибших и пропавших без вести воинов, собирают и бережно хранят реликвии соединения, описания героических эпизодов военной поры. Земной поклон вам, юные следопыты, за ваш благородный труд, за верность традициям отцов и дедов.

Эта книга рождена не желанием составителей и авторов воспоминаний приобщиться к литературному творчеству, она — долг памяти. Прежде всего нам хотелось выполнить в какой-то мере завещание погибших и ушедших из жизни уже после войны, и даже в процессе создания книги, товарищей: назвать

имена героев, дополнить уже рассказанное о мужестве и подвигах, совершенных советскими людьми в огне сражений за Родину, за ее будущее.

Материалы книги располагаются по этапам боевого пути дивизии в хронологической последовательности; внутри каждого из пяти разделов — по важности эпизодов, их месту в тех или иных событиях. Документы и письма в каждом разделе даются вслед за воспоминаниями авторов сборника.

В портфеле составителей имелось множество воспоминаний, документов и материалов. Но ограниченный объем книги потребовал тщательного отбора их для публикации. При этом учитывались значимость событий, военная специальность автора, представительство частей и подразделений, входивших в соединение.

Книга иллюстрирована фотографиями Героев Советского Союза, прославивших дивизию, портретами авторов воспоминаний из коллекций ветеранов. Привлечены также стихотворения и песни дивизионных поэтов А. Деревянко, Н. Ракова и композитора Д. Мацуцина, публиковавшиеся на страницах газеты соединения «За нашу победу».

Совет ветеранов дивизии и составители выражают свою искреннюю благодарность Институту истории партии при ЦК Компартии Казахстана за оказание большой помощи при подготовке сборника к изданию, а также ветеранам дивизии В. М. Акопяну, П. В. Бендюкову, М. И. Вестфрид, П. Ф. Гапченко, Н. Н. Грибову, Т. П. Диановой, А. А. Жадобину, М. Г. Каткову, В. С. Казакову, А. А. Конькову, Г. Н. Космынину, Н. П. Кутузовой, Е. Д. Лапинскому, П. В. Ломанову, Г. А. Микаэляну, Н. А. Попову, П. В. Сергееву, В. М. Сериковой, Т. Л. Ульяновской, А. И. Ципину, М. Шампаеву, А. П. Шеффер и другим товарищам, чьи воспоминания оказали существенную помощь в работе над книгой. Они не вошли в настоящее издание, но бережно хранятся в партархиве Института истории партии при ЦК Компартии Казахстана.

Н. И. ЯЩЕНКО,

Герой Советского Союза,
гвардии генерал-майор в отставке

СЛАВНЫЙ ПУТЬ

В литературе о Великой Отечественной войне до сего времени нет книги о боевом пути 73-й гвардейской стрелковой Сталинградско-Дунайской Краснознаменной дивизии и подвигах ее солдат, сержантов и офицеров. Герой Советского Союза генерал-лейтенант Г. Б. Сафиуллин, командовавший этим соединением с июня 1942 по апрель 1943 года, в своих книгах «Дорогами побед» и «Через реки, через горы» (Казань, Татарское книжное издательство, 1966 и 1973 гг.) охватил фактически лишь один из этапов его истории — участие в Сталинградской битве.

В действующих войсках наша дивизия находилась непрерывно более трех лет, ее почетные наименования «Сталинградская» и «Дунайская», а также высокая награда — орден Красного Знамени — говорят о том, что ее славный боевой путь заслуживает более полного освещения.

Шел первый год войны. В декабре началось контрнаступление советских войск под Москвой, приведшее к разгрому крупнейшей группировки фашистских войск и развеявшее миф о непобедимости германского вермахта. А в стране продолжалась подготовка стратегических резервов для новых операций. Именно тогда, в декабре 1941 — феврале 1942 годов, было сформировано наше соединение, вскоре получившее номер одной из

старейших в Красной Армии — 38-й стрелковой дивизии. Формировалось оно в Алма-Ате из военнообязанных Алма-Атинской, Джамбулской, Семипалатинской и Восточно-Казахстанской областей, частично кадрового состава Среднеазиатского военного округа, выпускников Алма-Атинского, Фрунзенского, Ташкентского и других военных училищ. Примерно 25 процентов личного состава стрелковых полков и 15—18 процентов артиллерийских и специальных подразделений составляли воины-казахи, остальные — представители русского, украинского и других народов нашей необъятной Родины. Верховный Совет Казахской ССР, Алма-Атинский обком и горком партии с первых дней взяли шефство над дивизией, создали все необходимые условия для укомплектования частей личным составом, их оснащения и успешной боевой подготовки.

Формирование дивизии возглавил прибывший с фронта генерал-майор В. И. Найденев, имевший боевой опыт гражданской войны. Военкомом соединения был назначен старший батальонный комиссар А. К. Урманов, а начальником штаба полковник А. В. Казимиров (вскоре его сменил полковник Б. С. Полозов). Укомплектованием, боевой и политической подготовкой подразделений в стрелковых полках руководили: в 29-м — командир капитан А. И. Исаев, комиссар — старший политрук Г. П. Ермоленко, начальник штаба — капитан Виноградов; в 48-м — майор Г. Н. Ткач, старший политрук В. А. Липатов, старший лейтенант П. Н. Петров; в 343-м — майор А. П. Чамов, старший политрук Красносельцев, старший лейтенант В. И. Давиденко; в 214-м артиллерийском — подполковник П. Г. Гурилев, батальонный комиссар И. П. Чурюмов, капитан А. А. Николаев.

Особое внимание обращалось на изучение матчасти оружия, огневую и тактическую подготовку личного состава, в первую очередь приемы борьбы с танками противника. Командиры и политработники воспитывали бойцов на героических традициях Красной Армии, примерах мужества и стойкости покрывшей себя славой на полях Подмосковья гвардейской стрелковой дивизии имени И. В. Панфилова. Отправляясь на фронт, бойцы и командиры поклялись Родине, трудящимся Казахстана с честью выполнить наказ народа беспощадно громить врага до полной победы.

1. Боевое крещение дивизии

В конце февраля — начале марта 1942 года дивизия, преодолев по железной дороге маршрут Алма-Ата — Арысь — Соль-Илецк — Саратов — Мичуринск — Воронеж — Лиски, со-

средоточилась в районе станции Кантемировка Воронежской области. В апреле 1942 года она передислоцировалась в район станции Волоконовка Белгородской области и вошла в состав действующей 28-й армии Юго-Западного фронта. 31 марта командиром дивизии вместо умершего генерал-майора В. И. Найденова был назначен подполковник Н. П. Доценко, вскоре получивший звание полковника.

Боевое крещение дивизия получила в Харьковской наступательной операции. 12 мая 1942 года она вступила в бой на двух направлениях и, взаимодействуя с 13-й гвардейской стрелковой и другими дивизиями армии, первоначально имела успех — овладела крупными населенными пунктами Терновая и Веселое севернее Харькова. Развить успех не удалось. Противник перешел в контрнаступление, и подразделениям соединения пришлось вести тяжелые оборонительные бои на рубежах Мартовая, Новый Бурлук, Юрченково, Великий Бурлук, Хатне, Ольховатка, а также на реке Оскол в районе станций Принцевка, Валуйки, Уразово.

13 июня у совхоза «Подсередний» во время налета вражеских бомбардировщиков был смертельно ранен комдив полковник Н. П. Доценко, вышел из строя и убит на лечение старший батальонный комиссар А. К. Урманов. Командование соединением принял заместитель комдива по строевой части полковник Г. Б. Сафиуллин, а военкомом стал старший батальонный комиссар П. С. Молчанов, оба они участвовали в боях с первого дня войны, пользовались авторитетом среди бойцов и командиров. Действуя в арьергарде 28-й армии, дивизия отходила на восток, сдерживая крупные силы врага. Особенно упорный характер носили бои в районах Валуйки, Уразово, Ровеньки Белгородской области, Новая Россошь, Миллерово Ростовской области. В конце июля части дивизии с боями вышли к большой излучине Дона и по приказу командования сосредоточились на северной окраине Сталинграда в поселке Рынок, где дивизия вошла в состав 57-й армии генерал-майора Ф. И. Толбухина.

II. В Сталинградской битве

На берегу Волги дивизия была срочно пополнена людьми, оружием, боевой техникой и к 1 августа совершила форсированный марш на юг, где перешла к обороне на одном из участков внешнего обвода Сталинграда в районе станции и станицы Абганерово.

В течение пяти дней полки, имея открытые фланги, вели

бои с подходящими с юга частями 4-й танковой армии Гота, пытавшимися прорваться вдоль железной дороги Котельниково — Сталинград. Все попытки частей 29-й немецкой моторизованной дивизии и 6-го румынского армейского корпуса с ходу овладеть рубежом обороны нашей дивизии и станцией Абганерово были отражены. 5 августа дивизия была передана 64-й армии.

Особенно тяжелые бои с превосходящими силами танков и мотопехоты врага велись в течение 6—9 августа. Противник при поддержке авиации, безраздельно господствовавшей в воздухе, почти непрерывно атаковал наши позиции, пытаясь открыть себе путь на Сталинград. Все атаки нам удалось отразить, а 9 августа 1942 года дивизия приняла участие в контрударе советских войск у разъезда «74 км» и Тингутинского лесничества. Силами подошедших свежих 204-й стрелковой дивизии, 13-го танкового корпуса, сводного курсантского полка и частей 254-й и 133-й танковых бригад была отброшена на исходные позиции группировка фашистов, прорвавшаяся в район разъезда. Противник в течение двух недель так и не смог преодолеть нашу оборону. В конце августа, ведя нелегкие арьергардные бои с пехотой и танками врага, дивизия отошла на второй обвод обороны Сталинграда по реке Червленая, а в начале сентября на рубеж Елхи — выс. 128,2—Ивановка (юго-западнее поселка Бекетовки — пригорода Сталинграда, являющегося Кировским районом города). Здесь дивизия перешла к жесткой позиционной обороне и удерживала свой рубеж вплоть до перехода в контрнаступление 20 ноября 1942 года.

Оборона имела активный характер. Полки часто предпринимали контратаки, наносили короткие удары по опорным пунктам врага и участвовали в контрударах 64-й армии в районах Купоросное, Черная Поляна, Песчанка, выс. 128,2, Ивановка.

Широкое развитие получило снайперское движение, а также огонь кочующих пулеметов, орудий и минометов, не дававший гитлеровцам покоя ни днем ни ночью.

В дни Сталинградской битвы было получено обращение казахского народа к воинам-казахам. Оно зачитывалось во всех подразделениях, на казахском и русском языках; теплые слова приветия и непреклонное требование удержать город и разгромить врага под его стенами поднимали боевой дух, повышали стойкость бойцов и командиров.

20 ноября 1942 года дивизия, как и все соединения Сталинградского фронта, перешла в контрнаступление. Прорвав оборону немцев и румын в районе выс. 128,2—Нариман, она уничтожила более двух полков 20-й румынской пехотной и 29-й

моторизованной дивизий немцев и тем самым внесла свой вклад в окружение группировки гитлеровских войск под Сталинградом.

С 10 января и до 2 февраля 1943 года дивизия принимала участие в прорыве глубокоэшелонированной обороны противника на юго-западном участке кольца окружения, в районах хуторов Цыбенко, Рокотино, разъезда Басаргино, железнодорожной станции Воропоново, сел Садовое, Царичанка и железнодорожной станции Сталинград-пассажирский, в расчленении и уничтожении южной части фашистской группировки. В ходе боев 25 января на южной окраине Сталинграда были окружены и пленены части 297-й гитлеровской пехотной дивизии, а ее командир генерал-майор Мориц фон Дреббер стал первым генералом, взятым в плен войсками дивизии. 29 января был окружен и захвачен штаб 14-го немецкого танкового корпуса во главе с командиром корпуса генерал-лейтенантом Шлеммером.

За стойкость и мужество личного состава в оборонительных боях, стремительность и упорство в наступлении в ходе битвы на Волге 38-я стрелковая дивизия приказом народного комиссара обороны от 1 марта 1943 года № 125 была преобразована в 73-ю гвардейскую стрелковую дивизию, а 16 марта 1943 года по ходатайству Сталинградского обкома партии и облисполкома ей присвоено почетное наименование Сталинградской. Почетные наименования получили и полки дивизии: 29-й стрелковый подполковника Г. П. Слатова стал 209-м гвардейским Абганеровским; 48-й стрелковый майора П. Н. Петрова — 211-м гвардейским Басаргинским; 343-й стрелковый майора В. И. Давиденко — 214-м гвардейским Воропоновским; 214-й артиллерийский майора А. А. Николаева — 153-м гвардейским Уразовским. Остальные части и спецподразделения дивизии также получили наименование гвардейских и новую нумерацию. Командиру дивизии Г. Б. Сафиуллину было присвоено очередное звание генерал-майора, его также наградили орденом Красного Знамени.

С победным рапортом ЦК Компартии Казахстана и Президиуму Верховного Совета Казахской ССР в Алма-Ату была направлена делегация, возглавляемая инструктором политотдела дивизии майором Д. С. Вечкутовым.

III. Курская битва

Закаленная и окрепшая в горниле Сталинградских боев 73-я гвардейская после короткого отдыха была переведена на Воронежский фронт. Здесь, находясь в первом эшелоне 25-го

гвардейского стрелкового корпуса 7-й гвардейской (бывшей 64-й) армии, она совершила в условиях весенней распутицы и бездорожья марш от станции Волоконовка к Белгороду и в конце марта 1943 года заняла рубеж обороны по восточному берегу реки Северский Донец в полосе Старый Город — разъезд Крейда — Батрацкая Дача — Мясоедово. Бывший командир дивизии генерал-майор Г. Б. Сафиуллин был назначен командиром корпуса, а в командование 73-й вступил полковник С. А. Козак.

Почти два месяца, апрель и май, дивизия и все другие соединения армии и фронта упорно совершенствовали свои оборонительные рубежи. Были созданы развитая сеть траншей и противотанковых опорных пунктов, отсечных и ложных позиций, рубежей разветвления противотанковых и общевойсковых резервов, система связи и наблюдения, оборудованы пункты управления и район расположения тылов.

Под руководством командира, зачаточника политотдела и начальника штаба дивизии (им стал подполковник А. Д. Овсянников), командиры, политработники и штабы полков неустанно совершенствовали боевую и политическую подготовку в подразделениях. Это было важно, так как пополнение шло молодое, из освобожденных районов и прибывших с маршевыми ротами из глубины страны.

Политработники, постоянно разнообразя формы политической работы, воспитывали у вновь прибывших бойцов высокие морально-политические и боевые качества для успешного выполнения патриотического долга перед Родиной, и это незамедлительно проявлялось в боеспособности подразделений. Противник все время держался под артиллерийским огнем, большой урон наносили врагу снайперы. Одним словом, части дивизии всесторонне готовились к жестоким боям.

Вдали от переднего края были созданы специальные учебные поля и городки, на которых войны обучались тактике оборонительного и наступательного боя, способам борьбы с тяжелыми танками типа «тигр»; с целью ликвидации танкобоязни производили специальную «обкатку» воинов в условиях, приближенных к боевым.

27 мая 1943 года дивизия передала свою полосу обороны 81-й гвардейской стрелковой дивизии и была выведена во второй эшелон корпуса, на вторую полосу обороны по рубежу Мясоедово — Батрацкая Дача — совхоз «Поляна». Здесь части продолжали боевую и политическую учебу, совершенствовали систему полевых оборонительных сооружений.

5 июля противник перешел в наступление на южном и се-

верном флангах Курского выступа с целью окружения и уничтожения группировки наших войск. К исходу дня 73-я гвардейская получила задачу перейти к обороне в полосе Генераловка — Крутой Лог — Кореньская Дача — Никольское и не допустить прорыва гитлеровской танковой группировки из района Разумное, Крутой Лог в северном и северо-восточном направлениях на город Короча.

Наиболее кровопролитные бои с утра 6 июля разгорелись на участке 3-го и 1-го батальонов 214-го гвардейского полка в районе Крутого Лога и 209-го гвардейского стрелкового полка у Генераловки. Фашистам, сосредоточившим у Крутого Лога более 120 танков, в том числе и новых, типа «тигр», так и не удалось прорваться через боевые порядки 214-го полка. Огнем дивизионной артиллерии и приданного для усиления самоходного артиллерийского полка, а также противотанковыми гранатами и бутылками с горючей жидкостью 39 вражеских танков были подбиты и сожжены, атаки пехоты отбиты.

Во второй половине дня гитлеровцам удалось, произведя перегруппировку и введя в бой свежие танковые силы, прорваться в район Генераловки, однако на второй полосе обороны под Батрацкой Дачей их дальнейшее продвижение было остановлено.

Первую половину июля части дивизии прочно удерживали занимаемые рубежи, неоднократно наносили контрудары по флангам группировки фашистов, а с переходом войск Воронежского и Степного фронтов в контрнаступление отбросили врага на исходные позиции. В начале августа с ходу форсировали реку Северский Донец и приняли участие в освобождении Белгорода, Харькова, Мерефы, Краснограда. В последней декаде сентября наши полки вышли на ближайшие подступы к Днепру у села Старый Орлик.

IV. Форсирование Днепра, освобождение Правобережной Украины и Молдавии

В ночь на 25 сентября части 73-й гвардейской, действуя в авангарде корпуса, внезапно с ходу форсировали на подручных средствах Днепр северо-западнее города Верхнеднепровска, захватили большой остров Глинск-Бородаевский и тактический плацдарм на правом берегу реки в районе Бородаевка-Восточная и Бородаевские хутора Днепропетровской области.

Первыми преодолели мощную водную преграду подразделения 214 и 211-го полков, затем 209-го полка и учебного ба-

таблона дивизии. 84-й гвардейский саперный батальон при форсировании, расширении и удержании плацдарма надежно обеспечивал переправу и инженерное прикрытие боевых действий стрелковых частей.

Наращивая силы и боевую технику, взаимодействуя с соседними 78-й и 72-й гвардейскими дивизиями, полки 73-й в ожесточенных боях с врагом упорно и настойчиво расширяли участки, занятые на правом берегу Днепра. К началу октября плацдармы дивизий объединили в один, который получил большое оперативное значение. Создав так называемый «Восточный вал» по реке Днепр, немецкое командование надеялось ликвидировать этот плацдарм, остановить продвижение советских войск. Потому-то против бородаевского плацдарма противник бросил свои 9-ю и 23-ю танковые, 161-ю, 306-ю и 355-ю пехотные дивизии, а 6 октября он сосредоточил и нанес с запада, вдоль Днепра, контрудар силами 6-й танковой дивизии и моторизованной дивизии «Великая Германия».

О степени напряженности боев в эти дни можно судить по количеству контратак неприятеля, предпринимавшихся, как правило, с различных направлений: ежедневно наши части отражали по 6—9 контратак. Бои в районе Корнилово-Натальевка, Васильевка, Бородаевские хутора не прекращались ни днем ни ночью. Гвардейцы, даже будучи окруженными превосходящими силами врага, продолжали драться, а затем по приказу командования прорывали вражеское кольцо. Понеся большие потери в танках и живой силе и исчерпав свои наступательные возможности, противник перешел к обороне, так и не добившись ликвидации бородаевского плацдарма.

В середине октября отсюда началось наступление наших войск — освобождение Правобережной Украины. Прорвав оборону неприятеля и преследуя его отходящие части, дивизия совместно с 14-й гвардейской стрелковой дивизией полковника Г. П. Слатова 22 октября овладела крупным железнодорожным узлом Верховцево и станцией Щорск. В последующем, продолжая наступление в условиях осенних дождей, распутицы и бездорожья, она преследовала врага в направлении Желтые Воды, районного центра Петрово Кировоградской области.

28 октября из района юго-восточнее Кировограда фашисты нанесли мощный контрудар по стыку 7-й гвардейской и 57-й армий. Отражая его в ожесточенных боях, части дивизии отошли на выгодный в тактическом отношении рубеж Маловодяное — Александродар — Братское, где и перешли к обороне. Все попытки дальнейшего продвижения противника в восточ-

ном направлении и выхода на реку Ингулец не увенчались успехом.

14 ноября дивизия провела частную наступательную операцию, в результате которой вышла на рубеж Верблюжка — Новомосковское — высота 169,7 и здесь вела оборонительные бои до 29 февраля 1944 года. 18 декабря она была передана в 57-ю армию генерал-лейтенанта Н. А. Тагена и в ее составе вела боевые действия до конца войны.

Захват и расширению плацдармов на Днестре советское командование придавало большое значение и высоко оценило доблесть и боевые успехи воинов 73-й. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 октября 1943 года и 22 февраля 1944 года были удостоены высокого звания Героя Советского Союза 20 гвардейцев дивизии: комдив генерал-майор С. А. Козак, командиры полков — подполковники В. И. Давиденко, С. Ф. Севастьянов, Г. А. Микаэлян, начальник штаба полка майор А. Г. Попов, начальник артиллерии 209-го стрелкового полка старший лейтенант В. А. Засядко, командиры взводов младшие лейтенанты И. Е. Гриб и А. И. Отставнов, старшие сержанты — С. А. Лычаков, И. И. Бойко, Г. А. Запорожченко, сержанты — А. М. Анищенко, М. Балмагамбетов, Я. С. Котельников, В. С. Лозов, В. В. Старыгин, младший сержант С. Ш. Жаксыгулов, рядовые — Н. П. Драгунов, Г. Г. Коньков и В. Н. Нечаев.

6 марта 1944 года началось наступление войск 3-го Украинского фронта по освобождению юга Правобережной Украины. 73-я гвардейская еще раньше, 29 февраля, прорвала оборону противника у села Варваровка и овладела этим мощным узлом сопротивления. 10 марта она овладела Братолюбовкой, а потом и крупным железнодорожным узлом Долинская на магистрали Знаменка — Николаев. Развивая успех, ее части 15—16 марта освободили Бобринец, Братское и к 27 марта вышли на реку Южный Буг у села Александровка (севернее Вознесенска) Николаевской области, с ходу форсировав реку и продолжая наступление, 30 марта заняли районный центр Николаевку, 31 марта — Андреево-Ивановку, 2 апреля — Жовтень, 3 апреля — Цебриково, уже в Одесской области.

По мере приближения к Днестру сопротивление врага возрастало. Организуя подвижную оборону и арьергардные бои, фашисты часто предпринимали контратаки. Продолжая наступление, наши 214-й и 211-й стрелковые полки в течение двух дней нанесли поражение подошедшей 293-й немецкой пехотной дивизии и 6 апреля овладели железнодорожной станцией Веселый Кут, захватили 6 эшелонов с военным имуществом и

танками. В 16 часов 11 апреля наши подразделения вступили в село Малаешти на территории Молдавии, а на следующий день вышли на реку Днестр в районе Тея — Красная Горка — Бычек.

В ночь на 13 апреля 1944 года 211-й и 214-й полки на подручных средствах форсировали Днестр и совместно с частями 52-й стрелковой дивизии полковника Л. М. Миляева захватили тактический плацдарм у села Гура-Быкулуй. Потом его удалось расширить до 6—8 километров. Здесь части перешли к обороне и начали подготовку к новому наступлению.

За мужество и храбрость, проявленные в боях при форсировании реки Южный Буг и освобождении Правобережной Украины, 3 июня 1944 года Президиум Верховного Совета СССР присвоил звание Героя Советского Союза командирам рот старшим лейтенантам Ф. М. Андрееву (посмертно), С. Г. Соболеву и старшему сержанту Д. И. Левицкому, артиллеристу из противотанкового дивизиона.

20 августа 1944 года началась Яско-Кишиневская наступательная операция войск 2-го и 3-го Украинских фронтов. 73-я гвардейская дивизия, пополненная людьми, боевой техникой и вооружением, была введена в бой с Копанского плацдарма и, действуя в направлении Каушаны, Троица, Чимишлия, Каракуй, Сарата-Галбена, принимала участие в разгроме кишиневской группировки фашистских войск, пытавшихся прорваться из окружения к реке Прут. В ходе боев части дивизии уничтожили 2900 солдат и офицеров, 21 танк и бронетранспортер, более 20 орудий и 7 танков противника, пленили 703 человека.

Завершив разгром остатков вражеских войск на территории Молдавии, дивизия совершила марш и 31 августа сосредоточилась в городе Измаил Одесской области.

V. В заграничных походах и боях

В начале сентября 1944 года дивизия на паромах и плавсредствах Дунайской военной флотилии из Измаила была переправлена на правый берег Дуная в румынский город Тульча. Совершив 215-километровый марш, части пересекли Добруджу и к 7 сентября сосредоточились на румыно-болгарской границе близ города Трупчилар.

В 11 часов 8 сентября 1944 года войска 3-го Украинского фронта перешли границу Болгарии. 73-я гвардейская двумя походными колоннами совершила марш-бросок через Красен, Нови Пазар, Каспичан, Злокучен и к 10 сентября вышла в район Кылново, Янково, Смядово, Риш, Карнобат.

19 сентября ее части сосредоточились в районе города Шумен, а 21 сентября выступили по маршруту Шумен — Тырговиште — Тырново — Габрово — Троян — Болгарски Извор — Вратце — Фердинанд — Белградчик и, пройдя по Болгарии 780 километров, к 5 октября сосредоточились западнее города Кула, вблизи болгаро-югославской границы.

В период с 6 по 12 октября 1944 года части дивизии во взаимодействии с 4-м гвардейским механизированным корпусом генерал-лейтенанта В. И. Жданова и действующими впереди и на флангах частями 64-го и 68-го стрелковых корпусов преодолели упорное сопротивление гитлеровской армейской группы «Сербия», пересекли югославскую границу, прорвали укрепленную пограничную полосу, преодолели Восточно-Сербские горы, вышли в долину реки Морава и, форсировав ее, оказались у города Младеновац на южных подступах к столице Югославии Белграду.

Для совместных действий при штурме Белграда распоряжением командующего армией генерал-лейтенанта Н. А. Гагена 73-я гвардейская стрелковая дивизия была передана в оперативное подчинение командира 4-го гвардейского мехкорпуса. В ожесточенных боях, продолжавшихся с 13 по 20 октября, дивизия взаимодействовала с танковой и механизированной бригадами этого корпуса, а также с 1-й и 6-й Пролетарскими дивизиями 1-го корпуса и 11-й дивизией 12-го корпуса Народно-освободительной армии Югославии (НОАО). Совместными усилиями они, разгромив крупную группировку врага на подступах к городу и на его улицах, освободили югославскую столицу. Внезапность прорыва советских войск к Белграду, их стремительность и решительность, а также тесное взаимодействие с соединениями НОАО решили исход битвы за город и сохранили его от разрушений.

20 октября Москва салютовала войскам фронта, освободившим столицу братского народа, а 25 октября в Белграде состоялся парад освободителей. В едином строю, четко чеканя шаг, гордо шли советские и югославские воины, побратимы и соратники в борьбе с фашизмом.

За активные боевые действия в Югославии и участие в освобождении Белграда 73-я гвардейская дивизия удостоена ордена Красного Знамени, 214-й стрелковый полк получил орден Богдана Хмельницкого II степени. Многие солдаты и офицеры награждены советскими орденами и медалями, а 61 воин и югославскими. Командир дивизии Герой Советского Союза С. А. Козак был удостоен звания Народный герой Югославии.

Дальнейший путь нашего соединения лежал через северную часть автономной области Воеводина по маршруту Белград — Петровград — Стари Бечей — Кула — Црвенка — Сомбор — Бездан в направлении Будапешта.

13 ноября 214-й и 209-й полки, а 15 ноября и 211-й, форсировали Дунай у села Батина и во взаимодействии с 233-й стрелковой дивизией советских войск, 12-й и 7-й бригадами 51-й Воеводинской дивизии НОАЮ под командованием Народного героя Югославии подполковника (ныне генерал-лейтенанта) Срега Савича в тяжелых боях в течение полумесяца удерживали и расширяли плацдарм для размещения группировки, нацеленной на города Печ, Капошвар в южной части Задунайской Венгрии.

За успешное форсирование Дуная дивизия приказом Верховного Главнокомандующего от 6 января 1945 года получила наименование «Дунайской», а 209-й и 211-й полки были награждены орденами Богдана Хмельницкого II степени, 153-й арtpолк — орденом Кутузова III степени. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 24 марта 1945 года за успешные боевые действия на батинском плацдарме звание Героя Советского Союза присвоено начальнику политотдела дивизии гвардии подполковнику А. Г. Воронову, командиру 214-го полка гвардии майору Н. И. Яценко, начальнику штаба 209-го полка гвардии майору И. Н. Зайцеву, заместителю командира 211-го полка по политчасти гвардии майору Н. К. Ткаченко (посмертно), командиру роты гвардии капитану И. Ф. Пигину, командиру батареи старшему лейтенанту Н. Т. Пуха, командиру взвода лейтенанту В. П. Мусину (посмертно), старшине Н. Е. Ерещенко; младший сержант А. И. Цибарев стал полным кавалером ордена Славы. Командир дивизии Герой Советского Союза, Народный герой Югославии С. А. Козак Указом от 28 апреля 1945 года был награжден второй Золотой Звездой Героя Советского Союза.

Оказывая помощь югославскому народу в борьбе с фашистскими оккупантами, части 73-й прошли по территории Югославии 785 километров, потеряли в боях 3538 солдат, сержантов и офицеров, в том числе убитыми 676 человек. На мемориальном кладбище в Белграде, где похоронены воины, горит вечный огонь. На высоком берегу Дуная в районе высоты 169, у села Батина, благодарными югославами воздвигнут грандиозный обелиск в память о погибших в боях, у его подножья также не гаснет огонь славы и скорби.

В начале декабря 1944 года дивизия с боями вступила на территорию Венгрии и освободила многие десятки населенных

пунктов, в том числе город Сигетвар южнее озера Балатон. На рубеже Шюпоньяй — Шетель — Надьбайом — Халашгати части дивизии перешли к обороне и вели ее до конца марта 1945 года, прочно прикрывая направление Надьканижа, Печ. Мы хорошо понимали, что противник попытается перейти в контрнаступление, чтобы деблокировать окруженный Будапешт, прорваться к Дунаю и, опираясь на эту мощную преграду, если и не удерживать позиции на Балканах, то хотя бы прикрыть отход своих войск из западной части Югославии. Потому-то все активно работали над созданием многополосной обороны, с опорными пунктами, отсечными позициями и различными инженерными сооружениями. Тщательно были продуманы и решены вопросы артиллерийского обеспечения боя и маневра резервами. Непрерывно и напряженно шла боевая учеба личного состава и подготовка штабов. Создана устойчивая система связи и управления войсками.

Контрнаступление гитлеровских войск в Венгрии началось 6 марта 1945 года. Вспомогательный удар южнее озера Балатон противник наносил силами 1-й горнострелковой, 71-й пехотной, 118-й легкой пехотной и 16-й мотодивизией «СС» из района города Надьбайом. Эта группировка должна была пробиться вдоль шоссе и железной дорог к Капошвару через боевые порядки 73-й гвардейской стрелковой дивизии. Но, несмотря на превосходство в силах и средствах, фашисты не преодолели даже тактической зоны обороны. 211-й полк гвардии майора Н. И. Яценко и 209-й полк гвардии подполковника П. В. Сергеева, находившиеся в первом эшелоне, при поддержке 214-го полка гвардии полковника В. И. Давиденко остановили, а потом и отбросили врага на его исходные позиции. За успешное ведение боевых действий на территории Венгрии 211-й полк был удостоен второй награды — ордена Александра Невского.

В ходе этих боев 13 марта 1945 года после того, как генерал-майор С. А. Козак был назначен командиром 21-го гвардейского стрелкового корпуса, командиром дивизии стал полковник В. И. Щербенко.

Отразив мартовское контрнаступление немецко-фашистских войск, наши части начали наступление в венском направлении. 28 марта после артиллерийской и авиационной обработки подразделения 73-й гвардейской взломали оборону гитлеровцев и уже 29 марта овладели сильно укрепленным городом Надьбайом, 30 марта — Бегене, 2 апреля — городом Надьканижа. По территории Венгрии за четыре с половиной месяца дивизия прошла с боями 265 километров, 5 апреля вновь вступила на

территорию Югославии и совместно с югославскими частями вошла в город Мурска-Собота. На землях Словении 73-я вела бой с частями 23-й танковой дивизии, 126-м и 128-м пехотными полками 13-й дивизии «СС». Шаг за шагом тесня противника, 73-я гвардейская освободила Петанци, Гедеровицы, Цанково, Перточа и достигла границы с Австрией. Заняв рубеж западнее населенных пунктов Пельтен, Хальбенрайн, уже в Австрии, части перешли к обороне. Вскоре наступление возобновилось. Боевые действия дивизия закончила 9 мая 1945 года в глубине Австрийских Альп, в районе городов Вильдон и Лейбниц. А 12 мая на заранее согласованной демаркационной линии севернее Ландсберга состоялась встреча с союзными английскими войсками.

До 15 мая продолжалось в Австрии разоружение капитулировавших гитлеровских частей.

В июне-июле 1945 года дивизия совершила переход из Австрии в Румынию и вошла в состав Южной группы войск. Во время марша в городах и населенных пунктах Раднерсбург (Австрия), Мурска-Собота, Сомбор, Петровоград (Югославия), Надьканижа, Надьбайом, Капошвар, Сигетвар, Печ (Венгрия) гвардейцы 73-й провели митинги и торжественные церемонии открытия памятников и мемориалов в местах массовых захоронений однополчан, навсегда оставшихся лежать в земле стран юго-восточной Европы.

В июне 1946 года наша дивизия была расформирована.

73-я гвардейская дивизия — детище Казахстана — более трех лет непрерывно находилась в действующей армии, она оправдала доверие партии и народа, с честью выполнила возложенные на нее боевые задачи. Ее частями пройден боевой путь в 4628 километров, из них с боями 1586. Соединение совместно с другими войсками отстояло Сталинград, принимало участие в освобождении 69 городов и более 300 крупных населенных пунктов на территории Российской Федерации, Украины, Молдавии, а также пяти стран юго-восточной Европы: Румынии, Болгарии, Югославии, Венгрии и Австрии. Дивизия с боями форсировала Северский Донец, Днепр, Ингул, Южный Буг, Днестр, Сава и Дунай.

Частями дивизии уничтожено 83 970 солдат и офицеров противника, 15 самолетов, 426 танков, 43 штурмовых орудия, 81 бронетранспортер, 424 орудия всех калибров и 186 минометов. Взято в плен 15 676 человек (не считая военнопленных, разоруженных после капитуляции в мае 1945 года). За это же время захвачены трофеи: 29 самолетов, 60 танков, 38 штурмовых орудий, 90 бронетранспортеров и бронемашин, 4265 автома-

шин всех типов, 1746 орудий и минометов и много другого военного имущества и вооружения¹.

В ходе боевых действий личным составом 73-й гвардейской дивизии были проявлены стойкость и упорство в обороне, активность и стремительность в наступлении, смелость и дерзость при форсировании рек и захвате плацдармов, выносливость и закалка при совершении марш-маневров.

За подвиги в боях награждены орденами и медалями СССР 16 398 человек, наградами иностранных государств — 97 человек. Дивизия вырастила одного кавалера трех степеней ордена Славы, 36 Героев Советского Союза, один из них генерал-майор С. А. Козак стал дважды Героем Советского Союза и Народным героем Югославии.

Примечательно, что более половины удостоенных государственных наград — коммунисты. При выезде дивизии на фронт они составляли около 9 процентов ее личного состава. Командиры и политработники распределили их таким образом, чтобы во всех ротах и батареях были созданы первичные организации, а в каждом взводе имелось хотя бы по 3—4 партийца.

Коммунисты оправдали надежды командования и стали той цементирующей силой, которая сплачивала людей, ускоряла превращение мирного труженика в солдата. А в боях они всегда были впереди: там, где труднее и опаснее. Поэтому потери среди членов и кандидатов партии всегда превышали общие потери. Бывали случаи, когда в роте или батарее не оставалось ни одного коммуниста. Но продолжалось это недолго: вместо погибших и выбывших на лечение в госпитали в партию вступали новые солдаты, сержанты, офицеры — парторганизация дивизии не только восстанавливалась, но и росла. К концу войны она охватывала около 20 процентов личного состава соединения.

Я уже называл имена политработников, возглавлявших партийную, всю политическую работу в дивизии. Особенно хочется выделить заместителя командира дивизии по политчасти Алексея Григорьевича Воронова. Он умело руководил деятельностью политотдела дивизии, четко планировал, строго, но без придиорок контролировал работу сотрудников своего небольшого по численности, но высококвалифицированного аппарата. Не упускал из виду ни редакцию газеты, ни дивизионный ансамбль. При этом его самого можно было чаще видеть не в политотделе или штабе, а в частях и подразделениях. Потому-то Воро-

¹ Центр. архив МО СССР, ф. 1212, оп. 1, д. 45, л. 297.

нов прекрасно знал всех политработников полков и батальонов, парторгов рот и даже многих взводных агитаторов, а также строевых командиров и начальствующий состав служб и подразделений тыла. Я уж не говорю о личной храбрости и отваге. Все уважали замполита дивизии за партийную принципиальность, организаторский талант и заботливое отношение к воинам. Ценило его и командование: вступил он на свою ответственную должность в декабре 1943 года майором, а ушел на пост начальника политотдела корпуса в апреле 1945 года уже полковником, Героем Советского Союза.

Таковы вкратце боевой путь нашей дивизии, заслуги перед Родиной ее воинов-гвардейцев. Нелегко добывались ратные успехи. Война есть война — не обходилось без жертв. Бывали и очень тяжелые периоды в боевой жизни частей 73-й. В начале боевого пути пришлось испытать горечь неудач и вынужденно отходить под натиском превосходящих сил коварного, опытного, до зубов вооруженного и хорошо обученного врага. Мы теряли на полях сражений своих боевых друзей, товарищей, но ничто не сломило духа советских воинов, их воли к беспощадной борьбе с немецко-фашистскими захватчиками, не подорвало их веру в нашу Победу.

1

**УЧАСТИЕ
ДИВИЗИИ
В ХАРЬКОВСКОЙ
ОПЕРАЦИИ**

А. К. МОРОЗОВ,

командир 2-го стрелкового батальона
48-го (211-го гвардейского)
стрелкового полка

В МАЕ — ИЮЛЕ СОРОК ВТОРОГО

В начале Харьковской наступательной операции 1942 года 38-я стрелковая дивизия находилась во втором эшелоне 28-й армии, но ее 343-й стрелковый полк майора А. П. Чамова с двумя батареями 134-го противотанкового артдивизиона был передан в оперативное подчинение командира 13-й гвардейской стрелковой дивизии полковника А. И. Родимцева, а 214-й арtpолк и 160-й отдельный минометный дивизион поддерживали 169-ю стрелковую дивизию генерала С. М. Рогачевского, наступавших в первом эшелоне армии.

Вечером 13 мая командир дивизии подполковник Н. П. Доценко получил приказ уничтожить во взаимодействии с 13-й гвардейской стрелковой дивизией окруженный фашистский гарнизон в селе Терновое. В этот вечер комдив лично посетил многие подразделения. Вместе с командиром и комиссаром нашего 48-го стрелкового полка майором Г. Н. Ткачом и старшим политруком В. А. Липатовым он побывал и во 2-м стрелковом батальоне, которым в звании лейтенанта поручено было командовать мне. Обходя подразделения, командиры тепло беседовали с бойцами, интересовались их настроением, состоянием вооружения, наличием боеприпасов, качеством питания.

Терновое противник превратил в сильный опорный пункт, состоящий из дзотов, покрытых бревнами в несколько накатов и оборудованных пушками, пулеметами. Окопы были отрыты в полный профиль. В селе враг имел кроме того более 30 танков, много артиллерии, подступы к передовой были заминированы.

14 мая в 5 часов утра дивизия вышла на исходные рубежи, 48-й стрелковый полк занял позиции восточнее и юго-восточнее села Терновое, 29-й стрелковый полк — южнее и западнее. Далее разместились полки 13-й гвардейской.

После артиллерийской подготовки части нашего соединения начали наступление.

Фашисты отбивались яростно, их авиация почти круглосуточно бомбила наши позиции. Но, преодолевая упорное сопротивление противника, батальоны и полки дивизии, неся потери, все же метр за метром сжимали кольцо окружения врага.

2-му батальону была поставлена задача овладеть центральной частью Тернового. Я понимал, что без средств усиления выполнить ее будет очень трудно. Посоветовавшись с комиссаром, старшим политруком С. П. Чепуром, с командирами рот и взводов, принял решение атаковать гитлеровцев внезапно ночью.

Оставив на исходном рубеже все, что могло издавать шум, в 2 часа ночи тихо, по-пластунски, воины стали продвигаться к переднему краю неприятеля. Потом решительным броском силами всего батальона ошеломили противника и ворвались в его боевые порядки. Часть фашистов была уничтожена, а остальные бежали на второй оборонительный рубеж. В этом бою в рукопашной схватке героически сражался любимец батальона комиссар С. П. Чепур. Он одним из первых ворвался во вражеские окопы и уничтожил немало немецких солдат. На рассвете майор Г. Н. Ткач, поблагодарив за смелые действия, приказал продолжить наступление в центральную часть села.

Оправившись после ночного поражения, гитлеровцы решили вернуть утерянные позиции. Из укрытий, дзотов они встретили наши наступающие цепи ураганным огнем. В воздухе беспрерывно висели 20—30 немецких самолетов и бомбили наши боевые порядки. Продвижение замедлилось.

В батальон прибыл заместитель командира дивизии полковник Г. Б. Сафиуллин, а вместе с ним командир и комиссар нашего полка. Они провели у нас совещание. Мне было приказано создать штурмовые группы из бойцов разных специаль-

ностей и, организовав их взаимодействие между собой и с остальными силами батальона, вновь атаковать противника.

После артиллерийской подготовки батальон захватил центральную часть села, одновременно 3-й и 1-й батальоны, наступавшие правее и левее нас, выбили гитлеровцев из первой линии обороны.

Бои были ожесточенными, наши воины проявили в них мужество и отвагу. Особенно решительно действовала стрелковая рота лейтенанта Михаила Фоменко, героически погибшего в этом бою.

В результате ожесточенных кровопролитных боев многие солдаты и офицеры неприятеля были уничтожены, и лишь часть с помощью танкового деблокирующего тарана пробилась на запад.

Давая оценку боям этого периода, бывший член Военного совета 28-й армии бригадный комиссар Н. К. Попель напишет, что наши бойцы дрались лучше, чем в январе и феврале, увереннее и злее. Однако буквально каждый метр отвоеванной земли оплачивался кровью, большой кровью... В целом же Харьковская наступательная операция наших войск окончилась серьезной неудачей.

Началось отступление... Чтобы прикрыть фланг 28-й армии, нашей дивизии был дан приказ занять оборону на левом берегу реки Северский Донец. Забегая вперед, скажу, что в течение двух месяцев нам пришлось вести тяжелые, кровопролитные бои. Отражая натиск хорошо вооруженных сил гитлеровцев, мы отступали от рубежа к рубежу, прикрывая отход соединений и тылов армии.

Ночью 30 мая, совершив 70-километровый марш под проливным дождем, части дивизии заняли оборону в районе населенных пунктов Артемовка, Малый Бурлук, Юрченково. 10 суток укрепляли полосу обороны. Утром 10 июня вражеская ударная группировка при поддержке авиации перешла в наступление. Под ее ударами части дивизии по приказу командования начали отходить на восток.

Мне особенно запомнились бои этих дней. Гитлеровцы, прорав нашу оборону, устремились вперед. Две вражеские танковые колонны с пехотой на машинах двинулись на Артемовку и Малый Бурлук. Основной удар противника пришелся на боевые порядки 48-го полка.

С НП батальона было хорошо видно, как ползли немецкие танки, как фашистская артиллерия обстреливала передний край, а «юнкерсы» непрерывно бомбили наши позиции. На НП прибыл комдив полковник Н. П. Доценко, военком дивизии

полковой комиссар А. К. Урманов и командир полка майор Г. Н. Ткач. Они проверили организацию огня, побеседовали с воинами. В заключение было отдано распоряжение: пропустить через свои порядки остатки отходящих частей первого эшелона и приготовиться к отражению атак противника. Надо выстоять во что бы то ни стало.

Через несколько минут показались группы воинов из первого эшелона. Они героически отбивались от нападающего врага. На поле брани стоял непрерывный гул от разрывов бомб, снарядов, стрельбы пулеметов, автоматов. В воздухе висела сплошная пелена пыли и дыма.

Приведу несколько строк из книги Г. Б. Сафиуллина об этом бое. «... Воины вступили в бой организованно, всеми средствами. Перед участком полка майора Ткача вражеские танки были остановлены артиллерией на подступах к переднему краю. Первыми залпами пушек артиллерийского дивизиона капитана Мусорина и роты бронебойщиков были подбиты шесть танков, восемнадцать бронетранспортеров и десятки автомашин.

Бойцы пулеметного взвода Иманкулова с позиций боевого охранения полка пулеметным и автоматным огнем отсекали батальон пехоты, уничтожили роту солдат, а остальных заставили отступить.

При этом сам Качен Иманкулов уничтожил 27 гитлеровцев.

... После ожесточенной схватки внутри обороны гитлеровцы, оставив двенадцать танков, повернули назад. В этом бою отделение Хакима Кожаметова связками гранат уничтожило два танка»¹.

Особенно тяжело было воинам батальона, когда несколько вражеских танков, ворвавшись в наше расположение, стали утюжить окопы. А за танками приближалась пехота...

В контратаку были подняты бойцы 1-й и 3-й рот. В короткой рукопашной схватке они уничтожили прорвавшихся фашистов, а остальных отбросили огнем пулеметов, автоматов и винтовок. Были остановлены и вражеские танки.

В течение трех суток полки дивизии вели бой с танками и пехотой противника. Только в ночь на 13 июня мы получили приказ отойти на новый рубеж. Когда подошли к совхозу «Подсередний», над нами тотчас же появилась большая группа немецких бомбардировщиков и обрушила сотни бомб. От-

¹ Сафиуллин Г. Б. Дорогами побед. Казань, 1966, с. 99.

бомбившись, фашистские летчики стали обстреливать наши подразделения из пушек и пулеметов. Укрыться было негде. Местность равнинная. Гитлеровские стервятники на бреющем полете гонялись даже за отдельными бойцами.

Я схватил ручной пулемет, положил его на плечо солдата и стал строчить по самолетам. Этому примеру последовали другие командиры и бойцы. Стоя, с колена, лежа повели огонь из противотанковых ружей, винтовок и автоматов. Наконец один фашистский стервятник врезался в землю, другой задымил, остальные поспешили за горизонт.

В этот момент из-за поселка совхоза «Подсередний» показалась колонна вражеских танков и с ходу открыла интенсивный огонь из пушек и пулеметов. Вступивший в командование дивизией после гибели Н. П. Доценко полковник Г. Б. Сафиуллин приказал развернуться в боевой порядок, окопаться и удержать рубеж. И сейчас, спустя более сорока лет, не могу забыть, как мы тогда лихорадочно окапывались. У кого не было саперных лопат — рыли ячейки касками, котелками, штыками. Проверая оборону батальона, мы обратили внимание на бойца, у которого дело шло медленно. Он разрыхлял землю штыком, а затем рукой, завернутой в пилотку, выгребал ее. Пилотка была мокрая. Сняв с руки воина пилотку, мы увидели, что на пальцах у него уже не было ногтей... В течение 15—20 минут большинство бойцов и командиров вырыли ячейки в твердой выжженной земле.

Первая атака фашистских танков была отражена массированным огнем 214-го артполка майора Николаева, 134-го истребительного противотанкового дивизиона капитана Казарина и противотанковых ружей наших бронебойщиков. Особенно отличился наводчик орудия В. Г. Ткаченко, подбивший из своего орудия 4 танка противника, за что первым в дивизии получил высшую награду Родины — орден Ленина.

Больше десяти танков было подбито у переднего края. Мы полагали, что противника удалось остановить надолго, но очень скоро в воздухе появились около сорока «юнкерсов». Они вновь обрушили на нас град бомб и пуль. Не успели улететь самолеты, как на наши позиции ворвались танки. У нас было очень мало гранат, бутылок с горючей смесью, патронов к ПТР и снарядов для пушек. Но мы все-таки выстояли и не пропустили врага.

«Дивизия, прикрывая в течение пяти суток левый фланг армии от удара мощной танковой группировки немцев, с честью выполнила приказ Военного совета армии», — так напишет

позже генерал-лейтенант Г. Б. Сафиуллин в своих воспоминаниях¹.

В этих жестоких июньских боях многие войны отдали свою жизнь или были ранены. 13 июня погиб наш храбрый командир полка майор Г. Н. Ткач. Командование частью принял старший политрук В. А. Липатов.

Дивизия заняла новый рубеж обороны восточнее села Хатня по линии Бутырки — Буденовка — Амбарный. За ночь были отрыты окопы, организована система огня. Здесь мы получили станковые пулеметы, боеприпасы и вели тяжелые бои в течение полумесяца.

28 июня противник возобновил широкие наступательные действия. 38-я вновь должна была обеспечить отход частей 28-й армии, прикрыв направление: Амбарное — Кукуевка — Уразово. В полосе дивизии враг двинулся вперед 30 июня. Полки отбили яростные атаки танков и мотопехоты, поддержанные авиацией. Вечером батальон получил приказ форсированным марш-броском выйти в район села Козловка, что на реке Оскол, западнее города Уразово. Сюда спешно перемещались и остальные подразделения дивизии. Как мы ни спешили, а на левый берег реки, отведенный батальону рубеж, опередив нас, уже прорвалась колонна танков, бронетранспортеров и артиллерии противника. Этим силам гитлеровцев мы могли противопоставить только стрелковое оружие, ПТР, гранаты и бутылки с горючей смесью.

Фашисты, видимо, не предполагали, что в район их прорыва так быстро подойдут советские части. Поэтому их танки двинулись сюда без всякой разведки, самоуверенно, с открытыми люками. Бойцы и командиры в напряжении ждали — решили подпустить их как можно ближе, на расстояние верного броска гранаты и бутылки с горючей смесью.

Минуты и секунды, в течение которых с гулом и грохотом ползли танки и бронемашины, показались вечностью... Задрожала и начала осыпаться в ячейках с бруствера и стенок земля. Корпус огромного танка стал закрывать передо мною горизонт...

Я бросил бутылку с горючей смесью. Она разбилась у смотровых щелей, и черно-серый дым, а потом и пламя охватили машину.

Из других ячеек и окопов на вражеские танки также полетели гранаты и бутылки, а по второму вражескому эшелону ударили бронебойщики и минометчики. До десятка танков и

¹ Сафиуллин Г. Б. Дорогами побед, с. 105.

бронетранспортеров в первые же минуты были подорваны или подожжены. Выскакивающих из горящих машин гитлеровцев уничтожали пулеметно-ружейным и автоматным огнем.

Ошеломленные неожиданным и мощным отпором, немецкие танкисты повернули в обход правого фланга батальона и вдоль железнодорожной насыпи двинулись на юго-восток. На участке батальона наступило затишье. Но оно было недолгим. Через 20—30 минут фашисты обрушили новый шквал артиллерийского и минометного огня, а в воздухе появились десятки бомбардировщиков. Казалось, что не осталось живого места на клочке земли, занятом нами. Но стоило гитлеровцам начать атаку, как, словно из-под земли, поднимались воины и били врага. Неся потери, он откатывался назад. При отражении очередной атаки, несмотря на численное превосходство противника, мы с комиссаром подняли бойцов в контратаку. С криком «ура!» прорвались к шоссе, уничтожив часть пехоты и расчеты артиллерийских и минометных батарей.

В один из моментов боя на левом фланге замолчал станковый пулемет. Я бросился к нему. Первый номер был убит, а второй не мог справиться с перекосом ленты. Пришлось самому устранить заминку и стрелять уже с близкого расстояния, почти в упор. Они не выдержали и стали отступать. Ко мне подбежал связной из штаба полка и передал приказ об отходе. К тому времени мы оказались практически в мешке: фашистские танки все же прорвались в тыл батальона. Здесь их встретили наши прославленные «тридцатьчетверки» и завязали ожесточенный бой. Но положение батальона с каждой минутой усложнялось, для выхода из полукольца оставалась лишь заболоченная полоска поймы реки Оскол.

Мы не успели изготавиться к прорыву, как на левом фланге появилась новая опасность. Три гитлеровца развернули пулемет и уже собирались обрушить свой огонь по батальону. Я все еще находился у «максима», без промедления развернул его и несколькими очередями уничтожил фашистский расчет.

Не буду описывать всю тяжесть борьбы в болотах при выходе из мешка. Нас бомбили «юнкерсы», со стороны дороги обстреливали из пушек и минометов, но все-таки батальон вышел и остался боеспособным.

В этих жестоких боях я получил тяжелое ранение. После оказания первой медицинской помощи раненых погрузили на станции Принцевка в товарный вагон и повезли в Воронеж. В пути выяснилось, что гитлеровцы перерезали железнодорожную линию. Пришлось покинуть вагоны. В течение двух недель с боями, ослабевшие и крайне утомленные, мы добирались до

Калача-Воронежского. Здесь снова погрузились в эшелон и вскоре прибыли в один из госпиталей города Энгельс.

Отход. Отступление... У несведущих людей, особенно молодежи, это слово вызывает различные представления. Одни думают, что, получив приказ об отходе, воины снимались с позиций и спокойно, чуть ли не строем шли в тыл. У других возникают картины панического бегства. Ничего подобного — ни то, ни другое. Это был организованный отход. Нам приходилось принимать на себя таранные удары танков, мотопехоты и такие бомбежки, что казалось, само небо обрушивается на тебя ливень свинца и стали. На сердце у каждого из нас была досада и злость, а иногда на глаза наворачивались слезы. Не скрою, не мог удержать их и я, когда видел, как в смертельной агонии, стиснув зубы, корчились от нестерпимой боли мои друзья и товарищи. Но живые продолжали истреблять врага. И верили, что перелом в войне будет, победа будет за нами.

В. Г. ТКАЧЕНКО,
наводчик орудия

БОИ У СОВХОЗА «ПОДСЕРЕДНИЙ»

Это было в трудные июньские дни 1942 года, когда наша дивизия с тяжелыми боями отходила из-под Харькова на восток. 11 и 12 июня в районе Малого Бурлука она отражала непрерывные атаки гитлеровской пехоты и танков, которых поддерживали артиллерия и авиация. Вражеские самолеты почти все светлое время дня висели над нашими боевыми порядками. Нам, артиллеристам, приходилось много раз вступать в бой.

В ночь на 13 июня мы отошли по приказу на новый рубеж обороны. При этом получили предупреждение, что фашисты подтянули значительные свежие силы и ожидаются еще более тяжелые бои. Следовало хорошо к ним подготовиться: за ночь оборудовать огневые позиции для орудий, сделать укрытия для людей и боеприпасов. Наш командир взвода Шевченко, как всегда, напомнил: «Хочешь жить и победить — закапывайся глубже в землю». И мы закапывались.

К утру все было готово к встрече врага. Огневые позиции нашей 1-й батареи находились в районе совхоза «Подсередний», между станциями Великий Бурлук и Приколотное Харьковской области. Позади позиций проходила дорога, к которой, как мы уже знали, будут стремиться гитлеровцы, а за дорогой — овраг и лес.

Батареей командовал молодой грузин лейтенант Шота Соселия, Расчет нашего 1-го орудия был укомплектован тогда

полностью. В его состав входили командир Петр Шабалин и я, как наводчик, мой помощник Новиков, заряжающий Сиряченко, подносчик снарядов Долбиков. Другими номерами нашего расчета были Рыбалко и Филимонов. В этом составе мы и встретили 13 июня 1942 года.

Рано утром противник начал наступление. Мы поддерживали своих стрелков огнем с закрытых позиций, уничтожая пехоту и танки неприятеля. Примерно часа через два фашистские танки прорвались через боевые порядки стрелков и стали приближаться к НП артиллеристов. Командир батареи передал приказ: «Приготовиться к отражению атаки танков». Он сообщил также, что на огневые позиции идет до пятидесяти танков. Взвод управления был снят с НП, так как вражеские машины и пехота начали их обходить.

Мы стали ждать, когда танки появятся из-за возвышенности и все подготовили для стрельбы по ним прямой наводкой.

Самое трудное было выждать, когда они подойдут к намеченному рубежу. В напряженном состоянии находился не только расчет орудия, но и вся батарея, весь дивизион. Только стоявшая недалеко от нас минометная батарея непрерывно вела обстрел пехоты противника и это нас беспокоило: из-за нее неприятель мог преждевременно обнаружить и наши позиции.

В момент тягостного ожидания всеми нами владело неодолимое стремление одержать победу над лютым врагом. Добавлю, что к тому времени мы уже были не новичками: у нас уже был опыт борьбы с танками, мы стали обстрелянными солдатами.

Наконец из-за высоты появилась первая группа танков. Они надвигались не торопясь. Вслед за ней выползали все новые и новые танки. Сосчитать их трудно: они еще далековато, и к тому же на ходу меняются местами. Когда они стали приближаться к намеченному рубежу, мы насчитали их около пятидесяти. А из-за высоты появлялись все новые и новые. Командир взвода скомандовал: «Приготовиться к бою!».

Кончилось томительное ожидание. Наступил момент, когда в считанные минуты решалось — кто кого.

«По фашистским танкам — огонь!» — раздалась команда. Прогрели выстрелы и других орудий дивизиона. Первый снаряд нашей пушки, чуть коснувшись танка, срикошетил. Вторый попал в гусеницу. Машина остановилась. От третьего снаряда она загорелась. Ребята закричали «ура!». Но радоваться было рано. Лавина танков по-прежнему надвигалась. Однако и орудийный расчет действовал слаженно, четко. Мы пере-

несли огонь на следующую цель. После трех-четырех выстрелов и второй танк был выведен из строя.

Все орудия дивизиона ведут огонь. Горят уже несколько машин. Но и гитлеровцы, обнаружив наши позиции, подвергли их обстрелу. Появились первые раненые и убитые. В нашем расчете пока все было благополучно.

Командир орудия командует перенести огонь на танк, двинувшийся впереди других к нашей батарее. Командир торопит, мы и сами не мешаем, но надо еще сноровистее действовать. Надо спешить, только без суеты, иначе снаряды пролетят мимо, а противник тем временем уничтожит пушку. Поэтому ребята подбадривают друг друга: «Давай, наводчик, наводи быстрее, да не промазывай!». Тремя снарядами мы заставили и этот танк остановиться. От нескольких новых снарядов загорелся четвертый. Радость была недолгой: разорвавшийся рядом снаряд смертельно ранил командира орудия Петра Шабалина, осколком задело и заряжающего Сергея Сирыченко, но его рана оказалась легкой и он продолжал выполнять свои обязанности.

Вести огонь становилось все труднее. Кроме обстрела наших позиций танками, по ним открыла огонь и вражеская артиллерия. Потери в батареях растут. Разбито третье орудие, убиты наводчик и командир второго орудия нашей батареи. Разбита гаубица в 3-й батарее. Встретив мощный огонь, танки противника попытались обойти нас справа и слева и прорваться на дорогу. Следует команда — перенести огонь на обходящие танки. Скоро от метких выстрелов остановилось и загорелось несколько машин. Наше орудие не отставало от других. Нам удалось поджечь еще один танк.

В это время над нами появилась четверка немецких «юнкерсов». Первые бомбы упали на минометную батарею. Большинство ее личного состава были ранены или убиты. Отбомбившись, самолеты улетели. Мы вновь открыли огонь по танкам. Но не успели сделать и двух выстрелов, как опять налетели гитлеровские стервятники и вновь обрушили бомбовый удар. На втором заходе четверка фашистских бомбардировщиков спикировала на орудия нашей батареи. Расчеты успели укрыться в ровниках, а почти все пушки — три из четырех, в том числе и наша — были выведены из строя. Рядом с ровиком, в котором я укрылся, разорвалась бомба. Меня контузило, засыпало землей, и когда ребята откопали, я был без сознания...

Тяжелым стал для нас день 13 июня 1942 года. Но и фашистам он легким не был. Мы нанесли им такие потери, от которых они не скоро смогли оправиться.

А. Ф. ТВЕРДЫШЕВ,
командир стрелкового взвода

НАШ КОМДИВ

В начале марта 1942 года дивизия убыла из Казахстана на фронт. Недавно сформированная, еще не обстрелянная, она вошла в действующую армию и у сел Терновое и Непокрытое, в 25-27 километрах от Харькова, получила боевое крещение.

13 июня в ходе изнурительного оборонительного боя с превосходящими танковыми и моторизованными силами противника был тяжело ранен и вскоре скончался командир дивизии полковник Доценко Николай Петрович. В командование соединением вступил его заместитель полковник Гани Бекинович Сафиуллин, прибывший к нам в апреле 1942 года. При отступлении под натиском превосходящих сил противника он проявил себя волевым и решительным командиром. Не растерялся, организовал твердое управление частями и сумел обеспечить отход с арьергардными боями, порой длительными и упорными. Отходили мы по маршруту: Ольховатка — Уразово — Ровеньки — Новая Россось — Миллерово — станица Казанская — Орловка.

После переправы через Дон наши поредевшие части и подразделения сосредоточились в поселке Рынок севернее Сталинграда. Прибыли мы туда, сохранив свои боевые знамена, средства связи и часть боевой техники. А когда встал вопрос о расформировании дивизии и передаче людей на пополнение других соединений, комдив и новый воском старший батальон-

ный комиссар Петр Семенович Молчанов, проявив настойчивость, добились сохранения 38-й как боевой единицы. Тем временем полки и батальоны приводили себя в порядок, получали пополнение личного состава и боевой техники.

В конце июля с приближением противника к Сталинграду по приказу командования мы вышли ему навстречу и перешли к обороне на дальних подступах к городу — сначала в районе станции Абганерово, а затем Тингутинского лесничества. Начиная с 5 августа 1942 года и до полной ликвидации окруженной группировки фельдмаршала Паулюса в феврале 1943 года, дивизия не выходила из боев. Действовала она все время на важных участках Сталинградского и Донского фронтов в составе 57-й и 64-й армий. В тяжелейших кровопролитных боях 38-я стрелковая покрыла себя неувядаемой славой. В них ярко проявился и талант Г. Б. Сафиуллина как командира, его неукротимая воля к победе, тактический кругозор, умение верно оценить обстановку и принять порой единственно правильное решение. Именно за эти бои дивизия была переименована в 73-ю гвардейскую и получила почетное наименование Сталинградской. Эту весть бойцы и командиры всех частей и подразделений приняли как высокую оценку боевых заслуг всех воинов без исключения.

В начале марта 1943 года дивизия перебрасывается на южный фас Курской дуги под Белгород, где вошла в состав Воронежского фронта. Здесь мы и простились с комдивом: 17 апреля 1943 года генерал-майор Гани Бекинович Сафиуллин был назначен командиром 25-го гвардейского стрелкового корпуса 7-й гвардейской армии. Радовало нас и это повышение общего любимца и особенно то, что в состав его корпуса вошла и наша стрелковая дивизия.

Достоинным преемником генерала оказался новый командир — полковник Семен Антонович Козак. Под его началом дивизия заслужила второе почетное наименование «Дунайской» и орден Красного Знамени.

Хочется хотя бы кратко рассказать о дальнейших боевых делах и жизни Г. Б. Сафиуллина.

После оборонительных боев на Курской дуге 25-й гвардейский стрелковый корпус под его командованием принимает активное участие в освобождении городов Мерефа, Харьков, Красноград, с ходу форсирует Днепр и захватывает плацдарм на западном берегу в районе села Бородаевка Верхнеднепровского района. Отчаянные попытки противника сбросить наши соединения в Днепр оказались безрезультатными. Гвардейцы не только удержали, но и расширили плацдарм и вместе с

другими корпусами и армиями превратили его в стратегический. За успешное форсирование Днепра, удержание и развитие плацдарма Г. Б. Сафиуллина было присвоено высокое звание Героя Советского Союза.

Той же осенью 25-й гвардейский стрелковый корпус освободил Верховцево, Петрово. В начале 1944 года — Ново-Украинку, Помошную, Кировоград. Весной при освобождении Правобережной Украины он форсировал Южный Буг, Днестр, а летом принял участие в Яско-Кишиневской операции и вступил на территорию Румынии, штурмовал укрепленный район Тыргу — Фрумос, брал города Роман, Бакэу, Фокшаны. В последующем корпус Г. Б. Сафиуллина преодолел Карпатские горы и Трансильванию, на территории Венгрии успешно форсировал Тиссу, освободил города Абонь, Хатван, Сольнок и участвовал в Будапештской операции.

В конце марта 1945 года генерал-майор Г. Б. Сафиуллин назначается командиром 57-го стрелкового корпуса, который сразу после завершения боев в Чехословакии был переброшен на восток, где в составе 53-й армии Забайкальского фронта участвовал в разгроме японских милитаристов.

Гани Бекинович был популярен в дивизии и корпусе не только как командир. Любили его за душевность и простоту, спокойствие и заботу о подчиненных, уважали за решительность и твердость в сложных боевых ситуациях.

Значительный интерес представляет его биография. Гани Бекинович родился 1 июля 1905 года в деревне Старый Кишит Арского района Татарской АССР в семье бедняка. Учился в четырехклассной сельской школе (медресе). С детства помогал отцу в ведении хозяйства, а в 1920 году, когда родители умерли от голода, уехал из деревни и стал беспризорным. Был в Оренбурге, в Орске, а в конце 1921 года приехал в казахстанский городок Тургай. Сначала батрачил в качестве пастуха у бая, а через год его взяли рассыльным в уездный комитет партии. В июле 1922 года он вступил в ряды Коммунистического союза молодежи, а в августе 1923 года по комсомольской разверстке уехал в Оренбург в Казахскую краевую совпартшколу. Здесь в 1925 году был принят в партию. Успешно окончив школу, в сентябре 1926 года он был направлен в Семипалатинскую губернию инструктором Бухтарминского уездного комитета комсомола и одновременно заведующим школы-передвижки, работавшей в Курчум-Алтайской и Зайсанской волостях.

В сентябре 1927 года Гани Бекинович был призван в Красную Армию и направлен в 1-ю червонно-казачью дивизию. Год спустя окончил школу одногодичников по подготовке коман-

диров взводов запаса и остался в 3-м кавалерийском полку этой дивизии на сверхсрочную службу. Был помощником командира взвода, старшиной. В 1929 году переведен в пограничный отряд на советско-румынскую границу, где в должности командира взвода маневренной группы прослужил около года. В 1930 году откомандирован в Высшее пограничное училище в Москве, которое окончил в 1932 году. В августе — сентябре того же года уже участвовал в операциях по ликвидации басмачества в Средней Азии.

С 1932 по 1941 год Г. Б. Сафиуллин служил в войсках НКВД, охранявших особо важные предприятия промышленности. Вначале командиром взвода, потом начальником штаба дивизиона, командиром отдельного батальона, начальником штаба и командиром полка. Успешно совмещая ратное дело с учебой, он в 1936 году заочно окончил академию им. М. В. Фрунзе.

В период Великой Отечественной войны Г. Б. Сафиуллин находился в действующей армии и занимал командные должности: от командира полка до командира корпуса. В последней должности он прослужил 12 лет и после войны.

За боевые заслуги на фронтах Великой Отечественной войны Г. Б. Сафиуллина, как уже отмечалось, было присвоено звание Героя Советского Союза. Кроме этого, он был удостоен двух орденов Ленина, трех орденов Красного Знамени, двух орденов Суворова II степени, двух орденов Кутузова II степени, ордена Красной Звезды, английского императорского ордена Королевы II степени, румынского ордена и многих медалей Советского Союза и иностранных государств.

В 1957 году Герой Советского Союза генерал-лейтенант Г. Б. Сафиуллин вышел по болезни в отставку. После армии он жил в Казани, где вел большую военно-патриотическую работу в секции Советского комитета ветеранов войны, обществе «Знание», ДОСААФ. Им написаны и изданы две книги «Дорогами побед» и «Через реки, через горы».

В 1973 году 14 октября после тяжелой болезни Гани Бекинович скончался и похоронен в Казани. В этом городе есть школы, дружины и отряды, которые носят имя Героя Советского Союза Г. Б. Сафиуллина.

М. Б. ДНИШЕВ,

политрук пулеметной роты

МЫ — КАЗАХСТАНЦЫ

Наша 38-я стрелковая дивизия, как и другие соединения, формировавшиеся в Казахстане, по своему составу была интернациональной.

12 мая 1942 года мы приняли первое боевое крещение. Я служил тогда политруком пулеметной роты 3-го батальона 48-го стрелкового полка. Бои шли за освобождение сильно укрепленного гитлеровцами большого украинского села Терновое под Харьковом.

С первых же часов разгорелись жаркие бои. Заранее подготовившийся к упорной обороне противник яростно защищался, наносил нам чувствительные удары. Погиб наш командир роты лейтенант из Армении Каро Саркисян, показавший себя храбрым в бою. Смерть командира, вместе с которым мы два месяца готовили подразделение к боевым действиям, звала нас к мести, к подвигу.

Шквальный огонь из дзота на левом фланге затормозил продвижение наших взводов. В этот момент вперед выступили трое парней — Найзабеков, Жармухамедов, Кожабеков, все трое комсомольцы из села Чубар Талды-Курганской области. Учились и выросли тоже вместе. Они дали слово отомстить за смерть командира и уничтожить вражеский дзот. С ручным пулеметом и гранатами поползли они к нему. С волнением следили мы за их продвижением. Ловко укрываясь за каждым

бугорком, где ползком, где короткими перебежками воины приближались к цели.

Вот заработал их пулемет, а еще через две-три минуты мы услышали разрывы гранат. Вражеская пулеметная точка замолчала.

Воспользовавшись заминкой у гитлеровцев, воины наших подразделений ринулись в стремительное наступление. Вскоре село Терновое было освобождено от врага.

Вспоминая об этом эпизоде, мне хочется сказать о дружбе солдат — сыновей разных народов. До сих пор я помню, с какой болью в сердце бойцы разных национальностей восприняли смерть командира роты армянина К. Саркисяна, командира полка украинца Г. Н. Ткача, позже — командира взвода казаха А. Курмантаева.

В июне 1942 года гитлеровские войска начали крупные наступательные операции. Тяжелая обстановка сложилась у нас. Фашистские стервятники непрерывно бомбили боевые порядки наших батальонов, прокладывая путь своим танкам и пехоте.

Наш батальон на левом берегу реки Северский Донец выдвигался на рубеж, чтобы остановить противника южнее села Артемовка Харьковской области. Вдруг командир батальона старший лейтенант Е. В. Репин повернул наши роты к лесной опушке. Сказали, будет собрание. Какое собрание? Ведь над нами висят гитлеровские самолеты, то там, то здесь действуют неприятельские танковые десанты. Состоялся короткий полевой митинг, перед личным составом выступил военком полка старший политрук В. А. Липатов.

— Товарищи бойцы, — сказал он, — тяжелая обстановка сложилась на фронте. Немцы, создав мощный кулак, рвутся в глубь нашей территории. Кое-кому из слабонервных может показаться, что они одолели нас. Не бывать этому никогда! Как нельзя отменить восход и закат солнца, как нельзя повернуть вспять землю, так же нельзя уничтожить страну социализма. Может быть, многие из нас падут на этой земле, но враг будет повержен. Так будем же стоять насмерть! Поглубже вкапывайтесь. Пулеметным огнем, гранатами, штыком, винтовкой крушите фашистов. Пусть не дрогнут наши ряды!

Такие слова я слышал и раньше. Но никогда не думал, что пламенный призыв коммуниста перед смертельной опасностью будет иметь такую действенную силу. Бойцы мгновенно воспрянули.

До сих пор передо мной стоит образ Липатова, преданного из преданнейших нашим идеалам. Почти каждый день встречался он с нами на инструктажах политруков, на партийных собраниях, на привалах во время утомительных маршей, перед атакой вражеских укреплений. Всегда требовательный, справедливый и заботливый, глубоко партийный — таким был наш комиссар.

Гитлеровцы, превосходящими силами танков и пехоты прорвавшие нашу оборону на Северском Донце, не ожидали серьезного сопротивления. Две вражеские колонны с пехотой на машинах двинулись по дорогам. Артиллеристы подпустили врага поближе и внезапно обрушили на них огонь, подожгли три танка. Затем открыли огонь из орудий и наши закопанные танки. К исходу дня перед нашим передним краем стояли восемь подбитых и подожженных танков противника. Соседями были уничтожены восемнадцать автомашин с пехотой. В том бою бойцы П. Омаров и В. Ткаченко подбили шесть танков.

Автоматчик Рамазан Бейсенов метким огнем истребил девять гитлеровцев, а комсорг младший лейтенант Нигмет Ахметов — более двадцати.

Выступление комиссара оказало огромное воздействие на поведение бойцов наших подразделений в бою. Позже, в 1943 году, уже будучи командиром гвардейского полка, майор В. А. Липатов погиб в одном из боев.

Среди подвигов, совершенных воинами нашего полка, светлой страницей в истории дивизии и в памяти остался тяжкий и кровопролитный бой южнее Сталинграда за высоту 114,3.

Геройски дрались за нее бойцы роты, возглавляемой коммунистом лейтенантом Иваном Шестовым. Они первыми вклинились в сильно укрепленную позицию гитлеровцев, захватили несколько дзотов. Видя, что оборонительный рубеж вот-вот рухнет, фашисты бросили против оставшихся 21 воина свою резервную роту с танками.

В завязавшейся схватке в траншее на рослого, физически сильного казаха комсомольца Нурсейтова, награжденного потом медалью «За отвагу», бросились один за другим шестеро гитлеровцев. Первого сержант заколол штыком, двоих пристрелил. При этом сам Нурсейтов был ранен, но нашел в себе силы, чтобы выбить нож из рук четвертого фашиста и тем же ножом заколоть его.

Рядом с Нурсейтовым вступили в смертельные поединки армянин Л. Аванесов, узбек З. Шахматов, командир пулеметного взвода татарин лейтенант М. Валиев, азербайджанец

М. Таиров, русские старший сержант А. Маслов, С. Андрюхин и другие.

Рота почти вся полегла на высоте, но не отступила до подхода подкрепления.

Пробивая путь на запад,
Дрались дружно, как один:
Русский воин, сын казаха,
Украинец, армянин.

Эти строки из песни, сложенной поэтом нашей дивизии Н. В. Раковым, отражают суть боевой жизни воинов-интернационалистов дивизии.

II

У СТЕН
СТАЛИНГРАДА

Н. К. АБУБАКИРОВ,

начальник оперативного отдела
штаба дивизии

В БОЯХ ЗА СТАЛИНГРАД

Наша дивизия принимала участие на всех этапах Сталинградской битвы — в оборонительных сражениях на дальних подступах, в защите Кировского района города, в контрнаступлении и окружении противника, в отражении наступления танковой группировки фельдмаршала Манштейна, спешившей на выручку армии Паулюса, и, наконец, в уничтожении окруженных немецко-фашистских войск.

В начале битвы дивизия, хотя и имела уже боевой опыт, но представляла собой малочисленное и слабовооруженное соединение, спешно пополнявшееся за счет разрозненных отходящих подразделений. В стрелковых батальонах насчитывалось по 30—35 человек. В стрелковых полках было по три-четыре 45-мм пушки и по одному-два 76-мм орудия. Автотранспорта едва хватало для подвозки продуктов и боеприпасов. Когда в последние дни июля дивизия получила приказ занять оборону по внешнему обводу сталинградских укреплений и мы выезжали к новому месту дислокации на одноконных и пароконных повозках, личный состав нашего 29-го полка без большого труда уместился на 25—30 подводах.

38-ю включили в состав 57-й армии, которой командовал генерал-майор Ф. И. Толбухин. Совершив форсированный марш, дивизия перекрыла шоссе и железную дорогу Котельни-

ково — Сталинград в районе станции Абганерово, примерно в 60 км от Сталинграда. Соединение заняло полосу обороны протяженностью в 25 км, полки получили участки по 8—9 км. О серьезном эшелонировании боевых порядков не могло быть и речи. Не было и сплошной линии обороны. Она состояла из ротных опорных пунктов, промежутки между которыми едва простреливались пулеметами.

К вечеру 2 августа на желтых, покрытых выгоревшим на солнце разнотравьем холмах, недалеко от окопов боевого охранения, появились вражеские танки. Встреченные огнем артиллерии, они отошли, но с утра 6 августа завязалось настоящее сражение. Дивизия сразу оказалась в самой гуще боевых действий. Как стало известно из документов убитых фашистов, наши подразделения атаковали 29-я моторизованная, 24-я и 14-я танковые дивизии 4-й танковой армии генерала Гота. Холмистая, перерезанная неглубокими балками степь вскоре из желтой превратилась в черную: сухой, ломкий бурьян мгновенно вспыхивал от первой же искорки, и прерывистая линия огня и дыма тянулась до самого горизонта. Стояла невероятная жара. Воды не было. Редкие, затерявшиеся в балках колодцы в скором времени вычерпали до дна. Обозы и лошади были рассредоточены по балкам, но вражеская авиация нещадно прочесывала их пулеметными очередями и бомбила, так что уже на третий день боев запах гари смешался с тошнотворным трупным запахом.

Оказавшись против острейшей атаки гитлеровцев, неукомплектованная 38-я дивизия одна не сумела бы противостоять натиску фашистских захватчиков, если бы ряды 64-й армии, в состав которой в эти дни перешло наше соединение, непрерывно не пополнялись свежеприбывшими из резерва частями. С нами взаимодействовали 126-я стрелковая дивизия, 133-я танковая бригада, курсанты Краснодарского и Грозненского пехотных училищ.

8 августа гитлеровским танковым подразделениям, действующим вдоль железной дороги, удалось вклиниться в нашу оборону и занять разъезд «74 км», но уже на следующий день во взаимодействии с танковой бригадой и курсантами наши части уничтожили прорвавшиеся силы противника и восстановили положение.

В эти дни я занимал должность помощника начальника штаба (ПНШ) 29-го стрелкового полка. Утром подсчитывал потери за минувший день и составлял справку о боевом и численном составе, вечером писал боевые донесения, а ночью работал с картой и вместе с командирами подразделений орга-

низывал систему огня. Мне, молодому лейтенанту, казалось, что настоящее дело только там, впереди, в окопе, пока командир полка майор П. Д. Четвертухин на прикрикнул, что дело штабников не ползать по-пластунски, а управлять войсками из штаба.

Связь часто рвалась. Тогда надо было пробираться на передний край, чтобы передать очередной приказ командования. Нередко здесь, на передовых позициях, возникала необходимость заменить выбывшего из строя командира роты или батальона и собственным примером обеспечивать выполнение приказа наркома «Ни шагу назад!».

Ожесточенные бои на дальних подступах к Сталинграду продолжались весь август. Крепло боевое мастерство воинов соединения, их мужество и самоотверженность. Темпы наступления на Сталинград фашистской группировки, действующей с юга, значительно замедлились.

В начале сентября командующий 64-й армией генерал-майор М. С. Шумилов перебросил дивизию на левый фланг армии. Мы заняли оборону по восточным скатам высоты 128,2 и северной окраине разрушенной деревни Ивановка, приблизительно в 10 км юго-западнее Бекетовки. Кругом открытая, изрезанная неглубокими оврагами местность — ни деревьев, ни кустов. Огневые позиции выкапывали на некошенном пшеничном поле. Участок обороны полка был недалеко от высоты 128,2 с четырьмя курганами, занятыми противником. С этой отметки местность в сторону Волги понижалась и, овладей противник высотой полностью, — он контролировал бы все прилегающее правобережье.

Здесь, на самой восточной точке линии обороны дивизии, нам удалось закрепиться. Отсюда было суждено начать наше победное наступление на запад.

Штаб полка расположился в балке, в двух километрах от переднего края. Укрытия выкопаны в крутой стенке противотанкового рва. По привычке я называю их блиндажами, хотя на самом деле это были просто глубокие ниши с овальными для прохода отверстиями, завешанными плащ-палатками. Пол, потолок, стены, по бокам два топчана — все вырублено в земле. Над нами — трехметровый толщины слой глинистого грунта. Крохотный столик между топчанами, на нем полевой телефон и лампа из снарядной гильзы со сплюснутыми краями — вот и вся мебелировка. Зато безопасно, не всякий снаряд пробьет сверху такую земляную толщу.

В одной из землянок, кроме меня, жили четыре моих закадычных друга: начальник артиллерии полка Владимир Засяд-

ко, начальник связи Иван Чеусов, шифровальщик Михаил Ко-нев и начальник химслужбы Владимир Кийченко. Все мы в звании лейтенантов и было нам по 22—23 года. На каждом из двух толчанов умещались по двое, пятый из нас обычно дежурил по штабу.

Перебирая в памяти те огненные годы, я по сей день поражаюсь тому высокому моральному духу и оптимизму, который был свойственен защитникам Сталинграда.

В дни самых жестоких боев мы не предавались унынию и отчаянию. Упадническое настроение было чуждо нам, о чем свидетельствуют некоторые письма с фронта наших однополчан. Горевать горевали, порой и плакали по безвременно погибшему товарищу, но головы не опускали. Мы тогда не знали ни об истинном соотношении сил, ни о накапливающихся на флангах ударных силах для контрнаступления, которые в скором времени сомкнут кольцо вокруг фашистских войск. Но в наступавшем переломе, как и в конечной победе, были уверены.

Более двух месяцев мы держали жесткую оборону, и вот наступил час нашего торжества. Это случилось 20 ноября 1942 года. Еще накануне вечером стало известно, что войска Юго-Западного и Донского фронтов перешли в наступление. На следующий день подошла очередь и нашей 64-й армии.

В эту ночь никто не спал. Было сыро и холодно. Стоял сплошной туман. Наконец забрезжил рассвет. Но возвышавшаяся перед позициями нашей дивизии высота 128,2 и ее склоны едва просматривались. По плану артиллерийская подготовка должна была начаться в полосе наступления 57-й армии, в 10 км южнее нас. Но и там еще стояла тишина. Густой туман мешал артиллерии вести прицельный огонь. Многих из лежавших на исходных позициях солдат била нервная дрожь. Вскоре с неба посыпалась мелкая снежная крупа. Но вот на левом фланге заиграли «катюши». Вслед за ними на вражеские позиции обрушили свои снаряды орудия и минометы. А наступление нашей армии все еще откладывалось.

Когда время перевалило за два часа дня, заработала артиллерия и на нашем участке. Залп реактивных установок, взвившиеся в небо красные ракеты — и мы все побежали вперед. Обледенелые веточки бурьяна звонко хлестали по сапогам. Огромное внутреннее возбуждение распяляло нас. Все кричали, и я что-то кричал. По нас стреляли, кто-то падал, но наступательный порыв был настолько велик, что страх смерти не ощущался. Передние цепи уже спрыгнули в траншеи противника.

Подумать только, еще вчера мы твердили себе: «Ни шагу назад», дрались за каждый клочок земли, а до этого долго и мучительно отступали, а сегодня мы уже на боевых позициях тех, кто угрожал сбросить нас в реку! Первые метры освобожденной земли... Казалось, нет награды выше за все наши страдания!

Но и победное сражение не обходится без жертв. В этот день погиб мой боевой друг Михаил Афиногенович Конев, за несколько дней до наступления назначенный командиром батальона. А спустя два дня из медсанбата передали окровавленную кандидатскую карточку Владимира Кийченко: в первый день боев он был смертельно ранен. Не стало красивого, мягкого по натуре парня, до призыва в армию студента Харьковского химико-технологического института. На сталинградской земле мы вместе подавали заявление о приеме в партию.

Я тяжело переживал потерю друзей, как и потерю родного брата Талгата, который служил в нашем же 29-м полку и погиб, сраженный пулей в боях под Харьковом 15 мая 1942 года. Пройдет чуть более года после гибели Миши Конева и Володи Кийченко, и я лишусь еще одного друга, с кем в землянке под Сталинградом укрывался одной шинелью — в Кировоградской области 29 февраля 1944 года пал Владимир Засядко, удостоившийся к тому времени высокого звания Героя Советского Союза. Даже теперь, много лет спустя, мне не дает покоя мысль, что мы живы благодаря чьей-то недожитой жизни.

Я уже говорил, что 38-я дивизия принимала участие в Сталинградской битве на всех ее этапах, но, пожалуй, наибольшую славу ей принесли бои по уничтожению окруженной группировки противника.

После того, как штаб гитлеровского фельдмаршала Паулюса отклонил ультиматум советского командования о безоговорочной капитуляции, 10 января 1943 года войска Донского фронта приступили к ликвидации окруженной группировки. Части нашей дивизии, вновь вернувшейся в состав 57-й армии, заняли исходные позиции по юго-западной окружности кольца, на северо-восточном берегу реки Червленая, откуда на рассвете 10 января 1943 года после мощной артиллерийской подготовки было начато наступление в направлении Цыбенко — высота 111,6. Укрепленные дзотами и вкопанными в землю танками на высоком доминирующем берегу реки, вражеские позиции вначале оказались не по силам атакующим. Первая половина дня прошла в упорной борьбе за взламывание долговременной обороны противника. Подразделения дивизии медленно, но настойчиво продвигались вперед. Высота 111,6 к вечеру пала, ди-

дивизия тем самым выполнила поставленную командованием задачу дня. Ночь на 11 января бойцы провели на снегу при 16-градусном морозе. Но утром наши части возобновили наступление, продвигаясь вдоль шоссейной дороги Ивановка — Новый Рогачик, спустились в балку Песчаная. Фланговыми ударами гитлеровская оборона ломалась вдоль фронта. Пали высоты 117,4, 105,4 и уже в ночь на 14 января 48-й стрелковый полк овладел разездом Басаргино и вражеским аэродромом.

С этого рубежа дивизия повернула свой фронт на восток и последующие три дня упорно продвигалась к городу на Волге вдоль железной дороги Морозовск — Сталинград. 22 января части соединения штурмом овладели станцией Садовая и вскоре вышли к юго-западной окраине города.

Продвижение советских войск порой было настолько стремительным, что немцы не всегда точно могли обозначить свой передний край для транспортных самолетов, которые продолжали сбрасывать продовольствие и боеприпасы. Так, в районе Воропоново фашистский самолет сбросил свой груз на парашютах в расположение наших подразделений. С группой бойцов я тоже поспешил к контейнеру в надежде полакомиться трофейным шоколадом. Каково же было наше разочарование, когда крышка контейнера была отвинчена, из него посыпались фашистские железные кресты за храбрость.

Боевые действия нашей дивизии в Сталинграде завершились 31 января 1943 года. В этот день было закончено пленение окруженной в центральной части города группировки противника во главе с фельдмаршалом Паулюсом. Еще через два дня капитулировала окруженная в северной (заводской) части города группировка. За отличие в боях под Сталинградом 29-й стрелковый полк (командир полка подполковник Г. П. Слатов) был преобразован в 209-й гвардейский и получил наименование «Абганеровского».

Многие годы, кажется, целая вечность, прошли с той поры, как отгремели последние орудия, но для тех, кто сражался, война никогда не уходит в прошлое. Она частица нашего бытия: то, что мы видели и перечувствовали, всегда с нами, видения былых сражений не рассеиваются и постоянно берегут наши раны.

Я очень люблю бывать в Волгограде и, когда встречаюсь с трудящимися этого замечательного города, то обычно говорю, что, если в паспорте можно было бы указать два места рождения, вторым, мы, защитники Сталинграда, обязательно указали бы именно этот город.

И в самом деле, в Сталинграде мы родились как бы заново.

И не потому, что в этом огненном пекле остались живы,— здесь мы выросли духовно. Сражались мы неплохо и до Сталинграда, но именно на Волге получили настоящую боевую закалку, приобрели ту уверенность в собственных силах, которая помогла нам в последующем. В боях за этот город мы возмужали и на собственном опыте убедились, что никогда не надо пасовать перед врагом, как бы он ни казался силен; научились взаимодействию и взаимовыручке, поверили в собственную силу, в мощь советского оружия.

Прочность сталинградской закалки боевого коллектива воинов 73-й гвардейской Сталинградской стрелковой дивизии неоднократно подтверждалась в последующих боях и сражениях.

А. К. ИВАНИЧЕВ,

пом. начальника штаба
214-го гв. стрелкового полка

НА СЛУЖБЕ ШТАБНОЙ

В боях под Киевом в июле 1941 года я был ранен. После излечения в госпитале назначен на должность старшего адъютанта батальона 343-го стрелкового полка 38-й стрелковой дивизии. Штаб полка возглавлял участник боев на Халхин-Голе старший лейтенант Василий Иванович Давиденко — энергичный, требовательный, хорошо знающий и любящий свое дело, подтянутый, быстро и умело решающий тактические вопросы.

В конце июля 1942 года, когда дивизия была спешно перебросена в район железнодорожной станции Абганерово, наш полк занял оборону на левом фланге соединения на рубеже станция Абганерово — того же названия станица (районный центр) и немедленно приступил к инженерному оборудованию позиций.

В соответствии с новой боевой задачей с вечера 4 августа части дивизии стали перемещаться в район разъезда «74 км» и Тингутинского лесничества с целью остановить рвущиеся в Сталинград свежие танковые подразделения врага. Во второй половине дня начал перемещение и 343-й полк.

В районе Кошары на КП части обрушился выступивший из села Плодовитое авангард противника из 18 танков и 12 машин с пехотой. Тяжелая обстановка еще более осложнилась. После выхода из строя командира полка и его заместителя по

политчасти в командование полком вступил начальник штаба полка В. И. Давиденко.

С рассветом 6 августа офицеры штаба полка согласно распоряжению нового командира стали выяснять обстановку, уточнять потери и срочно принимать меры к тому, чтобы сдержать наступление врага. Получив от командира полка конкретные задания, штабные работники выяснили состояние подразделений, прибывших для подкрепления, сделали все, чтобы обеспечить полк боеприпасами, горячей пищей, своевременной медицинской помощью раненым. Настойчивость и решительность комсостава части помогли в короткий срок организовать оборону.

6 августа неприятель атаковал левый фланг 64-й армии. Он сразу ввел в бой более 150 танков, поддерживая их мощным огнем артиллерии, бомбовыми ударами авиации. Вражеским танкам, вклинившимся в стык между нашей и 126-й дивизиями, 8 августа удалось прорваться к разъезду «74 км». Завязались тяжелые бои. Дивизия, завернув фланги, продолжала упорно отражать атаки гитлеровцев.

Командующий армией генерал-майор М. С. Шумилов выдвинул из своего резерва в район прорыва 204-ю стрелковую дивизию, две танковые бригады, три курсантских полка. Сюда же на усиление шел 13-й танковый корпус.

9 августа 38-я, 126-я, 204-я стрелковые дивизии и курсантские полки, взаимодействуя с танковыми подразделениями, перешли в контрнаступление. О его начале возвестил залп «катюш». Действия наших частей поддерживались массированным артиллерийско-минометным огнем и самолетами-штурмовиками. В течение дня, с 5 часов утра до позднего вечера, шел ожесточенный, по сути дела, встречный бой с превосходящими силами противника. Армада немецких танков стремилась во что бы то ни стало смять 38-ю и 126-ю дивизии. Наши части решительными контратаками разгромили гитлеровцев, овладели разъездом «74 км» и вынудили врага отступить на исходный рубеж.

Командование 343-го полка в этом ожесточенном бою на протяжении всего дня находилось непосредственно в боевых порядках подразделений, управляя боем. Для временного размещения штаба использовались балки, насыпи у железнодорожного полотна и другие укрытия, находящиеся вблизи батальонов. С подразделениями, ведущими бой с гитлеровцами, быстро устанавливалась проводная связь, осуществлялся необходимый контроль за выполнением распоряжений.

19 августа противник возобновил наступление против 15-й гвардейской стрелковой дивизии, стремясь прорваться в Сталинград через Красноармейск. Вечером 21 августа наш полк получил задачу — совершить 10-километровый бросок и занять оборону у железнодорожной будки «55 км» фронтом на восток, не допустить выхода вражеских танков в район поселка Зеты. И на этот раз офицеры штаба полка помогли батальонам быстро выйти в назначенные районы и подготовиться к бою.

КП полка расположился в боевых порядках 2-го батальона, оборонявшегося в центре полка.

В 5 часов утра левофланговый 3-й батальон старшего лейтенанта И. В. Веселова был атакован 30 фашистскими танками, но ни одному из них не удалось прорваться через его боевые порядки. Вскоре подошло еще около 70 танков, около 40 машин с пехотой, и противник двинулся на наши позиции по всему фронту полка. В бой вступили 1-й батальон выпускника Алма-Атинского пехотного училища лейтенанта Я. В. Чернова и 2-й батальон старшего лейтенанта Н. П. Шевченко. Атака гитлеровцев была отбита.

Враг, неся большие потери, рвется вперед, стремится сломить сопротивление советских воинов. Введя в бой еще более 50 танков, гитлеровцы пытаются прорваться в тыл. Но и это им не удается. Примерно в 15 часов, после массированного бомбового удара враг снова бросился в атаку. Гитлеровцы пытаются найти слабые места в нашей обороне. Наконец им удается обойти правый фланг полка. Лишь в 19 часов, потеряв целый день, фашисты устремились к железнодорожной станции Тингута. Дальнейшее их продвижение было остановлено.

Ценою невероятных усилий полк выполнил задачу.

Читателю трудно понять и поверить, как можно было сдерживать лавину неприятельских танков, имея в полку всего лишь два 76-мм орудия и батарею 45-мм противотанковых пушек. В полку в то время было 27 противотанковых ружей и большинство личного состава, включая командование полка и офицеров штаба, кроме стрелкового оружия, имело у себя противотанковые гранаты и бутылки с горючей смесью. В умелом сочетании с огнем стрелкового оружия они и решили исход борьбы.

Но определяющим фактором явилось мужество: ни один боец не струсил перед натиском лавины вражеской техники и не оставил своего места в боевом порядке. Конечно, в этом сыграл огромную роль приказ Наркома обороны № 227 и неустанная кропотливая партийно-политическая работа, которую, кроме офицеров партполитаппарата, возглавляемого капитаном

Б. М. Злобинским, проводили и мы, штабники, весь комсостав без исключения. Глубоко убежден, что на стойкость воинов огромное влияние оказывал и пример командиров, находившихся вместе с личным составом и деливших с ним все невзгоды того незабываемого тяжелейшего боя. День 22 августа был для нас самым тяжелым за все время Сталинградской битвы.

В ходе дальнейших оборонительных боев, вплоть до перехода наших войск в контрнаступление, в штабе 343-го полка всегда велась напряженная, не прекращавшаяся ни днем ни ночью работа по управлению боями и всестороннему материально-техническому обеспечению подразделений. Временно исполнявший обязанности начальника штаба полка старший лейтенант А. Г. Попов, сменивший его деловой и энергичный капитан Н. И. Яценко умели распорядиться оперативно и толково. Офицеры штаба и служб части А. Н. Елисеев, С. А. Музаелян, А. М. Крылосов, Н. А. Целищев, Е. Д. Лапинский, И. Ф. Корецкий, Н. Шаднев настойчиво добивались четкого исполнения приказов командира полка. Самоотверженно выполняли свой долг перед Родиной командиры батальонов Н. П. Шевченко, Я. В. Чернов, И. В. Веселов, Б. А. Глазков и другие; старшие адъютанты батальонов В. И. Разгильдеев, П. С. Перескоков, С. М. Хмеленко, М. П. Ключня, командиры артиллерийских батарей К. И. Фурса, А. И. Леонов, Ф. Я. Дик, начальники тыловых служб А. С. Мурашко, Г. Р. Майлянов, П. М. Портянко.

20 ноября после длительных изнурительных боев наши части прорвали в районе высоты 128,2 оборону 20-й румынской пехотной дивизии.

Никто не сомневался в успехе и не хотел верить, что где-то вот-вот может оборваться его жизнь. Вчера для всех нас непреложным законом был приказ: «Ни шагу назад!» Мы его выполнили. Сегодня идем вперед. И вот они, обильно политые кровью советских воинов, первые километры освобожденной родной и близкой каждому из нас сталинградской земли!

Это ли не солдатское счастье! Но радость нередко сменялась огорчениями. Так случилось у села Варваровки. Остановив продвижение наших войск и надеясь на скорую, обещанную Гитлером помощь, фашисты бросились в яростную контратаку, стремясь во что бы то ни стало прорваться в стык между нашей и 422-й дивизиями и вернуть Варваровку. Неимоверными усилиями натиск гитлеровцев был отражен. Утром 21 ноября были очищены от фашистов Нариман и Гавриловка. К концу дня 22 ноября освобожден хутор Попов.

...10 января 1943 года. Это первый день нашего наступления

на зажатые в кольцо вражеские войска. К вечеру усилился мороз. Поднялся пронизывающий ветер. Мела поземка. Острые сухие крупинки снега секли лицо, слепили глаза. Но полки, преодолевая неблагоприятные погодные условия, отчаянное сопротивление врага, настойчиво продвигались основными силами в направлении Басаргино и Воропоново.

К рассвету 14 января внезапной ночной атакой 48-й полк овладел станцией Басаргино и захватил невдалеке от Воропоново немецкий аэродром с 18 боевыми самолетами. Весь летный и обслуживающий персонал фашистов был пленен.

К исходу 17 января части дивизии вышли к Воропоново. Взять с ходу станцию, превращенную врагом в сильный опорный пункт, не удалось. Потребовалась тщательная подготовка. Отрыты окопы в глубоко промерзшей земле было невозможно, их устраивали в снегу. Кроме одиночных окопов оборудовались пункты обогрева — накрытые плащ-палатками, маскхалатами сооружения из снега с установленными в них печками. Личный состав два раза в сутки обеспечивался горячей пищей.

22 января наше наступление возобновилось. Непродолжительный, но очень сильный артиллерийско-минометный налет, завершившийся ударом большой массы тяжелых реактивных снарядов, обеспечил успех атаки. Решительным штурмом советские воины овладели железнодорожной станцией Воропоново. После ее освобождения части дивизии, ведя ожесточенные бои, продвигались к станции Садовая. Личному составу дивизии, приданной ей артиллерии и танкистам пришлось приложить немало сил, чтобы сломить сопротивление гитлеровцев у Садовой. 25 января на южной окраине Сталинграда была окружена и пленена 297-я пехотная дивизия фашистов общей численностью свыше четырех тысяч человек.

Поняв безвыходность своего положения после прорыва полков нашей и соседних дивизий в город, зажатые в непрерывно сужающемся кольце остатки окруженной группировки начали сдаваться в плен. Потянулись колонны безоружных фашистских вояк, одетых в легкие шинели. Гитлеровцы шли тяжелым медленным шагом, с низко опущенными головами, укутанными в одеяла, шали, платки. Возмездие настигло поверивших в свою непобедимость гитлеровцев.

П. Н. ПЕТРОВ,
командир 211-го
гвардейского полка

СТОЯЛИ НАСМЕРТЬ

Каждый год в город на Волге съезжаются ветераны Сталинградской битвы. У братских могил они склоняют головы и возлагают цветы к могилам героев, отдавших свою жизнь во имя сегодняшнего счастья.

В дивизии я находился со дня ее формирования. Мои воспоминания будут о живых и погибших друзьях и товарищах, сражавшихся в рядах 48-го (211-го гвардейского) стрелкового полка.

В Сталинград пришли мы тяжелой дорогой отступления от Харькова. В этот период подразделения части понесли значительные потери. Среди погибших был отважный командир нашего полка майор Г. Н. Ткач. И мне, 24-летнему лейтенанту, пришлось вступить в должность командира полка.

На дальних подступах начались упорные бои за город на Волге. В первых числах августа в районе Тингутинского лесничества и железнодорожного разъезда «74 км» вместе с другими частями дивизии 48-й стрелковый вел особенно тяжелые оборонительные бои. Наступали на нас десятки танков с пехотой, пытавшихся с ходу прорваться в Сталинград с юга.

Ведя активную оборону, мы не только остановили фашистские полчища, но и мощным контрударом в составе ударной группировки 64-й армии 9 августа отбросили его в исходное по-

ложение. Нанеся гитлеровцам огромные потери в живой силе и технике, вынудили их приостановить активные действия до подхода резервов. И лишь по приказу в двадцатых числах августа организованно отошли на заранее подготовленный рубеж юго-западнее Бекетовки.

Здесь, на новом рубеже, у нас с каждым днем крепла уверенность в том, что враг в Сталинграде будет сломлен и уничтожен, что город на Волге — последний рубеж: отходить дальше некуда. Долг каждого бойца и командира — до конца защищать свой окоп, свою позицию. Ни шагу назад! Неприятель должен быть уничтожен во что бы то ни стало. Выполняя приказ командования, воины полка героически дрались, отбивая многочисленные атаки фашистов, рвавшихся к Волге.

Вот один из боевых эпизодов на подступах волжской твердыни. Южнее Елхи, на участке 2-го батальона капитана Чепура, гитлеровцы, сосредоточив 10 танков и до двух батальонов пехоты, 15 сентября перешли в наступление. На позициях правофланговой роты стояли 3 противотанковые пушки. Наши воины встретили врага сильным ружейно-пулеметным огнем, а противотанковые орудия открыли прицельный огонь по танкам, подпустив их на 300—400 метров. В результате 4-часового боя наши воины отстояли свои позиции, уничтожив 5 танков и большое количество живой силы. За стойкость многие бойцы и командиры были награждены орденами и медалями Советского Союза. Вручили и мне мой первый орден Красной Звезды.

...Наконец наступил долгожданный час — мы получили приказ о переходе в наступление. Под руководством заместителя командира полка по политической части капитана В. А. Липатова были проведены партийные и комсомольские собрания, беседы с бойцами. Приказ буквально всколыхнул личный состав, вдохновил его на новые подвиги. Воины дали клятву сделать все от них зависящее, чтобы быстрее изгнать фашистов с нашей священной земли.

В первый день наступления на высоту 128,2 особенно отличился батальон старшего лейтенанта А. М. Хачатурова, первым ворвавшийся на высоту. В этом бою комбат героически погиб.

Борьба за высоту длилась два дня. Гитлеровцы предпринимали одну контратаку за другой, но наши воины держались стойко. Отразив натиск врага, они возобновили наступление. В ходе этих боев был тяжело ранен командир минометной батареи И. Л. Вовк и заместитель командира полковой батареи по политической части, участник гражданской войны И. В. Лома-

нов. За успешные действия на поле брани многие бойцы и командиры были награждены орденами и медалями.

В период с 10 по 31 января 1943 года полк, как и другие части дивизии, участвовал в уничтожении окруженной группировки Паулюса. 10 января 29-й и 343-й стрелковые полки, действуя в первом эшелоне, после мощной артиллерийской подготовки перешли в наступление. Фашисты ожесточенно сопротивлялись. Все попытки полков в течение 6 часов прорвать вражескую оборону успеха не имели. Тогда командир дивизии полковник Г. Б. Сафиуллин решил ввести в бой силы второго эшелона — наш полк — с задачей завершить прорыв обороны, выйти в тыл и не допустить подхода резервов противника.

С этой задачей полк с честью справился. Вначале правофланговая рота, а потом главные силы прорвались к ложнине, проникли в глубь обороны противника и в течение двух дней громили подразделения, спешившие на помощь фашистам. Затем ночью совершили рейд на станцию Басаргино, перерезали железную дорогу и захватили аэродром. В этом бою отличились начальник штаба полка капитан Т. М. Алмаев и ПНШ по разведке старший лейтенант А. А. Волюк, награжденные орденами Красного Знамени.

Многие бойцы, сержанты и офицеры были удостоены государственных наград.

И. Г. БАТАШОВ,

парторг 153-го гвардейского
Уразовского артполка

КОММУНИСТЫ ПОЛКА

153-й (214-й гвардейский) Уразовский ордена Кутузова III степени артиллерийский полк имеет славную боевую историю. И в этом немалая заслуга коммунистов, которые личным примером вдохновляли воинов на славные дела, учили бить врага наверняка. Партийцы в тяжелой и сложной обстановке не раз проявляли мужество и стойкость.

В июльские дни 1942 года при отходе дивизии на новые рубежи начальник штаба полка коммунист капитан Василий Порфирьевич Борисов, вступивший в командование полком, принимает неравный бой с наседавшим неприятелем. На позиции батарей обрушивается шквал артиллерийского и минометного огня, на орудия движутся десятки танков, непрерывно бомбит наши боевые порядки гитлеровская авиация. В. П. Борисов четко организует управление, умело маневрирует подразделениями и техникой, сдерживая вражеские танки и пехоту. Личный состав 153-го артиллерийского, воодушевляемый примером командира-коммуниста и других партийцев, в течение 5 дней удерживал занимаемые рубежи в районе поселка Уразово Белгородской области.

Прямой наводкой и с закрытых позиций артполк вместе с батареями стрелковых частей подбил и уничтожил 36 танков, 18 бронемашин, потопил в реке Оскол несколько понтонных мостов и уничтожил до полка пехоты противника. За проявленные под-

виги артполку присвоено наименование «Уразовский». А много лет спустя в поселке Уразово в память о его боевых заслугах на постаменте установлено артиллерийское орудие с надписью на плите: «Воинам 153-го гвардейского ордена Кутузова артполка, доблестно сражавшегося на реке Оскол в июле 1942 года. Благодарные граждане поселка Уразово в честь 30-летия победы над фашистскими захватчиками».

Под Сталинградом партийная организация полка насчитывала более 130 коммунистов. На них в бою опирались командиры и политработники. Высокие организаторские и морально-боевые качества проявлял командир дивизиона капитан коммунист Михаил Андреевич Мусорин. В районе Абганерово и Тингутинского лесничества его подразделения уничтожили более 15 танков и бронемашин, до 150 гитлеровцев. М. А. Мусорин первый в полку был награжден орденом Александра Невского. 2 декабря 1942 года, уже будучи заместителем командира полка, он лично осуществлял выдвижение нескольких батарей на прямую наводку. Орудия под сильным обстрелом противника уничтожали немецкие танки, доты, пулеметные точки.

Коммунист М. А. Мусорин погиб на поле боя как герой и похоронен в Сталинграде на Мамаевом кургане.

В Тингутинском лесничестве вновь отличился герой боя у совхоза «Подсередний» коммунист Василий Ткаченко со своим орудийным расчетом. Их орудие отразило атаку 16 фашистских танков. Прямой наводкой Ткаченко уничтожил 5 стальных чудовищ, 2 бронемшины и до 20 гитлеровцев. Дивизионная газета «За нашу победу» посвятила ему статью и сообщила, что за этот подвиг Василий награжден орденом Ленина.

В январе 1943 года при разгроме окруженной группировки врага совершил подвиг командир батареи 1-го дивизиона Федор Васильевич Васюнин. В районе станции Воропоново немцы оказывали сильное сопротивление нашим наступающим подразделениям, не раз переходили в контратаки. С наблюдательного пункта невозможно было обнаружить вражеские батареи, находящиеся в глубине обороны. Тогда коммунист Васюнин вместе с радистом садится на один из наших танков, устремившихся на прорыв, и по радию корректирует огонь по вражеским орудиям, подавляя их и создавая возможность нашей пехоте продвигаться вперед, ворваться на железнодорожную станцию Воропоново. В этом бою Федор Васильевич погиб.

На белгородско-курском направлении в ходе оборонительных и наступательных боев в июне-июле 1943 года в полку кандидатами в члены партии были приняты 15, а в члены пар-

тии — 29 человек. В их числе наводчик Панас Порфирьевич Деревянко, помощник начальника связи полка Михаил Исаакович Вестфрид, командир 1-го дивизиона Евгений Иванович Кузнецов, командир батареи Павел Тимофеевич Мальцев, командир орудия Василий Никифорович Брасов и др.

Мне запомнился мужественный образ парторга 3-го дивизиона Алексея Ивановича Юдина, добровольцем ушедшего на фронт. Этот большой души человек не расставался с кисетом, всегда наполненным махорочкой. Сам закурит и других угостит. Особенно он любил молодых бойцов, передавал им свой боевой опыт, воодушевлял на подвиги, а когда завязывался бой — вместе с расчетами вел из орудий огонь по врагу.

С ноября 1941 года мне пришлось быть на фронте вместе с Евгением Ивановичем Кузнецовым. Под Белгородом, командуя 1-м дивизионом, он всегда находился на самых ответственных участках. В июле его дивизион, ежедневно отражая непрерывные атаки противника, подбил и уничтожил десятки танков, орудий, автомашин и много живой силы противника. В столице Югославии Белграде под его командованием подразделения полка, в уличных боях разрушая сильно укрепленные опорные пункты противника, сопровождали пехоту. Полк под сильным обстрелом по захваченному мосту переправился через реку Саву и отразил атаку 20 немецких танков. Е. И. Кузнецов награжден двумя орденами Красного Знамени, тремя орденами Отечественной войны и орденом Кутузова III степени.

Свято чтут ветераны полка память о командире отделения связи 1-й батареи сержанте коммунисте Иване Ивановиче Уколове. 6 июля 1943 года гитлеровцы, заняв села Разумное и Крутой Лог Белгородской области, стремились и дальше развивать наступление, нанося по закрытой позиции батареи бомбовые и артиллерийские удары. Связь НП с батареей часто нарушалась, двое связистов под сильным обстрелом все время находились на линии и соединяли разорванные телефонные провода. На помощь им идет сам Уколов. Он уже трижды восстанавливал связь. Но вот снова повреждение. При соединении провода Иван Иванович был ранен в ногу осколком разорвавшейся бомбы. Перевязав рану, он продолжал двигаться по линии, восстанавливая связь. Это позволило продолжать эффективный огонь по врагу. Вдруг рядом разрывается неприятельский снаряд и его осколок сражает Уколова. Не выпуская телефонной трубки, погиб коммунист-связист. Он похоронен в селе Пенцево Шебекинского района Белгородской области. Благодарные жители села заботливо ухаживают за его могилой.

Мне не раз приходилось быть очевидцем мужественного поведения в бою заместителя командира полка по политчасти подполковника Ивана Андреевича Замостьяна. В ходе контрнаступления дивизии в августе 1943 года полк близ Основы, под Харьковом, вышел к аэродрому. Фашисты вели массированный артиллерийский и минометный огонь по наблюдательным пунктам и позициям батарей, нарушали связь. Старший лейтенант М. И. Вестфрид, прижатый разрывами, залег в окопе. Дорога каждая минута. В этот момент замполит полка И. А. Замостьян берет провод в руки и бежит по линии связи, а вслед за ним и связисты. Иван Андреевич личным примером увлекал подчиненных на ратные дела.

Как в дни затишья, так и в дни жарких оборонительных и наступательных боев нам, ветеранам, заместитель командира полка по политчасти И. А. Замостьян запомнился душевным и отзывчивым товарищем, храбрым, мужественным и волевым политработником, прошедшим всю войну в боевом строю. За успешную службу в военное и мирное время Иван Андреевич награжден орденом Ленина, тремя орденами Красного Знамени, орденом Александра Невского, орденами Отечественной войны I и II степени, двумя орденами Красной Звезды и многими медалями. Уволившись в 1956 году в отставку, гвардии полковник Замостьян поселился в Сталинграде. Он вел большую военно-патриотическую работу среди молодежи, как член Совета ветеранов.

Бесстрашием и высоким мастерством в боях за нашу Родину отличались коммунисты — командир орудия Георгий Николаевич Космынин, наводчик, а затем командир орудия Петр Михайлович Пакулов. На их счету 12 подбитых и сожженных вражеских танков. О их подвигах под Сталинградом, Белгородом, на Днепре, Дунае знали все солдаты и командиры полка. Мы, политработники, рассказывая о них, говорили: «Где стоят орудия Космынина и Пакулова, — врагу не пройти».

Г. Н. Космынин дважды был ранен и контужен, но не покидал поля боя и продолжал бить из орудия по фашистам. Георгию Николаевичу была оказана большая честь быть знаменосцем полка.

В боях при форсировании Днепра и на плацдарме в районе Бородаевских хуторов в ряды коммунистов вливались новые бойцы и командиры. Там же на плацдарме начальник политотдела дивизии майор А. Г. Воронов вручил партийные билеты 23 воинам, отличившимся в бою и принятым в партию.

Вспоминаю, как в начале октября 1943 года гитлеровцы в который раз попытались сбросить части дивизии в Днепр. Ла-

вина до 50 танков, прорвавшись через порядки стрелковых подразделений, обрушила огонь на батареи нашего полка и других частей. Коммунисты и здесь показывали пример выдержки и стойкости, не один не покинул своего поста. Храбро сражались 1-й и 3-й дивизионы, которыми командовали капитан Соселия из Грузии и капитан Козерецкий из Белоруссии, отражавшие атаку фашистских «тигров» и «пантер».

Начальник штаба полка коммунист Н. Невский управлял боем. Когда танки прорвались на НП, он вызвал огонь батарей на себя и преградил дальнейший прорыв неприятельских танков в глубину нашей обороны.

В 1983 году на праздновании 40-летия Курской битвы впервые после войны мне довелось встретиться с замечательным человеком старшим лейтенантом в отставке Сергеем Филипповичем Балабановым, добровольцем вступившим в ряды Красной Армии в 1919 году. Коммунистом он стал в 1929 году, а в 1941 году вновь по зову сердца ушел на фронт. Служил политруком, командиром огневого взвода. Трижды был тяжело ранен. К 40-летию битвы на огненной дуге ему исполнилось 77 лет, но выглядел он бодрым, жизнерадостным человеком. Я вспомнил, как он с бойцами своего взвода прямой наводкой в упор расстреливал фашистов на днепровском плацдарме, как в столице Югославии из пистолета уничтожил гитлеровского офицера и двух солдат, укрывшихся в канализационном колодце и стрелявших по нашим бойцам. Последнее тяжелое ранение Сергей Филиппович получил при форсировании Дуная в 1944 году, но после продолжительного лечения вновь вернулся в родную полковую семью.

Коммунист Николай Тимофеевич Пуха в августе 1941 года Орджоникидзевским райкомом партии г. Запорожья был направлен на фронт политбойцом. Он стал командиром батареи, не раз в трудные минуты своим высоким боевым мастерством и самообладанием воодушевлял на подвиги воинов. За подвиг, совершенный при форсировании Дуная и в боях на батинском плацдарме в Югославии, Президиум Верховного Совета СССР Указом от 24 марта 1945 года присвоил ему звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда».

Гвардии капитан в отставке Н. Т. Пуха многие годы находился на советской, партийной и хозяйственной работе, награжден орденом Октябрьской Революции. Сейчас он на заслуженном отдыхе, проживает в г. Славянске на Кубани.

Незабываемый пример мужества и стойкости коммунисты полка показали при отражении контрнаступления гитлеровцев

ожнее озеро Балатон в районе города Надьбайом (Венгрия). 3-й арtdивизион (командир дивизиона А. П. Войнов, замполит дивизиона В. А. Елисеев) вместе с 211-м стрелковым полком гвардии майора Н. И. Ященко, выдвинувшись в период контратаки значительно вперед, оказались в окружении. Но ни танки, ни вражеская пехота не смогли уничтожить гвардейцев. Заняв круговую оборону, они с честью неустрашимо вели неравный бой в течение двух суток, пока подоспевший из резерва учебный батальон не помог отбросить фашистов. При этом мужество и отвагу проявили многие коммунисты — командир батареи капитан Хукаленко, лейтенант медслужбы Петров. Многие пали смертью храбрых. В их числе начальник штаба дивизиона Аношин.

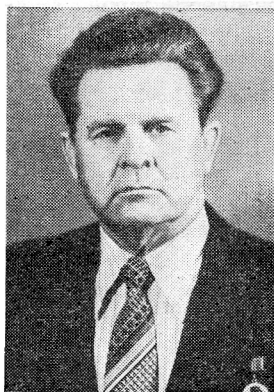
Я часто вспоминаю солдат и офицеров, которых сам рекомендовал в партию. Это были замечательные воины, геройски сражавшиеся с фашистами. Я с благодарностью вспоминаю парторгов дивизионов Тимофея Безрукова, Сергея Бабия, а также вожаков молодежи — комсоргов полка Владимира Зелинского и Александра Сухова.

Весомый вклад в героическую историю полка внесли коммунисты тыловых подразделений Д. М. Топельберг, А. Я. Бабич, Н. И. Носков. Значительную помощь в партийной работе оказывает Г. М. Кудрявцев, старый коммунист, топовычислитель штабной батареи. Помню, как мы с ним в Белграде вели огонь из двух трофейных орудий по фашистам, засевшим в домах. Прямыми попаданиями были уничтожены 4 пулемета с расчетами, гитлеровцы прекратили обстрел югославских партизан, и те смогли занять дома.

В. И. Ленин учил, что в периоды острейшей борьбы с реакционными силами, когда решается судьба страны и народа, идеалом партии пролетариата является воюющая партия. Именно такой партией была наша ленинская партия в годы Великой Отечественной войны. Коммунистическая партия подняла весь народ на борьбу с немецко-фашистскими захватчиками и привела его к всемирно-исторической победе.

Более пяти миллионов советских патриотов пополнили ряды Коммунистической партии в годы войны. В их числе более 430 — воины нашего полка. «Хочу идти в бой коммунистом!» — эти ставшие легендарными слова родились на полях кровопролитных сражений, когда решалась судьба социалистических завоеваний.

Страстный голос коммунистов, звавших на подвиги бойцов, и сейчас звенит набатом, зовет к новым победам, к миру.

П. А. ПЕСТРЯКОВ,

начальник артиллерии 211-го гвардейского
стрелкового полка

ПАМЯТНЫЕ ДНИ

Последняя декада августа 1942 года. На рубеже станция Тингута — разъезд «74 км» — станция Абганероно идут ожесточенные бои. Здесь, в безводной степи, под палящими лучами солнца, в пыли, копоти и грохоте от разрывов бомб и снарядов, совместно с другими частями 48-й стрелковый полк отбивает атаки превосходящих сил врага. 2-я батарея 120-миллиметровых минометов 160-го отдельного минометного дивизиона поддерживает действия полка. Почти весь личный состав батареи — алмаатинцы. Смелые, решительные, находчивые и трудолюбивые люди. Многие из них — коммунисты и комсомольцы.

Несмотря на налеты авиации, батарея все время ведет интенсивный огонь, уничтожая огневые средства и живую силу противника. Но в один из тех дней она попадает в чрезвычайные обстоятельства. Перед вечером напряженный бой, гремевший впереди, внезапно прекратился. Продолжался он где-то слева, справа и в тылу у нас. Это производило такое впечатление, что, в лучшем случае, мы попали в клещи, из которых надо без промедления вырваться.

Увы! Распоряжение о смене позиций получить не от кого: связь ни с командиром батареи, ни со штабом стрелкового полка не действовала.

Главной моей обязанностью, как старшего офицера бата-

реи, было точное выполнение команд по управлению огнем, поступавших с наблюдательного пункта от командира батареи. От него же я получал информацию и о боевой обстановке на переднем крае, а также в глубине боевых порядков поддерживаемых стрелковых подразделений. Но вот уже целый час с командиром батареи нет связи, и попытки восстановить ее не увенчались успехом.

Что там, впереди, произошло? Связались с наблюдательным пунктом соседа, но ничего не выяснили.

Тишина настораживает. Растет беспокойство. Однако ничем не проявляю его, чтобы никто из подчиненных не заметил.

Выручили разведчики разведроты дивизии. Они сказали, что оборона стрелковых подразделений прорвана. Но где теперь наша пехота — не знаем. Ясно только, что впереди ее нет.

Мучительные поиски решения прервало появление противника. Его цепь движется со стороны фронта. Расстояние? — километра полтора. Все ясно.

— Батарея, к бою! Первому, одна мина, огонь!

Пристрелочный выстрел оказался удачным.

— Батарея, шесть мин, беглый, зарядить!

Как только атакующие стали приближаться к месту ожидаемых разрывов мин, даю команду:

— Огонь!

Звуки выстрелов сливаются в общий гул. Снаряды разрываются в середине цепи гитлеровцев. Впервые мне приходится вести огонь в качестве стреляющего всеми шестью стволами батареи по видимой цели. Волнуюсь и удивляюсь: как все же сильна мощь даже одной батареи!

«Огонь!» Еще тридцать шесть мин летят вдогонку предыдущим. Затем несколько таких же скорректированных залпов накрывают фланги атакующих гитлеровцев. Атака отражена. Многие фашисты отвоевались навсегда. Теперь можно занять другую позицию:

— Отбой! На колеса! За мной, бегом марш!

Два километра преодолеваем на одном дыхании. Выбиваясь из сил, переваливаем через железную дорогу. Повезло! Но не совсем — последний, 6-й расчет обстрелян вражескими автоматчиками. Три человека получили ранения, а миномет остался на полотне дороги. Быстро рассыпаемся за насыпью и огнем из карабинов и винтовок отражаем преследующих гитлеровцев. Встретив отпор, они отходят. До утра батарея приводит себя в порядок. Связались со штабом дивизиона. Вернулись автомашины с боеприпасами и продовольствием, и к рассвету батарея

успевают снова обрести полную боевую готовность. Тревожила судьба командира батареи, разведчиков и телефонистов. Но ночью появились и они. Им удалось выйти с территории, занятой противником...

Другим незабываемым днем для нашей батареи, да и всей дивизии, становится 20 ноября 1942 года — день перехода в контрнаступление наших войск южнее Сталинграда.

Господствующая над местностью высота 128,2 казалась неприступной. Но именно здесь наносился один из главных ударов по врагу. Честь нанести его досталась и нашей дивизии. Радовало и то, что впервые мы получили возможность создать довольно высокую плотность артиллерии. И за счет артиллерийских частей резерва Главного командования, и — что особенно важно — за счет усиления штатных артиллерийских и минометных подразделений дивизии. Это коснулось и нашей батареи. Раньше она только придавалась 48-му стрелковому полку, а 19 ноября 1942 года навсегда вошла в его состав. Приятно и радостно было видеть стоящие неподалеку от нас незамаскированные на своих огневых позициях батареи разных калибров и особенно гвардейских минометов «катюш».

...Батарея готова к бою. Уточнены задачи и цели для ведения огня и на период артподготовки, и на период поддержки атаки стрелков. Все готово к открытию огня. Мешает только погода: туман и снегопад. К счастью, с приближением полудня большие мокрые хлопья снега перестают падать.

Снова проверяется общая готовность. Все волнуются. Наконец подан сигнал: «Гроза». Вслед за ним раздался гром артиллерийской канонады. Наступил период возмездия лютым врагам за их чудовищные преступления на нашей земле. Это была не просто артподготовка, а грандиозное артиллерийское наступление. По сигналу «Атака» стрелковые батальоны вслед за танками устремились на штурм окутанной разрывами высоты.

Через час на ней взметнулся красный флаг. Определить, сколько фашистов уничтожила наша батарея, невозможно. Но за первые три дня наступления она обрушила на их головы два боевых комплекта, то есть более 15 тонн мин.

Высокое мужество и отвагу проявили командир батареи лейтенант Никифоров, командир 1-го миномета старший сержант Сушков, командир отделения тяги старший сержант Сурков, командир 3-го взвода младший лейтенант Жбанков и многие другие.

Ветераны нашей дивизии по праву гордятся своим активным участием в Сталинградской битве.

Д. С. ВЕЧКУТОВ,

инструктор политотдела дивизии

ФРОНТОВОЙ ОТЧЕТ ЗЕМЛЯКАМ

...В разгар сражений на Волге командование дивизии и политотдел решили послать в столицу Казахстана делегацию для доклада ЦК Компартии Казахстана, правительству, всем трудящимся республики о защите Сталинграда. Кроме меня, как руководителя делегации, в ее состав вошли старшина П. Кабанов и сержант С. Сагындыков.

В конце января 1943 года нас тепло приняли в ЦК КП(б) Казахстана, Совнарком и Президиуме Верховного Совета республики, в редакциях газет, в коллективах тружеников города, сел, колхозов и совхозов. С огромным интересом слушали наш отчет о боевых делах родной дивизии. На всех собраниях и митингах нам вручали ценные подарки, посылки, письма для матерей, отцов, сыновей, братьев и товарищей по совместной службе.

Особенно запомнилась мне встреча с рабочими и служащими Турксиба. На митинге коллектив железнодорожников принял шефство над 29-м Абганеровским полком и вручил нам символический подарок — жезл с надписью: «Вперед, на запад!».

Надо сказать, что наказ турксибовцев полк выполнил с честью. Его воины достойно пронесли жезл на запад, освобождая Украину, Молдавию, Румынию, Болгарию, Югославию,

Венгрию и Австрию. Здесь и закончила свою освободительную миссию наша дивизия.

Давно отгремели залпы орудий, улеглась пыль на фронтовых дорогах. Вернувшиеся домой солдаты сейчас трудятся на различных участках коммунистического строительства и часто вспоминают тех, кто остался на поле брани. Не испытали радости победы и счастья встречи с семьей и члены нашей делегации старшина П. Кабанов и сержант С. Сагындыков. Они погибли. Благодарный советский народ, все прогрессивное человечество помнят и чтят всех героев, отстоявших мир от фашистского порабощения.

Л. М. ВОЛОЩУК,
помощник начальника оперативного
отделения штаба дивизии

ПЛЕНЕНИЕ ПЕРВОГО ФАШИСТСКОГО ГЕНЕРАЛА В СТАЛИНГРАДЕ

К концу января 1943 года положение окруженных под Сталинградом фашистских войск оказалось катастрофическим. Искияли боеприпасы и продовольствие. Некогда отборные фашистские части были деморализованы. Никогда не забуду, с каким нетерпением, предвкушением радости мы ждали и делали все посильное для скорейшего завершения разгрома окруженной группировки. В те дни по поручению командования я привел первого сдавшегося в плен фашистского генерала.

Это было около четырех часов утра 25 января 1943 года. С волнением зашел я в землянку командира дивизии полковника Сафиуллина и доложил: «Товарищ полковник, ваш приказ по пленению и доставке немецкого генерала, командира 297-й пехотной дивизии Морица фон Дреббера выполнен».

Обрадовавшись моему благополучному возвращению из расположения немцев, командир весело улыбнулся и приказал ввести в землянку пленного.

На вопрос полковника Г. Б. Сафиуллина «Где ваши части, генерал?» последний усмехнулся и ответил: «Мне ли вам об этом рассказывать? Весь личный состав дивизии, кто еще остался в живых, теперь находится у вас в плену». Чуть помедлив, добавил: «Я, оказывается, первый генерал, который сдал-

ся». В ответ на это полковник Г. Б. Сафиуллин заметил: «Вы первый, но не последний».

Как потом нам стало известно, предчувствуя поражение, командующий сталинградской группировкой гитлеровских войск фельдмаршал Паулюс на последнем совещании генералитета вынес решение письменно подтвердить Гитлеру безвыходность положения и просить о немедленном оказании помощи в прорыве из окружения.

Гитлер, получив письмо, отдал приказ Паулюсу — держаться до последнего солдата, личному составу окруженной группировки принять вторично присягу на верность великой Германии. Одновременно он приказал выслать подкрепление и срочно доставить транспортной авиацией в район Сталинграда продовольствие и боеприпасы. Немецкое командование изо всех сил пыталось оказать окруженным помощь, но она не достигла цели. На пути транспортных самолетов встали наши истребители и зенитная артиллерия. Многие грузы вынужденно сбрасывались на территории, занимаемой советскими частями, а живая сила и техника уничтожались нашими войсками на дальних подступах к городу на Волге.

Управление войсками у противника уже было нарушено, а моральное состояние оставшихся в живых солдат и офицеров было не просто деморализовано — оно было паническим. В такой обстановке командир 297-й пехотной дивизии генерал фон Дреббер со своими солдатами и офицерами принял решение сдаться в плен.

Происходило это так. День 24 января 1943 года был на исходе. Командир дивизии полковник Г. Б. Сафиуллин приказал мне выехать на автомашине к Сталинграду и уточнить расположение частей соединения.

В пути я встретил двоих красноармейцев из полка капитана В. И. Давиденко, конвоировавших трех гитлеровцев. Установил, что препровождаются адъютант командира 297-й немецкой пехотной дивизии, а с ним шофер и переводчик. По заданию своего командира они прибыли в распоряжение наших войск в качестве парламентаров для переговоров о сдаче личного состава дивизии в плен. Я решил немедленно доставить их к своему командованию.

В штабе дивизии находился начальник штаба армии генерал-майор И. А. Ласкин. Он принял участие в допросе немцев. Прежде всего от парламентаров потребовали официальный документ, подтверждающий их полномочия для переговоров об условиях сдачи дивизии в плен. Как выяснилось, такого документа у них не было.

Генерал И. А. Ласкин высказал мнение, что гитлеровцы могли быть засланы в целях провокации. Он дал указание направить с ними в штаб 297-й дивизии немцев своих людей, чтобы получить подтверждение намерений командования этой части о сдаче в плен. Выполнение приказа было возложено на меня. Причем я должен был сделать все возможное, чтобы доставить в штаб своего соединения немецкого генерала, командира дивизии.

В мое подчинение были выделены помощник начальника отделения связи штаба дивизии старший лейтенант Ф. Д. Токарев и десять разведчиков.

Наступил вечер. Наша группа на автомашине выехала в район Сталинграда. Дороги были занесены снегом, и, чтобы не попасть на минные поля, у первых развалин города мы оставили машину и дальше пошли пешком.

Фашисты неоднократно открывали по нас огонь из автоматов и пулеметов, и мы вынуждены были залегать. При ослаблении огня гитлеровский офицер объяснил солдатам, кто он и какова его цель. Огонь прекращался, и мы следовали дальше. Небольшая группа вражеских солдат, узнав, что предстоит сдача в плен, бросила оружие и присоединилась к нам.

Все шло неплохо, но адъютант Дреббера заблудился, и мы до полуночи разыскивали штаб его дивизии. Наконец перед нами показался чудом уцелевший маленький деревянный домик. Выставив вокруг него охрану из разведчиков, мы с Токаревым, соблюдая меры предосторожности, вошли в дом. Состоял он из двух небольших комнат. Первая была переполнена немецкими офицерами, в другой, как доложил адъютант, находились командир и некоторые старшие офицеры дивизии. В передней комнате от удивления прекратили ужин, обратив все взоры на нас. Зайдя к командиру дивизии, адъютант доложил о нашем прибытии.

Через некоторое время нас ввели во вторую комнату. Я сообщил о цели своего прибытия. Генерал фон Дреббер выслушал и пригласил сесть.

На наш первый вопрос, находимся ли мы в безопасности, он ответил положительно, а затем задал нам несколько вопросов. В частности, его интересовало, будет ли обеспечена жизнь ему, офицерам и солдатам его дивизии. Интересовался вопросами организации питания, условиями содержания военнопленных. На все вопросы мы дали необходимые ответы. После этого по указанию Дреббера начальник штаба по телефону отдал приказ о немедленном прибытии офицеров всех полков и сосредоточении личного состава непосредственно у штаба дивизи-

зии. Как только эти распоряжения были отданы, по моему указанию телефонная связь была отключена.

На наш вопрос, знает ли командир корпуса о сдаче в плен дивизии, фон Дреббер ответил, что не знает. Мы предложили послать записку, чтобы командир и штаб корпуса к 6 часам утра 25 января были в расположении освободившегося помещения штаба дивизии, где их будет ждать представитель Красной Армии. Записка была отправлена через обер-лейтенанта, знавшего место нахождения штаба корпуса.

За исключением фон Дреббера весь офицерский состав был обезоружен и построен в голове колонны пленных. Фон Дреббер, я и его переводчик шли впереди колонны. Подойдя к оставленной нами автомашине, мы посадили генерала в кабину, а старшие офицеры, сколько можно было, разместились в кузове. Сам я стал на крыло, и мы тронулись в путь. По дороге из-за снежных заносов приходилось часто останавливаться. Тогда пленные выталкивали машину...

Доставив фон Дреббера в наш штаб и доложив о посланной записке командиру немецкого корпуса, я по распоряжению полковника Г. Б. Сафиуллина вновь выехал к месту уже не существующего штаба вражеской 297-й дивизии для взятия в плен командира корпуса и его штаба. Но встреча с ними не состоялась, так как советские части в течение ночи значительно продвинулись вперед и назначенное место встречи оказалось уже в нашем расположении.

Вот такова история пленения первого фашистского генерала в Сталинграде.

Н. И. НОСКОВ,

командир автороты подвоза дивизии

МЫ ОБЕСПЕЧИВАЛИ БОЙ

Я расскажу о тех, кто не бросался врукопашную с фашистами, не еступал в поединки с танками, но кто по несколько суток кряду не выпускал из онемевших рук баранку, кто днем и ночью доставлял на передний край все нужное фронту, кто обеспечивал бой, кто своим часто нечеловеческим трудом в неимоверно тяжелых условиях приближал великую Победу.

Фашисты рвались к Волге. Ожесточеннейшие бои шли уже на ближних подступах к Сталинграду. Степь гудела от непрерывной артиллерийской канонады, разрывов бомб, от идущих к волжской твердыне эшелонов вражеских бомбардировщиков.

Пользуясь превосходством в воздухе, фашисты безнаказанно бомбили и расстреливали из пушек и пулеметов не только автоколонны, скопления войск и техники, но охотились даже за отдельными машинами, мотоциклами, пешеходами.

Эта наглая «охота» вызывала томительное чувство бессильной ярости и унижения, желание оказать хоть какое-то сопротивление этому разбою — отомстить! Начиналась стрельба из винтовок по летящему на бреющем самолету, но... только разряжались винтовки.

По несколько раз в сутки приходилось водителям пересекать 50—60 километров открытой выжженной солнцем степи, простиравшейся от Сталинграда, где пока находились базы снабжения, до фронта, ожидая каждую минуту нападения вражеской авиации.

Только мастерство вождения автомобиля, ловкость и смекалка, знание возможностей машины позволяли шоферам уходить из-под обстрелов с воздуха с незначительными потерями.

Большинство шоферов автороты нашей дивизии были опытными водителями, не по одному году проработавшими в народном хозяйстве. Однако и им потребовалось время, чтобы научиться как следует водить автомобиль по бездорожью и пересеченной местности, через участки, пристрелянные артиллерией, уходить из-под пулеметного огня самолетов.

Нелегко давался воинам-водителям Великой Отечественной этот опыт. Многие из них навсегда покоятся на полях сражений. А те, кто остался живым, пользуются особым уважением, как мастера высокого класса.

В автороте большим авторитетом пользовались старшина И. Д. Тарасенко, рядовые И. Тесля, А. Чемратов, Н. Скубак, Д. Мищенко, помощник командира взвода старшина Поликарпов и другие.

Некоторые считали их счастливыми или просто везучими. Не раз этих водителей преследовали самолеты, но они умело уходили из-под обстрела и оставались невредимыми. Пользуясь возможностью езды по степи врассыпную, вдали от дорог, они вынуждали фашистских летчиков гоняться как бы «за двумя зайцами». Это бесило гитлеровцев и в отчаянной злобе они часто стреляли, лишь бы стрелять.

Обычно один из наиболее опытных водителей, открыв дверь кабины и встав на подножку, наблюдал за небом и вел машину по прямой, умышленно привлекал внимание летчика на себя. Увидев, что самолет готовится к нападению, шофер, маневрируя, уходил от обстрела.

Трудности в обеспечении всем необходимым сражающихся резко возросли в конце августа 1942 года, когда гитлеровцам удалось занять станцию Тингута и разъезд «74 км». Наша дивизия оказалась в тяжелом положении. Усилились бомбежки тылов, вражеские самолеты от зари до заката поливали пулеметным огнем почти каждую машину, пытавшуюся прорваться к полукругленным частям. Только ночью удавалось добраться до полковых и батальонных пунктов боепитания. Уставали, конечно, но об отдыхе не могло быть и речи: водители старались до рассвета проскочить открытый участок дороги, а потом отправлялись на армейские базы снабжения, которые располагались теперь далеко за Волгой.

Напряженная, без сна и отдыха, работа давала о себе знать, появились случаи переутомления. Вспоминается такой эпизод. Водитель автомобиля ЗИС-5 рядовой Абишев (имени, к сожа-

лению; не помню), отличавшийся особым здоровьем и выносливостью, после нескольких бессонных суток работы возвращался с грузом из Черного Яра и уснул за рулем. Машина, ударившись в придорожный бетонный столб, остановилась. Это произошло недалеко от Сталинградской ГРЭС, которая в этот момент подвергалась жестокой бомбежке. Грохот разрывов не разбудил Абишева, его растолкали подъехавшие после бомбежки водители.

В дни боев за Сталинград все больше и больше ощущался недостаток автотранспорта. Старенькие ГАЗ-АА и ЗИС-5, которыми авторота была укомплектована, имели ограниченный моторесурс. В результате напряженной работы в условиях бездорожья и постоянной перегрузки, повреждений при бомбежках и обстрелах автомобили один за другим выходили из строя. Ремонтные средства автороты в то время были крайне скудны. Мы не получили при формировании положенной нам походной мастерской, не имели никакого ремонтного оборудования, приспособлений. Небольшой набор инструмента, верстачок в покрытом брезентом кузове «газика» — вот и все наши ремонтные возможности. Не было запасных частей. Но машины надо было ремонтировать, ремонтировать быстро и в любых условиях. И ремонтники выполняли эту задачу.

В то время я был помощником командира автороты по технической части. В начале войны после учебы мне было присвоено звание техника-лейтенанта. Опыта никакого. Но я как и другие справлялся с порученным делом. Это нам удавалось благодаря таким умельцам, как слесари рядовые Новиков и Душкин, электрик старший сержант Гайкалов, кузнец рядовой Селивко, помощник командира ремонтного взвода старшина Перегудов. Они были наделены такими бесценными в тех условиях качествами, как смекалка и находчивость. Большой опыт работы с техникой, накопленный «на гражданке», особенно в МТС, помогал им творить чудеса, производя сложные ремонтные работы в полевых условиях. За короткое время было организовано изготовление и реставрация многих дефицитных деталей. Нарращивали техническую оснащенность за счет трофейного оборудования и инструмента. Усовершенствовали технологию реставрации и изготовления деталей. Мы все меньше стали испытывать трудности в ремонте и даже помогали соседним частям.

Неся громадные потери, гитлеровцы ворвались в центр города, на отдельных участках вышли к Волге и превратили ее в огневой рубеж. Над рекой круглые сутки висели вражеские самолеты. Все, что появлялось на воде, подвергалось

шквальному артобстрелу, переправы разрушались. Переправиться через Волгу — значило совершить подвиг. Сравнительно бесперебойно действовала переправа через левый проток Волги на остров Сарпинский: ее не было видно с высокого правого берега, так как остров и могучий лес закрывали ее. Но с острова на правый берег постоянной переправы не было. Все попытки ее навести оказались безуспешными.

Чтобы не сорвать обеспечение сражавшихся частей, самое необходимое доставлялось небольшими партиями. Для ускорения этой работы командиры взводов лейтенанты М. И. Тимошин и Н. Агапов организовали работу по устройству своей, так сказать, дивизионной переправы. За считанные часы был сооружен паром из брошенных рыбацких лодок с двигателем от автомобиля, построены незаметные с воздуха причалы.

Паром был небольшой, поднимал 3—4 тонны, перевозить на нем машины было весьма рискованно. Но как он выручал нас! Днем и ночью паром «бегал» от острова Сарпинского к берегу и был почти неуязвим для самолетов, так как довольно быстро пересекал Волгу и скрывался в прибрежных зарослях. Сотни тонн боеприпасов и других грузов было переправлено на этом утлом сооружении. Но искупаться в Волге тем, кто работал на пароме, пришлось не раз.

Отгремела Сталинградская битва. После небольшого отдыха дивизия перебрасывалась на другой фронт. Наш эшелон с личным составом и техникой шел на запад. Никаких неожиданностей не предвиделось. Фронт был далеко, фашистские самолеты залетали сюда редко, да и погода была неблагоприятная. И вдруг несколько взрывов, треск пулеметных очередей — огненные струи захлестали из пробоев цистерн.

Самолет носился вдоль станции, поливая свинцом освещенные багровым пламенем вагоны, бегущих людей. Горящая жидкость, заполняя междупутья, подбиралась к вагонам с боеприпасами. В шуме бушевавшего пламени, треске пулеметов трудно было понять, что происходит, кто и кому отдает распоряжения. Опасаясь взрыва, люди старались подальше отбежать от эшелона. Люди бегали, кричали, разыскивали кого-нибудь из локомотивных бригад, кто умел бы управлять паровозом и мог бы отвести горящий состав со станции. Но таких не находилось.

Самолет разворачивался и вновь с брющего строчил длинными очередями. Надо отцепить горящую часть состава, убрать со станции — иначе все взлетит на воздух! Слышались советы и предупреждения... Но кто рискнет это сделать? Охотников не находилось.

В суете не сразу заметили, что горящие цистерны медленно поползли со станции. Расстреляв, видимо, весь боекомплект, фашистский стервятник с ревом пронесся над уходящим паровозом, как бы намереваясь его таранить, и скрылся в ночном небе.

Далеко за станцией раздался двоянный мощный взрыв, взметнулось громадное пламя. Стало тихо. Переговариваясь, люди возвращались к вагонам. Спрашивали друг у друга, кто совершил этот подвиг, кто предотвратил гибель многих людей, спас военное имущество, подвижной состав и станцию от разрушения? Он один не искал никого, он шел оттуда, где бушевало в поле пламя, усталый, улыбающийся своей тихой улыбкой. Это был повар 135-й автороты, бывший кочегар паровоза сержант Н. Кудинов из Воронежа. Он один под пулеметным огнем отцепил горящую часть состава и вывел его далеко за станцию.

За этот подвиг Н. Кудинов первым в роте был награжден орденом Красной Звезды. Скромный, я бы сказал, незаметный был этот славный солдат Великой Отечественной войны. После войны я встречался с ним в Воронеже. Он и в мирные дни работал поваром.

А. Г. ЯКУПОВ,

начальник
химической службы дивизии

ВСЕГДА В ГОТОВНОСТИ

Памятуя о том, что перед нами сильный и коварный враг, способный в зависимости от обстоятельств применить и химическое оружие, советское командование вменило химической службе всех уровней в обязанность вести постоянную оперативно-разведывательную работу. Поэтому часто в общевойсковые разведгруппы включались химики-разведчики с заданием выявлять наличие у врага химических средств нападения, захватывать их образцы, как и образцы средств противохимической защиты, а также специальную техническую документацию. Кое-какие сведения поступали и от пленных офицеров и солдат вермахта.

И все же основной задачей химслужбы до конца войны оставалась подготовка всего личного состава частей и подразделений к противохимической защите, обучение приемам пользования противогазом, защитной накидкой, индивидуальным противохимическим пакетом и другими подручными средствами. Задачи обучения личного состава легли в основном на начальников химслужбы полков и батальонов, которые готовили химинструкторов, направлявшихся затем в каждую роту или батарею. Ряды инструкторов в огне боев редели и потому требовалось постоянно готовить новых.

Кроме химинструкторов имелись и специальные подразделе-

ления: отдельная рота химзащиты (ОРХЗ) в дивизии и отдельные взводы химзащиты в полках.

На первом этапе войны в нашу задачу входило также массовое обучение бойцов отражению танковых ударов противника бутылками с зажигательной смесью и своевременное обеспечение ими передовой линии обороны. Бутылки с зажигательной смесью, как и средства противохимической защиты, имевшиеся в отдельной роте химзащиты дивизии и во взводах химзащиты полков, до 1943 года перевозились на повозках. Своевременная доставка и развертывание их на необходимых участках в случае внезапного изменения ситуации на поле боя были крайне затруднительными, поэтому приходилось проявлять известную изобретательность и точный расчет как до, так и во время боя.

Работники вспомогательных служб честно выполняли в боевых условиях и свои прямые обязанности. Что же касается бутылок с зажигательной смесью, то в условиях недостатка артиллерии они в сочетании с противотанковыми гранатами вселяли уверенность в бойцов, что при прорыве в расположение стрелковых частей отдельных или нескольких групп танков пехота может постоять за себя собственными силами.

Когда наша дивизия под Сталинградом занимала оборону от села Ивановка до аэродрома, для обеспечения боя потребовалось громадное количество таких бутылок. Доставка их централизованно через Волгу была сопряжена с большими трудностями и, как правило, не могла удовлетворить наши потребности. Перебои в их поступлении вынудили искать выход из создавшегося положения.

По совместному решению Военного совета фронта и обкома партии в подвальных помещениях производственных корпусов разрушенного Сталинградского химзавода началась работа по изготовлению зажигательной смеси. Но возникла трудность со стеклянной тарой. Тогда для ее поисков привлекли выздоравливающих после ранений и часть бойцов подразделений химзащиты. В сбор посуды активно включились жители Ивановки, Старой Отрады, Бекетовки. В результате на завод поступило большое количество подходящей стеклотары. Недостаток рабочих рук и инженерно-технических работников тоже удалось восполнить. В помощь заводчанам были откомандированы помощник начальника службы дивизии по материально-техническому обеспечению старший лейтенант Рысин и всеобщий любимец, прославленный поэт дивизии, он же помощник командира отдельной роты химзащиты техник-лейтенант Н. В. Раков. Рядовые и офицеры, заводчане и домохозяйки сделали все необходимое и в кратчайший срок полностью

обеспечили истребителей танков этим простым, но грозным оружием.

Большое значение для подавления живой силы противника придавалось подвижным огнеметам. В конце сентября 1942 года в оборонительной полосе нашей дивизии действовало четыре танка, оснащенные огнеметами большой мощности. Выбрасываемые из них огневые всполохи поражали на расстоянии до 120 метров, причем конус пламени на таком удалении расширялся до 12—15 метров в диаметре. Огнемётные танки действовали, как правило, на танкоопасных направлениях. Их по башню зарывали в землю и получались передвижные доты. Такие танки находились в ведении командующего армией, но места их размещения определял начальник химслужбы дивизии.

В сентябре — октябре 1942 года враг, не считаясь с большими потерями, яростно рвался к городу на Волге. В тяжелых оборонительных боях командование вынуждено было порой использовать спецподразделения, в том числе и химиков, как пехоту. Хорошо помню, как в середине октября для усиления обороны на отсечных позициях были брошены все спецподразделения дивизии, не говоря уже о полковых. Позднее к таким крайним мерам командование не прибегало. Все спецподразделения, в том числе и противохимические, были отведены во второй эшелон и в дальнейшем использовались только по своей специальности.

После завершения боев под Сталинградом наша дивизия была передислоцирована на южное крыло Орловско-Курской дуги, под Белгород. На левом берегу Северского Донца располагались наши части, а правый был у противника. Исключение составлял занятый врагом «пяточок», расположенный на нашем берегу в районе села Михайловка. Неоднократные попытки выбить фашистов из села на правый берег не приносили успеха, так как вражеский плацдарм непрерывно обеспечивался подкреплениями и всем необходимым для обороны. Существовала какая-то таинственная переправа: наши сосредоточенные артобстрелы и бомбежки прилегающих участков реки и берега ничего не давали. Больше того, днем никакого передвижения через реку не замечалось. Тогда командование 7-й гвардейской армии приказало для уточнения характера переправы забросить в тыл неприятеля сводную группу разведчиков.

Выяснилось, что переправа была сооружена на невидимых с воздуха густо забитых сваях — они уходили под воду. Был уточнен и составлен план этой переправы, что потом помогло организовать эффективный ее обстрел.

Попавший к нам после тяжелого ранения Виктор Сафронов, опытный разведчик, бывший воин-десантник, выполнил и мое задание — захватил у гитлеровцев образец нового немецкого противогаса Ф-42. За выполнение ответственного боевого задания сержанты М. Салимбеков и В. Сафронов были награждены орденом Красной Звезды и направлены на курсы младших лейтенантов. После войны я узнал, что Сафронов уже в должности командира отдельного мотоциклетного разведбатальона погиб в одном из жестоких боев на территории Венгрии.

На Курской дуге, ожидая танковый удар, наши части создавали мощную концентрацию противотанковых огневых средств, инженерные заграждения, минные поля. На вопрос только что прибывшего нового командира дивизии полковника С. А. Козака, что могут сделать химики, я предложил очень простое и эффективное средство для борьбы с танками: минно-огневые фугасы. Козаку план пришелся по душе, и он приказал начальнику инженерной службы дивизии майору Михайлову и мне подготовить в районе Севрюково и Ястребово опытное минное поле с такими фугасами и показать их действие командирам полков.

Минно-огневой фугас представляет из себя обыкновенный деревянный ящик из-под стеклянных бутылок с 20-ю ячейками. 19 ячеек заполняются бутылками с зажигательной смесью, а в среднюю ячейку закладывается толовая шашка с взрывателем. Ящик закапывается в землю и накрывается деревянной крышкой, маскируемой облегченной засыпкой земли или дерном. Под малейшим давлением на крышку закопанного ящика взрыватель срабатывает и все 19 бутылок с зажигательной смесью выбрасываются в виде сплошного пламени на высоту до 10—12 метров.

Минно-огневые фугасы были нами установлены на основных и отсечных позициях в районе Старого Города, разъезда Крейда, у села Беловская, а также вблизи села Батрацкая Дача. Они сочетались с обычными противотанковыми и противопехотными минными полями. Успех применения новинки был колоссальный. В течение почти двух суток противник обходил этот участок обороны, потеряв при этом несколько десятков танков.

Так выполняла свои боевые задачи по обеспечению боевых действий химическая служба дивизии.

**ИЗ ОБРАЩЕНИЯ
ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА,
СОВНАРКОМА И ЦК КП(б) КАЗАХСТАНА
К ФРОНТОВИКАМ-КАЗАХСТАНЦАМ —
УЧАСТНИКАМ ВЕЛИКОЙ БИТВЫ НА ВОЛГЕ**

9 октября 1942 г.¹

Дорогие воины, сыны казахского народа, доблестные защитники Сталинграда! Вы вместе с другими воинами Красной Армии грудью своей защищаете родной советский город — Сталинград!

К вам прикованы мысли и чувства советского народа, к вам обращены взоры всего свободолюбивого человечества! К вам обращаются трудящиеся Казахстана в грозные дни, когда озверелые орды немецко-фашистских разбойников, не считаясь ни с какими потерями, хотят отрезать юг нашей страны от центра и севера, отрезать страну от главных источников нефти, захватить экономически и стратегически важные районы Советского государства. Через горы трупов своих солдат и офицеров враги рвутся в Сталинград. Они угрожают перерезать волжский путь, выйти к Каспийскому морю. Враг хочет схватить за горло нашу страну, сделать из нее колонию, поработить советский народ, уничтожить его свободу и культуру. Не бывать этому!..

Сталинград — это ключ к востоку. Воин-казах под Сталинградом — равно как воин русский, украинец, белорус, узбек, таджик, туркмен, азербайджанец, грузин — обороняет свой очаг, свою семью, свою родную советскую землю. Он не допустит, чтобы его мать, его отец, его жена, его дети стали рабами немецких баронов.

Плох тот казах, кто всей силой души и крови не любит Родины своей. Плох тот казах, кто пьется перед фашистскими танками, рвущимися к Сталинграду. Плох тот казах, кто не жаждет пролить немецкой, фашистской крови на донских полях под Сталинградом. Плох тот казах, кто думает, что Сталинград — лишь один из русских городов на берегу Волги. Нет! Сталинград — это сжатая в стальной кулак рука советского народа, которая бьет и перемалывает фашистские дивизии.

Казах-воин! Знай, что отступить дальше некуда, что непосредственно за линией фронта лежат районы, потеря которых поставит в особенно тяжелое положение Советское государство. Горе тем, кто в этот исторический час не находит в себе мужество смело смотреть в глаза опасности, кто в подлом

¹ Дата опубликования в газ. «Казахстанская правда».

ПИСЬМО КОМАНДОВАНИЯ 38-й СТРЕЛКОВОЙ ДИВИЗИИ ТРУДЯЩИМСЯ КАЗАХСТАНА

4 ноября 1942 г.

С волнением прочли бойцы и командиры послание казахского народа¹. Ваши слова любви и привета, обращенные к нам, защитникам славного города Сталинграда, глубоко запали в сердце каждого воина, они придали нам еще больше сил, повысили нашу энергию. В этом письме каждый из нас прочел наказ отца, матери, жены, сестры биться до последнего, но отстоять Сталинград.

Дорогие земляки! Уезжая на фронт, мы поклялись вам драться с врагом так же, как наши братья гвардейцы-панфиловцы, в горячих схватках с врагом не щадить ни крови своей, ни самой жизни. В тяжелых и многодневных боях мы ни на минуту не забывали о своем долге, о чести казахстанцев. Не раз на боевые порядки нашей части обрушивались многочисленные танки, самолеты и пехота противника, но наши бойцы и командиры нашли в себе силу и мужество, громили немецких захватчиков, смело шли в атаки, истребляя ненавистную немчуру. Каждый из нас знает, что, защищая Сталинград, он защищает родной Казахстан.

Тяжелые дни переживает наша Родина. Идет упорная, жестокая борьба. Нам выпала великая честь выполнить приказ всего советского народа — отстоять город Сталинград. Наши бойцы говорят себе — будем стоять насмерть, но не пропустим врага, выполним свой долг перед Родиной. «Если хочешь жить, убей фашиста», — говорит наша страна. Человеческие выродки, гитлеровцы, хотят задушить наш народ. Не выйдет! Каждый боец сейчас живет только одной мыслью — как можно больше истребить этих зверей. Ведь чем меньше останется этой погани, тем ближе наша победа.

Среди наших бойцов и командиров развернулось боевое соревнование по уничтожению врага. За несколько дней наша часть истребила 1047 немецких солдат и офицеров, десятки боевых машин и техники противника. Ни днем ни ночью мы не даем ему покоя.

Наша часть гордится своими героями, верными сынами

¹ Речь идет об обращении Президиума Верховного Совета, Совнаркома и ЦК КП(б) Казахстана к фронтовикам-казахстанцам — защитникам Сталинграда, опубликованном в газете «Казахстанская правда», 1942, 9 октября. См. настоящий сб., с. 82—83.

Казахстана, бесстрашно бьющимися с врагом: алмаатинцем наводчиком, награжденным орденом Красного Знамени, т. Панковым, уничтожившим 12 немецких гаиков, бывшим сайрамским колхозником, дважды удостоенным правительственной награды Абдибаем Курмантаевым¹, истребившим свыше 30 немцев, и другими.

Правительство высоко оценило подвиги сынов Казахстана. Свыше 100 наших бойцов и командиров награждены орденами и медалями.

Победа не придет сама. Ее нужно завоевать величайшим напряжением воли, энергии, потом и кровью. Нас радуют успехи наших земляков-казахстанцев, с каждым днем усиливающих помощь фронтовикам. Спасибо, товарищи, за ваш труд. Еще упорней работайте на заводах и полях, давайте фронту больше металла, свинца, угля. Мы всегда будем помнить ваш наказ. Еще сильнее обрушим свои удары по врагу, превратим подступы к Сталинграду в могилу для немцев. Сталинград отстоим. Отстоим Волгу!

Да здравствует наша победа!
Смерть немецким оккупантам!

По поручению личного состава: *Сафиуллин, Молчанов, Большаков.*

«За нашу победу». Красноармейская газета.
Специальный выпуск для трудящихся Казахстана, 1942, 4 ноября.

**ПИСЬМО МЛАДШЕГО ЛЕЙТЕНАНТА
АБДИБАЯ КУРМАНТАЕВА СВОИМ
ЗЕМЛЯКАМ — КОЛХОЗНИКАМ
СЕЛЬХОЗАРТЕЛИ им. ВОРОШИЛОВА
САЙРАМСКОГО РАЙОНА
ЮЖНО-КАЗАХСТАНСКОЙ ОБЛАСТИ**

4 ноября 1942 г.

Дорогие товарищи! За дружеское теплое письмо спасибо. Извините, что так долго задержался с ответом. Вы спрашиваете, как мы воюем. Скажу одно: чести казахстанцев не посрамям, бьем врагов так, как били их под Москвой наши братья-панфиловцы.

¹ Курмантаев Абдибай — до войны колхозник колхоза им. Ворошилова Сайрамского района Южно-Казахстанской области, Погиб в боях за Сталинград.

В одном из боев на группу наших бойцов наступало до роты противника. Враг окружил нас со всех сторон. Но мы не дрогнули. Нашелся только один трус и предатель. С ним мы поступили так, как поступили с изменником 28 панфиловцев. Как ни стремились немцы, но так и не смогли сломить нашего упорства. В этом бою мы истребили до 150 гитлеровцев.

За боевые успехи я дважды удостоен правительственной награды. Не так давно мне присвоили звание младшего лейтенанта.

Защищая подступы к Сталинграду и Волге, наши бойцы ежедневно уничтожают проклятых фрицев. Лично я сам истребил свыше 30 гитлеровских бандитов.

Сталинград — это ворота к Казахстану. Умрем, но врагу город не отдадим.

Младший лейтенант Абдубай Курмантаев.

«За нашу победу». Красноармейская газета.
Специальный выпуск для трудящихся Казахстана, 1942, 4 ноября.

ПИСЬМО ВОИНОВ-КАЗАХОВ, ЗАЩИЩАВШИХ СТАЛИНГРАД, ДЖАМБУЛУ¹

20 ноября 1942 г.

Казахский народ вместе с русским народом выступил на защиту Сталинграда. Защищая этот город, мы защищаем Алма-Ату, честь и совесть казахского народа, своих детей, свои семьи. Ни один казах не может забыть, какую помощь оказали его родному народу русские. Благодаря братской помощи русского народа Казахстан превратился в цветущую республику высокой культуры. Как дороги нам горы Алатау, бескрайние степи Казахстана, так дороги и Волга, донские и украинские степи. Перед нами лежит одна дорога — вперед, на врага! Поэтому мы вместе с сынами других братских народов поднялись в поход против заклятых фашистских извергов.

Батыром казахского народа показал себя бронейщик Ешмаханов. Он уничтожил два немецких танка. Отважно сражаются бойцы отделения Арыса Оразова. В одном из боев сам командир сжег один танк, вслед за ним бойцы отделения уничтожили еще шесть бронированных чудовищ. Красноармеец Ербатыров в схватке с гитлеровцами сперва взорвал танк, а затем меткой стрельбой из винтовки отправил на тот свет пять

¹ Перевод с казахского.

вражеских автоматчиков. Алимбаев попал в окружение группы немецких автоматчиков. Но он не растерялся, смело принял бой. Уничтожив 10 гитлеровцев, мужественный красноармеец прорвал кольцо окружения и вышел к своим.

Обращаясь к вам, даем обещание, что, не жалея сил и энергии, не щадя своих жизней, усилим удары по врагу, в битве за Сталинград защитим честь и свободу казахского народа.

Письмо подписали несколько сот воинов-казахов.

«Социалистик Казахстан», 1942, 20 ноября.

**ИЗ ПИСЬМА ФРОНТОВИКА Г. РАХИМОВА¹
ПРЕДСЕДАТЕЛЮ МЕСТКОМА НАРКОМАТА
КОММУНАЛЬНОГО ХОЗЯЙСТВА
РЕСПУБЛИКИ**

11 января 1943 г.

Добрый день, Александра Ивановна!

Пишу Вам как председателю местного комитета. Получил от Вас одно письмо. Это было очень давно. Прошу извинения, что так долго не отвечал. Сегодня на нашем фронте особенно радостный день. Успешно выполняем приказ Военного совета фронта. Успехи громадные.

Вы, наверное, с нетерпением ждете радостного известия о ликвидации окруженных войск, полном освобождении из кровавых рук подлого врага родного героического города Сталинграда. Сегодня настал час окончательного разгрома и уничтожения немецкой группировки под Сталинградом. Командование немецких войск не приняло благоразумного решения прекратить бессмысленное сопротивление. Эти бандиты не захотели сложить оружие. А когда враг не сдается, его уничтожают. Таков приказ Родины. Сегодня мы их грозные судьи, и приговор наш должен быть суров и беспощаден. В наших рядах нет ни одного малодушного, и ни на минуту Красная Армия не забудет о своем воинском долге, о Родине.

В 8.00 был дан первый залп десятками артиллерийских батарей по головам фашистов. Бойцы пошли в бой с высоким наступательным порывом. Все горят одним желанием — бить врага.

Хотя немцы упорно сопротивляются, но им не удержаться на нашей земле. Сегодня шли десятками свежие захваченные пленные. Вид у них жуткий. Все изнуренные, худые, одеты

¹ Погиб, защищая Родину.

кто в чем, обмотанные тряпками, в пилотках. Видимо, не так-то легко им воевать на 150 граммах хлеба. В карманах у них находили овес, ячмень — чем они питались...

Прошу передать от меня всему коллективу Наркомата мой сердечный привет. Пишите.

Г. Рахимов

ЦГА КазССР, ф. 1660, оп. 1, д. 10, л. 36.
Заверенная копия.

**ИЗ ПИСЬМА КОМАНДОВАНИЯ ДИВИЗИИ
ЦК КП(б) КАЗАХСТАНА,
ПРЕЗИДИУМУ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА
И СОВНАРКОМУ КАЗАХСКОЙ ССР
О БОВЕВЫХ УСПЕХАХ В БИТВЕ НА ВОЛГЕ**

6 марта 1943 г.

Разрешите поделиться с вами большой радостью. Нашему соединению, сформированному и посланному на фронт трудящимися Казахстана, присвоено высокое звание гвардии. Честь называться гвардейцами мы завоевали в суровых боях, упорством лучших воинов Казахстана, в битве с врагом не щадивших ни крови своей, ни самой жизни.

Обороняя подступы к городу Сталинграду, выполняя наказ земляков, мы напрягали все силы, всю свою волю и в грозный для Родины час отстояли важнейшие рубежи, а затем по мудрому, глубоко продуманному стратегическому плану высшего командования Красной Армии перешли в наступление на врага. Наше соединение одним из первых прорвало оборонительную линию немцев и с боями вошло в Сталинград, очистив от фашистской нечисти один из крупнейших районов города. Бойцы, командиры и политработники — верные сыны казахского и других народов Советского Союза — с честью пронесли свои знамена, увенчав их новой славой.

На днях из г. Алма-Аты возвратилась наша делегация, посланная в Казахстан для отчета трудящимся республики. Наши посланцы рассказали о той большой героической работе, о том самоотверженном труде, которыми полны будни наших дорогих земляков — казахстанцев. Мы радуемся вашим успехам, гордимся своими земляками, вашим стахановским трудом, тем, что Казахстан все больше и больше увеличивает помощь фронту и неустанно кует оружие победы!

Примите нашу искреннюю благодарность за внимание, оказанное нашей делегации, за присланные ценные подарки.

Клянемся вам своей гвардейской честью, что мы и впредь будем умножать славу своих знамен и никогда не посрадим высоко-го воинского звания гвардейцев-казахстанцев.

Понесем свое победное гвардейское знамя вперед на запад и в новых сражениях окончательно разобьем и уничтожим немецких захватчиков.

Да здравствуют героические труженики тыла, колхозники, колхозницы, рабочие и работницы, интеллигенция Казахстана!

По поручению личного состава гвардейского соединения:

командир соединения гвардии генерал-майор
Сафиуллин
заместитель командира по политчасти гвар-
дии подполковник *Молчанов*
начальник политотдела соединения гвардии
майор *Большаков*
начальник штаба соединения гвардии подпол-
ковник *Овсянников*

Сб. «Казахстан в период Великой Отечест-
венной войны Советского Союза», т. I.
с. 538—539.

СТИХИ И ПЕСНИ ВОИНОВ ДИВИЗИИ О СТАЛИНГРАДСКОЙ БИТВЕ

Н. В. РАКОВ

ВПЕРЕД, БОЕВАЯ 38-я!

В час суровой боевой тревоги
Мы покинули родимый кров,
Волей нашего советского народа
Приказала партия разбить врагов.

Припев:

Винтовкой, снарядом,
Штыком и прикладом
Гони и бей фашистский черный сброд
Вперед, боевая 38-я!
За Родину любимую вперед!

Не сломил враг нашей твердой воли
Боевых полков-богатырей.
Будем биться до последней капли крови,
Отомстим за смерть товарищей-друзей.

Припев

Наступил желанный час расплаты:
Не ушла живой орда от нас,
Сафиуллинские храбрые солдаты
С честью выполнили Родины наказ.

Припев

Где с тобой мы, генерал, ходили,
Побеждал отважный наш отряд.
В Воропонове знамена водрузили
и пришли с победой в Сталинград.

Припев

БАТЫР РАБАЕВ

Один герой, оставшийся от взвода,
Держал в руках горячий автомат.
Смерть — в двух шагах. Патроны на исходе.
Не падал духом доблестный солдат.
С восточной яростью приклад сжимая,—
Крепка от злости, словно сталь, рука,—
Казаха сын, джигит — батыр Рабаев,
Свинцом хлестал без усталости врага.
Их много, трупов, на поле чернело,—
В горячей битве некогда считать.
Смолк автомат... Фашисты осмелели —
Решили смельчака в полон забрать.
Он вспомнил жизнь. Забилося сладко сердце.
Минута показалась словно год.
Жизнь хороша... Но жить рабом у немца?
Нет! Лучше смерть!— решил так патриот.
Рабаев встал и бросился с прикладом:
— Умри, джигит, ты прежде, а не я!
Удар по черепу прикончил гада.
Вздохнула легче русская земля.
Не уронил Рабаев честь гвардейца,
Сраженный пал, но биться не устал.
И мертвый был он грозен немцам:
В руках остывший автомат держал.
Когда родная мать получит орден,—
Утрата сына очень тяжела,—
Утрет слезу, народу скажет гордо:
— Не труса — я батыра родила.

НАША ГВАРДЕЙСКАЯ

Эх, грянем дружно, братцы,
Про нашу, сталинградцы,
Что сами мы сложили

В походе и в бою —
Про гвардию родную,
Часть нашу дорогую,
Которую мы любим,
Как Родину свою.

Мы помним, как бывало,
Костры жгли на привалах,
Как месть нас поднимала
На ратные дела.
Где надо устояли,
И снова наступали.
Гвардейцами недаром
Страна нас назвала.

Прострелянные клены,
Багряные знамена
Под Белгородом старым
Шумели на ветру.
Там Бельгина солдаты
На «тигров» шли с гранатой,
С пути сметая нечисть,
Пробилися к Днепру.

Среди огня и стали
Мы сердцем возмужали,
Под ветром ураганным
Полк за полком шагал.
От боя и до боя
Росла семья героев,
Богатырей-гвардейцев
Вел Козак-генерал.

Одной мы думой жили
И дружбой дорожили.
Дорогами крутыми
Вели к Победе нас
Гвардейские знамена,
Что мы несли достойно
И выполнили с честью
Родины наказ.

П. П. ДЕРЕВЯНКО

ПЕРЕД БОЕМ

Любовь моя!.. Ты знаешь — на рассвете,
Под всплески орудийного огня,
Войны нагрянувший жестокий ветер
Угнал от отчих берегов меня.
Теперь — пишу у Волги строки эти,
А штыковая схватка — через час.
И кажется, что не было на свете
Ни тишины, ни встреч, ни милых глаз.
Вот-вот рванется пламя из тумана,—
Но не упустят руки пулемет.
И может быть, твоя любовь, Светлана,
Меня от пули все же сбережет.
Сейчас в дыму, в крови лицо России,
Но вольной будет отчая земля.
И не осколки, а дожди косые
Падут на онемелые поля,
А если не вернусь я из сраженья —
Печаль развей: в беде ты не одна.
Я буду жить в колосьях, в птичьем пенье,
В сиреновой метели у окна.

Сентябрь, 1942, окраина Сталинграда.

СЕДОЙ МАЛЬЧИК

Ночь-цыганку рвали взрывы алые.
Пулемет от нас строчил вдали.
Отогнав фашистов, мы, усталые,
В блиндаже у Волги прилегли.
Хоть не ели сутки, и не хочется.
Мучает лишь жажда закурить.
Косы черных, длинных туч волочатся,
Будто захотели фронт закрыть.
Вдруг из ночи грозно: «Стой!»— доносится.
Лязгает затвором часовой.
А печально детский голос просится:
— Дядя, не стреляйте, я же свой!
Мысль была, как токами задетая,
Мутный свет от площадки задрожал.
Грязного, в тряпье, полураздетого
Завели в землянку малыша.
А ему вплелись седины в волосы.
И, убрав слезу печали с глаз,
Он простуженным, дрожащим голосом
Начал потрясающий рассказ.
Как родных сгубили возле хаты,
Как среди расстрелянных лежал,
Как под ливнем пуль из автомата
Он в метель из ада убежал.
Месть сердца нам жгла до иступления.
В ночь ушли мы на смертельный бой...
До Победы с нами в наступление
Шел, как призрак, тот малыш седой.

Сентябрь, 1942, окраина Сталинграда.

III

НА КУРСКОЙ
ОГНЕННОЙ
ДУГЕ

В. И. ДАВИДЕНКО,

Герой Советского Союза,
генерал-лейтенант в отставке

ПОД БЕЛГОРОДОМ В СОРОК ТРЕТЬЕМ...

Курская битва занимает особое место в истории Великой Отечественной войны: в ней Советские Вооруженные Силы добились коренного перелома в ходе войны. Планируя после сокрушительного поражения под Сталинградом летнюю кампанию 1943 года, фашистская верхушка преследовала далеко идущие цели — встречными ударами мощных группировок из районов Орла и Белгорода в общем направлении на Курск окружить и уничтожить войска Центрального и Воронежского фронтов и изменить ход войны в свою пользу.

Советская Армия располагала к этому времени такими силами, что могла первой начать наступление. Однако было решено преднамеренно перейти к обороне и обескровить вражескую группировку, а затем завершить ее разгром контрнаступлением. Последующий ход событий полностью подтвердил правильность такого решения.

Наша 73-я гвардейская Сталинградская стрелковая дивизия вновь оказалась участницей жестокого сражения на советско-германском фронте. В марте, по прибытии под Белгород, дивизия сменила части 69-й армии и заняла оборону по восточному берегу Северского Донца на участке Старый Город, Михайловка, разъезд Крейда, примыкая правым флангом

к 6-й гвардейской армии. Слева находилась 78-я гвардейская стрелковая дивизия. Боевой порядок строился в два эшелона: в первом занимали оборону 209-й и 211-й гвардейские полки, а 214-й находился во втором. Каждый полк также занимал оборону в два эшелона — до 4 километров по фронту и до 3—3,5 километра в глубину.

В короткие сроки была создана глубокоэшелонированная оборона, хорошо оборудованная в инженерном отношении. Она строилась прежде всего как противотанковая и потому состояла из противотанковых опорных пунктов и районов, которые создавались по всей глубине. Перед передним краем были установлены сплошные противотанковые и противопехотные минные поля, кое-где открыты и противотанковые рвы.

Основной инженерного оборудования обороны в полках являлись траншеи — по две-три на каждой позиции — и дзоты для станковых, ручных пулеметов и ПТР. Густая сеть траншей и ходов сообщения между ними позволяла в ходе боя широко маневрировать живой силой и огневыми средствами, а также укрывать личный состав от массированных огневых налетов вражеской артиллерии и авиации.

Одновременно с подготовкой обороны поредевшие в сталинградских боях части доукомплектовывались личным составом, вооружением и боевой техникой до полных штатных норм, обучали пополнение тактике, передавали опыт использования оружия и техники. Особое внимание уделялось морально-психологической закалке молодых воинов.

Незадолго до начала исторического сражения, в июне месяце, дивизия была выведена во второй эшелон 25-го гвардейского стрелкового корпуса, передав полосу обороны 81-й гвардейской дивизии. Заняв новую полосу обороны на рубеже Мясоево, Батрацкая Дача, Кореньская Дача, Пенцево, Никольское, солдаты с прежней настойчивостью стали превращать и этот рубеж в неприступную для врага крепость.

Наряду с организационной работой по подготовке оборонительного рубежа проводилась большая партийно-политическая работа, направленная на выработку у личного состава, особенно у молодых солдат, высоких морально-психологических качеств, прежде всего стойкости и мужества в борьбе с танками противника. По указанию начальника политотдела полковника П. С. Молчанова дивизионная газета «За нашу победу» в июне месяце выпустила листовку об уязвимых местах «тигра». В ней была дана полная характеристика новому фашистскому танку и показаны все те места, которые могут быть поражены не только артиллерией, но и противотанковыми ружьями, а также

противотанковой гранатой. Благодаря листовке и беседам по ее содержанию, проведенным взводными агитаторами, коммунистами и комсомольцами во всех отделениях и расчетах, весь личный состав уже через 10—15 дней хорошо знал слабые места фашистского зверя.

Отличившихся в боях под Сталинградом принимали в партию и в комсомол. Комсомольский билет в те дни был вручен, в частности, защитнику Сталинграда и будущему герою боев под Белгородом Сергею Зорину. По рекомендации политотдела дивизии во всех подразделениях, кроме партийных и комсомольских собраний, были проведены общие солдатские собрания. Их девизом стал лозунг «Остановим фашистскую броню!». Организационные и партийно-политические мероприятия, проведенные накануне Курской битвы, были действительны и сыграли поистине мобилизующую роль.

3 июля нас предупредили о возможном переходе немецко-фашистских войск в наступление 5 или 6 июля и о необходимости поддержания полной готовности к ведению боевых действий. По указанию политического отдела дивизии 4 июля были проведены митинги, на которых личный состав дал клятву умножить славу сталинградцев и отстоять занимаемый рубеж. Решение было единодушным: «Ни шагу назад! Смерть немецким оккупантам!».

Дальнейшие события развивались стремительно. В 3 часа утра 5 июля разразилась мощная артиллерийская канонада. Как потом мы узнали, это была контрподготовка нашей артиллерии и авиации. В ходе ее изготовившиеся к наступлению фашистские войска понесли немалые потери в живой силе, технике и средствах управления, что вынудило немецкое командование перенести наступление на 3 часа позже назначенного срока.

После мощной артиллерийской подготовки и массированных ударов авиации в атаку перешли дивизии немецкого 3-го армейского корпуса. Главный удар они наносили в полосе 78-й гвардейской стрелковой дивизии. В первой половине дня командованию 7-й гвардейской армии стало ясно, что, несмотря на огромные потери, противник стремится во что бы то ни стало прорвать оборону и развить наступление в направлении города Короча. Около полудня трем вражеским дивизиям, в том числе одной танковой, удалось овладеть селами Разумное, Нижний Ольшанец и юго-западной окраиной Крутого Лога. В этой обстановке командующий армией генерал-лейтенант М. С. Шумилов принял решение ввести в сражение нашу дивизию и приказал сосредоточить ее части на рубеже совхоз Батрацкая Дача, сарай в 2 километрах южнее совхоза, высота

209,6, МТС, хутор Гремячий и быть в готовности к нанесению контрудара в направлении Крутой Лог, разъезд Разумное.

К 19 часам приказ о сосредоточении был выполнен. Но тремя часами раньше враг овладел Крутым Логом, 25 его танков с десантом продвигались к высоте 164,7. Полковник Козак бросает против них 209-й стрелковый полк с танками и самоходными орудиями. Подбили 4 танка, а остальные машины с пехотой врага отступили.

Изменившаяся обстановка заставила отказаться от первоначального замысла (от контрудара) и подготовиться к отражению новых атак неприятеля. Таким образом, нашим частям предстояло обороняться в промежутке между первой и второй оборонительными полосами, на необорудованной в инженерном отношении местности. Для подготовки обороны оставалось 6—7 часов короткой ночи, но личный состав за это короткое время сумел отрыть одиночные, а кое-где и на отделение окопы. Были устроены также площадки для орудий и минометов. Но были слабые звенья в нашей обороне: полностью отсутствовали противотанковые минные поля перед передним краем. Между тем высланные в ночь на 6 июля разведывательные подразделения дивизии и полков доложили о дополнительно переправленном через Северский Донец большом количестве вражеских танков. Наши предположения о том, что придется бороться с танками, подтверждались полностью.

С первыми лучами солнца, около 4 часов утра, 6 июля по обороне 209-го и 214-го полков гитлеровцы обрушили шквал артиллерийско-минометного огня и ударов авиации, продолжавшийся около двух часов. После этого ринулись в атаку танки, бронетранспортеры и пехота. Завязался ожесточенный бой. Обладая значительным превосходством в технике и артиллерии, гитлеровцы рассчитывали таранным ударом стремительно прорваться в глубь нашей обороны.

Но фашистское командование просчиталось. Оно нащупало слабость инженерного оборудования нашей обороны, но не учло главного, что оборону здесь держали гвардейцы-сталинградцы, моральный дух которых, любовь и преданность Родине и ратное мастерство сильнее его бронированной группировки. Следовавшие одна за другой атаки отражались стойкостью и мужеством артиллеристов, самоходчиков, пэтэровцев и стрелков, не раз вступавших в схватки с бронированными чудовищами с противотанковой гранатой или бутылкой с горючей смесью в руке.

Лишь к исходу дня свыше ста танков, наступавших на узком участке между Генераловкой и Крутым Логом, прорвались

через боевые порядки 209-го полка к совхозу Батрацкая Дача. Однако вражеская пехота, понеся большие потери, так и не смогла прорвать нашу оборону. Попытки гитлеровцев в последующие дни развить успех у Батрацкой Дачи кончились провалом.

Воины 211-го полка гвардии майора П. Н. Петрова, как и их товарищи из других частей дивизии, а также артиллерийских частей усиления, стояли насмерть. К нашему общему огорчению, этот молодой и талантливый офицер был тяжело ранен. Павла Николаевича Петрова мы хорошо знали по сталинградским боям, которые он начинал начальником штаба полка, старшим лейтенантом. Он проявил себя смелым, инициативным офицером и не случайно в тех тяжелых боях в свои 24 года стал командиром полка.

Наш 214-й полк с приданным армейским истребительно-противотанковым артполком без двух батарей (командир полка подполковник Н. Шубин) во взаимодействии с 1438-м самоходно-артиллерийским полком 122-мм пушек и при поддержке 2-го дивизиона 153-го артиллерийского полка нашей дивизии, заняв вечером 5 июля оборону на 3-километровом участке от северной окраины Крутого Лога на юго-восток, имел боевой порядок в один эшелон. Справа — 1-й, в центре — 3-й, а на левом фланге — 2-й батальоны. В резерве, за 3-м стрелковым батальоном заняла рубеж рота автоматчиков.

Вечером и ночью политработники во главе с замполитом части гвардии майором Я. Городиловым и офицеры штаба во главе с начальником штаба гвардии майором Н. Яценко довели задачи до личного состава, проверили ход работ по оборудованию участка обороны, помогли командирам батальонов и рот создать систему огня.

В 4 часа утра 6 июля, с наступлением рассвета, командиры батальонов доложили о большом скоплении танков противника. Принимаю решение: вместе с начальником штаба, начальниками связи и артиллерии выйти на передний край и убедиться в достоверности докладов. Прибыли на временный НП в 300 метрах от переднего края. Перед нами, на удалении примерно 2,5 километра на возвышенной юго-западной окраине Крутого Лога, появился целый «бронированный город». Насчитали более 120 танков и штурмовых орудий, и видно было, что подходили все новые и новые группы машин.

Пренебрегая элементарной маскировкой, гитлеровцы перед боем толпятся за своими порциями шнапса и пищи из котлов. Даю команду артиллеристам накрыть цель и одновременно докладываю командиру дивизии гвардии полковнику С. А. Ко-

заку об обстановке и принятом решении. Он одобряет и еще раз требует не пропустить вражеские танки.

Первые же разрывы снарядов и мин ложатся точно в цель, нанося противнику потери в технике и живой силе. Фашисты в панике заметались и начали разбегаться по машинам.

Примерно через 30—35 минут враг открыл артиллерийско-минометный огонь. В течение 25—30 минут наносила удары и авиация. Обработывали они позиции нашего и 209-го полка. Потом вся лавина танков и пехота двинулась в атаку. Главный удар пришелся по 3-му и 1-му батальонам, которыми командовали капитаны Андрей Антонович Бельгин и Валентин Иванович Разгильдеев.

Дружным артиллерийско-минометным и пулеметным огнем удалось отсечь пехоту от танков и заставить залечь ее в 300—350 метрах перед нашими позициями, а прорвавшегося через передний край лидера атаки, хваленого «тигра», башня которого была обернута фашистским флагом, наши самоходчики подожгли первым же выстрелом в упор по левому борту. Вслед за головной запылали еще две машины.

Часть вражеских танков, пройдя передний край, без поддержки своей пехоты продолжала медленно продвигаться вперед. Прямые попадания 45-миллиметровых снарядов не достигали цели — лобовую броню «тигров» и «пантер» они не пробивали. Тогда орудия прямой наводкой стали бить только по бортам и гусеницам, и это приносило успех. В бой с прорывавшимися танками вступили пэтэровцы, бойцы с противотанковыми гранатами и бутылками с горючей смесью. Первый танк поджигает командир отделения ПТР гвардии сержант Мингисум Абдулин. Не отстал от товарища и украинец ефрейтор Георгий Иванович Ганжа. Меняя позиции, он трижды бил по борту вражеского «тигра», пока тот не запылал. Главное политическое управление Советской Армии позже выпустило о Ганже специальный плакат «Укротитель «тигров».

Оставшись без пехоты и неся потери, танки и штурмовые орудия противника где-то около 10 часов утра вынуждены были отойти. Через некоторое время на позиции батальонов вновь обрушивается град снарядов, мин и бомб, под прикрытием которых следуют цепи танков с пехотой. Однако пехота вновь отсечена от машин. Эта и все последующие атаки тоже захлебываются. Прорвать нашу оборону гитлеровцам не удастся.

Прошу у командира дивизии помощи артиллерийским огнем. В ответ слышу спокойный, но твердый голос: «А чем я тебе помогу? Думаешь, у Слатова (командира 209-го полка) легче? Отражай атаки своими силами и средствами, которых у

тебя достаточно. Больше нагрузи артиллеристов, хотя мы и так знаем, что они хорошо дерутся».

В 11 часов утра, после перегруппировки, гитлеровцы бросили в атаку уже 120 танков. Из них не менее 80 ворвались в боевые порядки 1-го и 3-го батальонов и 6-й роты 2-го батальона и начали «утюжить» окопы, одновременно поливая их горячей жидкостью, тащившейся за танками на специально изготовленных металлических волокушах.

Когда один из «тигров» вышел на окоп командира 8-й роты гвардии капитана Ивана Васильевича Ильясова, мужественный офицер и в этой обстановке, по телефону, продолжал управлять боем. Открыв люк танка, фашист предложил ему сдаться. Но командир ответил: «Попробуй возьми,— ты видел кузькину мать?» Тогда танк развернулся на окопе. Последними словами офицера, услышанными командирами взводов, были: «Товарищи! Бейтесь мужественно, до последнего. Я погибаю, но остаюсь верен Родине и партии. Пусть считают меня коммунистом».

За смерть своего командира воины роты уничтожили 4 танка и свыше 300 гитлеровцев.

Вражеские машины шесть раз принимались «утюжить» окопы 9-й роты. Но она не отступила. Под руководством своего командира гвардии лейтенанта Ивана Александровича Колбасова и находившегося здесь же секретаря комсомольской организации 3-го батальона гвардии лейтенанта Андрея Штепа воины уничтожили 5 танков и свыше сотни солдат и офицеров неприятеля.

К 12 часам дня перед позициями батальонов остались подбитыми и сожженными 19 танков. Остальные машины, проникшие до километра в глубь обороны, попали под меткие выстрелы самоходчиков и, понеся потери, поспешно отошли.

Оправившись от очередной неудачи, гитлеровцы вновь обрушивали огонь артиллерии, минометов и удары авиации, повторяя атаки крупными силами. Но, как и прежде, неся потери в технике и живой силе, вынуждены были откатываться назад.

К 14 часам перед передним краем и на боевых порядках батальонов стояли сожженными и подбитыми уже 39 танков и штурмовых орудий, нашли свой конец сотни солдат и офицеров противника. И мы немало потеряли боевых друзей. Примерно к 17 часам бой стал затихать и атаки прекратились. Гитлеровцы так и не смогли достичь даже незначительного тактического успеха. За день напряженного боя воины полка, приданные и поддерживающие части и подразделения отразили 11 вражеских атак и удержали занятый рубеж.

Главную роль в одержанной победе сыграл массовый героизм и стойкость как стрелков полка, так и славных артиллеристов 2-го дивизиона 153-го арtpолка гвардии капитана Николая Ивановича Левченко, а также артиллеристов армейских истребительно-противотанкового и самоходного артиллерийских полков. Они, как и пехотинцы, стойко удерживали свои позиции и метко разили неприятеля.

О героизме наших гвардейцев можно привести немало примеров. Когда в первой половине дня был ранен командир 3-го батальона гвардии капитан Бельгин, оказать ему помощь вызвалась санинструктор Тая Смирнова. Она знала, что вокруг КП батальона — вражеские танки. Но, ни секунды не колеблясь, пробралась между ними под разрывами снарядов и пулеметными очередями. При этом и сама получила ранение. Раненый комбат еще несколько часов руководил боем. Когда к его окопу подошел фашистский танк, Андрей Бельгин, собрав остатки сил, бросил противотанковую гранату и подорвал его. В этом поединке комбат и сам погиб.

Рядовой Семен Полухин, ведя огонь из пулемета, искусно менял позиции и, маневрируя огнем, не допускал пехоту противника к переднему краю. За день боя он уничтожил 40 гитлеровцев. Рядовой М. Абдулин, первым подбивший танк из ПТР, в ходе боя уничтожил еще два. Будучи раненым, отважный бронбойщик остался в строю и из автомата уничтожил 20 фашистов. В конце дня вражеский снайпер сразил героя.

Не легко пришлось и связистам во главе с капитаном Саркисом Агабековичем Мусаэляном. Ведь телефонная связь была основным средством управления боем, а она непрерывно нарушалась, ее надо было восстанавливать в любой обстановке. Гвардии сержант Сергей Петрович Зорин, находившийся со своим телефонным аппаратом на НП командира 3-го батальона, в течение дня двенадцать раз восстанавливал связь батальона с командиром полка. При этом ему четырежды пришлось искать порывы линии, ползая между немецкими танками. Выполняя в очередной раз такую работу, он неожиданно увидел, что прямо на него движется вражеский танк. Мужественный воин вступил с ним в единоборство. Прыгнув в рядом находящийся окоп с погибшим бойцом и подобрав противотанковую гранату, Зорин подорвал танк, а потом выполнил и свою личную задачу.

Во второй половине дня экипаж прорвавшегося в глубь обороны фашистского танка заметил группу раненых бойцов, собравшихся в лошине у роши севернее Крутого Лога. Гитлеровцы решили раздавить гусеницами беспомощных людей. Увидев-

ший это парторг 3-го батальона гвардии лейтенант Виктор Лукич Сушков с противотанковой гранатой бросился под танк и подорвал его. Ценою собственной жизни он спас товарищей от неминуемой гибели. В. Л. Сушков посмертно награжден орденом Ленина.

Свой рассказ я хочу закончить словами из 7-го тома «Истории второй мировой войны 1939—1945 гг.» (М., Воениздат, 1976, с. 150): «Беспримерный подвиг совершили бойцы и командиры 214-го полка 73-й гвардейской стрелковой дивизии. Они мужественно отразили наступление 120 танков, в том числе 35 «тигров», действовавших совместно с автоматчиками. В двенадцатичасовом бою патриоты уничтожили 39 танков и до тысячи гитлеровцев. Особенно отличились в бою воины 3-го батальона. Из 450 солдат и офицеров в строю осталось только 150 человек, но танки не прошли.

За этот бой весь личный состав батальона был награжден орденами и медалями, а капитаны А. А. Бельгин, И. В. Ильясов и сержант С. П. Зорин удостоены звания Героя Советского Союза».

И. Н. ЗАЙЦЕВ,

Герой Советского Союза,
генерал-лейтенант в отставке,
начальник штаба 209-го гвардейского
Абганеровского полка

НА НЕГО МЫ РАВНЯЛИСЬ

Значительный вклад в победу над врагом внес наш бывший комдив генерал-лейтенант Козак Семен Антонович — дважды Герой Советского Союза и Народный герой Югославии.

Рассказ о нем я пишу на основании подлинных документов, хранящихся в Центральном архиве Министерства обороны СССР без каких-либо принципиальных дополнений. Мне посчастливилось служить под началом С. А. Козака и пройти путь с дивизией от Сталинграда до конца войны — для нас она закончилась в середине мая в Австрии. Это сделано сознательно, с целью избежать субъективизма. Верно осветить незаурядный талант комдива помогут и выводы тех лиц, которые по своему положению имели право их делать.

Семен Антонович Козак родился 10 мая 1902 года в селе Искорость Коростеньского района Житомирской области в бедной крестьянской украинской семье. Его родители, по происхождению из крепостных, до 1917 года занимались земледелием.

Нелегкими были детские и юношеские годы Семена Антоновича. В 1916 году ему удалось окончить 2-классную сельскую школу, и он начал трудовую жизнь разнорабочим на станции Коростень. В 1920 году он вступает в комсомол. С мая по

август 1922 года сражается против контрреволюционной банды Герася и Дитковского в составе отдельной роты ЧОН. В период затишья между боями, с октября 1922 по октябрь 1923 года, Семен Антонович оканчивает Житомирскую губернскую совпартшколу, после чего до марта 1924 года находится на партийной и советской работе на станциях Олевск, Бараша Коростеньского округа.

В марте он был призван в Красную Армию и направлен для прохождения службы в гаубичный дивизион 23-й стрелковой дивизии в город Чугуев на должность красноармейца-политрука. Со свойственным ему упорством Семен Антонович продолжает (забегая вперед, подчеркну — до последнего дня своей жизни) учиться военному делу, искусству работать с людьми и управлять войсками.

В течение сентября 1932 года — марта 1933 года он, будучи назначенным на должность помощника командира танкового батальона 51-й стрелковой дивизии, осваивает новую специальность танкиста. Отсюда переводится на преподавательскую работу в Ленинградское танко-техническое училище.

Семен Антонович понимает: для того, чтобы стать настоящим военачальником, необходимо получить высшее военное образование. В 1937 году он поступает на заочный факультет в Военную академию имени М. В. Фрунзе. После двух лет напряженной учебы его как преуспевающего и имеющего большие педагогические способности и опыт практической работы переводят на основной факультет и назначают на должность преподавателя кафедры автомобильных и бронетанковых войск. Сочетая учебу и преподавание, Семен Антонович в сентябре-октябре 1939 года участвовал в освобождении народов Западной Украины и Западной Белоруссии.

Чтобы представить себе более полно деятельность Семена Антоновича и его личные качества, обратимся к выпискам из некоторых аттестаций, написанных его непосредственными начальниками:

1926—1928 года — по должности политрука школы арт-полка:

Воля, энергия, решительность есть. Инициативу имеет. Сообразителен. В обращении вежлив, заботлив. Дисциплинирован. Вынослив. Отношение к работе добросовестное. Морально выдержан.

1929—1931 годы — по должности командира батареи арт-полка:

Силой воли обладает. Энергичен. Тактичен. Дисциплинирован. К работе относится добросовестно. В тактической обста-

новке разбирается. Общественной жизнью интересуется и принимает в ней активное участие. Должности командира батареи соответствует. Подлежит продвижению по службе вне очереди.

1933 год — слушатель Автобронетанковых курсов усовершенствования комсостава.

Дисциплинированный, волевой командир, Инициативен. Сообразителен. Авторитетен. Тактически подготовлен отлично. Курс типовых машин усвоил хорошо. Теоретически подготовлен хорошо. Социально-экономический курс усвоил отлично.

1934—1936 годы — по должности руководителя тактики:

Силой воли обладает. Инициатива и сообразительность достаточны. Настойчив и требователен. Методические навыки достаточные, занятия проводит хорошо. Интересуется военной литературой и много работает над собой. Дисциплинирован. Тактичен.

Должности вполне соответствует. Достоин выдвижения на должность командира батальона в школах.

1938—1940 годы — преподаватель Военной академии имени М. В. Фрунзе:

Растущий молодой преподаватель, много работающий над собой. Хороший методист. В работе чувствуется система, которую с упорством и методичностью внедряет слушателям. Пользуется заслуженным авторитетом среди слушателей. Имеет спокойный, выдержанный характер. В обращении с окружающими тактичен. Обладает твердой волей. Требователен к себе и подчиненным. Хорошо подготовлен по технике и огневому делу. Незаурядный пропагандист. Бдительный коммунист — большевик и преданный борец за дело Ленина.

С наибольшей силой способности Семена Антоновича Козака проявились в ходе Великой Отечественной войны 1941—1945 годов.

С августа 1941 года по октябрь 1942 года он возглавляет инспекторскую группу Главного управления формирований Красной Армии. Под его руководством группа сформировала, подготовила и отправила на фронт 13 дивизий и бригад. Осенью 1941 года при формировании Тульской стрелковой дивизии участвовал в организации обороны города-героя Тулы.

С октября 1942 года и до конца 1943 года — участник Сталинградской битвы в должностях: заместитель начальника штаба 64-й армии, начальника штаба 7-го стрелкового корпуса, командира 36-й гвардейской стрелковой дивизии. «За период боев под Сталинградом, временно командуя 36-й гвардейской стрелковой дивизией, разгромил численно превосходящего противника, захватил много пленных и большие трофеи. Направ-

ленный на укрепление и сколачивание штаба 7-го стрелкового корпуса, с поставленной задачей справился хорошо. Тактически подготовленный, растущий командир. Умеет организовать и обеспечить управление войсками.

Делу партии Ленина и Социалистической Родине предан. Командующий войсками 7-й гвардейской армии гвардии генерал-лейтенант М. С. Шумилов, Член Военного совета гвардии генерал-майор З. Т. Сердюк».

В апреле 1943 года полковник С. А. Козак назначается командиром 73-й гвардейской стрелковой дивизии, которую возглавляет до 14 марта 1945 года. Под его командованием личный состав соединения активно участвовал в разгроме немецко-фашистских войск на Курской дуге, в освобождении Белгорода и Харькова, в битве за Днепр и Днестр, в Ясско-Кишиневской операции, освобождении народов ряда стран восточной Европы и, наконец, в заключительных сражениях на южном крыле советско-германского фронта: в битве за Дунай, в Балатонской оборонительной операции. Всюду дивизия С. А. Козака приумножала славу гвардейцев-сталинградцев, получила новое почетное наименование — «Дунайской» и высокую награду орден Красного Знамени, а все ее полки были удостоены ордена Богдана Хмельницкого II степени.

Боевые заслуги дивизии с апреля 1943 года до марта 1945 года неразрывно связаны с незаурядными способностями С. А. Козака. Кроме множества теплых слов однополчан, которые найдет в этой книге читатель, мы хотели бы обратить внимание на оценки Семена Антоновича Козака как командира, данные его непосредственными и старшими начальниками.

В аттестации, утвержденной командующим Степным фронтом генералом армии И. С. Коневым после Курской битвы, сказано: «Хорошо подготовленный, растущий командир. Умеет организовать и обеспечить управление войсками в сложных условиях боя. В бою показал себя смелым и энергичным офицером.

В период наступления немцев под Белгородом, умело маневрируя резервом и противотанковыми средствами, удержал рубеж обороны на Северском Донце.

В период боев по прорыву обороны противника с 11. 7. 43 г. тов. Козак С. А. правильно организовал бой дивизии и форсирование р. Северский Донец, первым прорвал оборону. В дальнейшем организовал преследование противника, умело взаимодействуя с соседями и организуя маневр пехоты и огня артиллерии, к 14 августа 1943 г. вывел дивизию на ближайшие подступы к г. Харьков.

За все время боев дивизия нанесла противнику огромный урон в живой силе и технике, захватив много пленных, орудий, танков, большое количество боеприпасов и много другой военной техники и имущества.

Тов. Козак С. А., как командир, настойчив и решителен в своих действиях, требователен к себе и подчиненным.

Боевые действия частей дивизии характеризуются упорством и настойчивостью в осуществлении поставленных задач, что является итогом кропотливой работы тов. Козака».

Неотступно, днем и ночью преследуя противника, дивизия 24 сентября подошла к Днепру. По смелому решению, принятому С. А. Козаком, она, не имея табельных переправочных средств, с ходу в трудных условиях под пулеметно-артиллерийским огнем противника в ночь на 25 сентября в числе первых форсировала Днепр в районе Старый Орлик. Захватив плацдарм, дивизия в многодневных тяжелых боях во взаимодействии с другими соединениями армии удержала и расширила его. Противник пытался сбить ее части с правого берега реки, но благодаря умелому руководству боем и личному примеру комдива, находившегося все время на плацдарме, все контратаки были отбиты. С. А. Козак в этих боях был сильно контужен, но не ушел с наблюдательного пункта и продолжал руководить боем. Так написал по горячему следу в очередной боевой характеристике командир 25-го гвардейского стрелкового корпуса генерал-майор Г. Б. Сафиуллин.

Более 1000 солдат и офицеров дивизии за эти бои были награждены орденами и медалями, а 20 гвардейцам, в том числе и Семену Антоновичу Козаку, присвоено звание Героя Советского Союза.

Ему, кроме того, было присвоено воинское звание генерал-майор.

Впоследствии дивизия участвовала в разгроме противника на юге Правобережной Украины, форсировала реки Ингул, Южный Буг и Днестр. После Яско-Кишиневской операции дивизия принимает участие в освобождении Румынии, Болгарии, 20 октября 1944 года после преодоления Балкан вместе с танковыми частями Советской Армии и дивизиями Народно-освободительной армии Югославии соединение освобождает столицу Югославии Белград. За успешное решение боевых задач на этом этапе С. А. Козак был награжден орденом Суворова II степени, а югославское правительство присвоило ему звание Народного героя Югославии.

В ноябре 1944 года 73-я гвардейская форсировала Дунай на территории Югославии в районе села Батино и удерживала

плацдарм, с которого в последующем развернулось наступление наших войск к южному берегу озера Балатон (Венгрия). За эти бои дивизия получила наименование «Дунайская», а С. А. Козак был награжден второй медалью «Золотая Звезда» и ему было присвоено звание генерал-лейтенанта.

В период Балатонской операции в середине марта 1945 года С. А. Козак назначается командиром 21-го гвардейского стрелкового корпуса, который участвовал в боях за города Секешфехервар, Кишберг, Вена и другие. За успешное проведение этих боев корпус получил наименование «Венский».

Закончилась Великая Отечественная война. Генерал-лейтенант С. А. Козак продолжал службу. Он щедро передавал опыт и знания новым поколениям защитников Родины, не щадил своих сил и здоровья в деле укрепления обороноспособности страны. Он успешно служил, занимал командные должности в Одесском военном округе. Маршал Советского Союза Г. К. Жуков, оценивая его деятельность в этот период, писал: «Тов. Козак имеет хорошую оперативно-тактическую подготовку в масштабе соединения — армия. Имеет ученую степень «Ассистент». Над собой работает много. Хороший методист. Хорошо может учить и воспитывать офицеров, войска и штабы. Лично дисциплинирован. Культурный, инициативный и требовательный генерал».

С июля 1950 года Семен Антонович был помощником командующего войсками Дальневосточного военного округа. И на этом посту высоко оценена его работа: «Должности помощника командующего войсками военного округа соответствует. Заслуживает выдвижения на должность командующего армией. Маршал Советского Союза Г. К. Жуков». В должности командующего армией 25 декабря 1953 года и перестало биться его сердце. Ушел из жизни один из выдающихся советских генералов, дважды Герой Советского Союза, Народный герой Югославии, кавалер ордена Ленина, трех орденов Красного Знамени, орденов Суворова, Кутузова, Богдана Хмельницкого II степени и многих медалей.

Семен Антонович, кроме чисто служебной, выполнял большую общественную работу. С 1947 года он являлся депутатом Верховного Совета Молдавской ССР, а с 1950 года — депутатом Верховного Совета СССР. Он был хорошим семьянином. Вместе со своей женой Марией Михайловной воспитал двух сыновей.

Таким он остался в памяти всех его сослуживцев и друзей. Его жизнь и подвиги достойны подражания,

Д. С. ШИРКОВ,

командир пулеметной роты
2-го стрелкового батальона 209-го гвардейско-
го Абганеровского полка

БЕРЕМ ИНИЦИАТИВУ НА СЕБЯ

5 июля 1943 года наш 2-й батальон 209-го гвардейского стрелкового Абганеровского полка, в котором мне довелось командовать пулеметной ротой, располагался во второй оборонительной линии в районе села Мясоедово. В ночь на 6-е мы были подняты по тревоге и броском выдвинуты на 6—7 километров вперед в район маленького селения Генераловка.

Командир батальона майор В. Я. Минин расположил подразделения так: справа от берега заболоченной речки Разуменки — 4-я стрелковая рота лейтенанта Братковского, усиленная взводом пулеметной роты, слева — 5-я стрелковая рота лейтенанта Лопатина, тоже со взводом пулеметной роты. Соседом батальона слева был 3-й батальон нашего полка. Стык с ним прикрывал 3-й пулеметный взвод. В 50 метрах сзади стрелковых рот стоял взвод 45-мм противотанковых орудий младшего лейтенанта М. И. Шарангия.

Роты расположились в полузасыпанных, поросших травой окопах старой отсечной позиции. Выдвинулись мы сюда лишь со своими штатными средствами вооружения, поэтому подумали, что готовимся к наступлению, и окапываться не очень-то старались. Это оказалось большой ошибкой.

Еще затемно по поручению комбата в 5-ю роту пришел

комсорг батальона лейтенант Левченко. Собрав часть бойцов и командиров, он рассказал о боевых действиях 5 июля частей, находящихся впереди, под Белгородом. Он обратил внимание на то, что скоро предстоит бой, а бойцы плохо окопались. Мы с лейтенантом Лопатиным тут же приступили к организации работ по углублению окопов, траншей и устройству огневых позиций для станковых пулеметов. За этой работой и застали нас восход солнца, а затем и боевые действия.

Рано утром 6 июля появился самолет-разведчик «рама». И тут же начались артиллерийско-минометные огневые налеты по нашим окопам. Огонь противника усилился, появились «юнкерсы». Первый бомбовый удар пришелся по высоте, где располагался КП, затем по всему расположению батальона.

От разрыва бомб и снарядов содрогалась земля. Все утонуло в едком тошнотворном дыму.

«Рама» пролетала вдоль фронта расположения полка, но казалось, что она зависла над нами. Бойцы вели огонь по воздушному разведчику из ПТР и ручных пулеметов. Очередное звено «юнкерсов» пикировало уже не так низко, и бомбы реже попадали в цель. Зная, что вслед за этой обработкой непременно пойдут танки, а с ними и пехота противника, я решил укрыть пулеметы от губительного огня и подал команду: «Снять пулеметы с бруствера и укрыть в траншеях».

В напряжении мы ожидали появления танков. Гранаты, бутылки с горючей смесью были сосредоточены в первых окопах. Артиллеристы, не успев окопаться, тоже спешно готовились к стрельбе. Левее нашего полка, у Крутого Лога, уже шел тяжелый бой. Через некоторое время волна разрывов снова прокатилась по нашим окопам.

День 6 июля был солнечным и жарким. Что он был для нас жарким, это действительно так, а вот солнце не часто пробивалось к нам через облака дыма и пыли.

Потери были большие: раненых оказалось много, санитары едва успевали перевязывать их тут же, в окопах. Я находился у пулеметного расчета сержанта Косинова, когда туда по траншее добрался раненый пулеметчик из 2-го взвода, которого послал взводный, узнать, где находится медпункт. Где медпункт, я не знал и немедленно послал связного на командный пункт батальона с заданием попросить противотанковых гранат и бутылку с горючей смесью и узнать, где медицинский пункт батальона. Но связной скоро вернулся, и с плохими вестями. На КП находятся только два радиста полка. Они пытаются исправить пробитую рацию. От них узнал, что майор В. Я. Минин часа два назад ранен и отправлен в тыл, а старший адью-

тант погиб при бомбежке. Заместитель комбата был послан еще Мининим на КП полка, чтобы доложить обстановку и до сих пор не вернулся. Военфельдшер был при раненом комбате, но где он сейчас и где медпункт, радисты не знали.

Итак, ни с батальоном; ни с полком связи нет. В этой обстановке, взяв на себя обязанности командира батальона, я приказал раненым, которые могли ходить, самостоятельно добираться до села Мясоедово.

А бой продолжался. Осколки мин и снарядов часто били по брустверу, засыпая землей укрывшихся в окопах людей. Отсвистят осколки — все поднимаются и вновь берутся за оружие.

В огневой налет снова включились фашистские пикировщики, бросая противопехотные бомбы. Прямыми попаданиями в траншею были разбиты два станковых пулемета, пострадали и их расчеты. Прямо на нас и соседний 3-й батальон двигалось около ста танков, образуя большой клин. В первом ряду шли «тигры», а затем средние танки, за ними «фердинанды» и бронетранспортеры.

Соображать надо было быстро и решать безошибочно. Танки все не уничтожишь, но за ними идут бронетранспортеры с пехотой. Как их отсечь? Решаю выставить два пулемета и вести огонь по бронетранспортерам бронебойно-зажигательными пулями.

Расчеты ПТР тоже начали стрелять по врагу. Один пулемет несколькими длинными очередями израсходовал всю ленту и все-таки зажег бронетранспортер. Но тут же появились две цепи автоматчиков. По траншее покатились команда: «Отсечь, задержать пехоту противника!»

Одна мысль с самого начала сверлила мозг — надо стоять. Стоять во что бы то ни стало. Не страшно, что часть танков прорвется. Пусть, без пехоты далеко не уйдут.

Понимая сложившуюся обстановку, раненые — все, кто мог — взялись за оружие и приготовились стрелять по пехоте наверняка, в упор. Беспokoило одно — устоят ли люди перед такой танковой армадой? Вижу, никакой суеты и паники нет. Это успокаивало и подавало надежду, что устоят.

Рядом за спиной выстрелила «сорокапятка» и затихла. Перекатился через бруствер и мигом оказался у орудий: «Почему замолчали?» Командир взвода Шарангия отвечает: «Не берет снаряд». «Как не берет? А ну, заряжай бронебойным!» Зарядили оба орудия. К панораме левой пушки прильнул сам Шарангия. Появился головной танк. Выстрел. Снаряд, сверкнув на лобовой броне, пошел вверх, Шарангия только сказал:

«Видел?» Я и рта не успел открыть, как рядом сильно рвануло. Танк, по которому мы открыли огонь, заметил «сорокапятку», остановился и расстрелял ее вместе с расчетом.

В следующий момент меня кто-то резко дернул за руку и прижал к земле. Разорвавшийся очередной снаряд вывел из строя последнюю пушку.

Стреляя на ходу, танки приближались к траншее. Глаза невольно задерживаются на самом близком из них. Тут я понял, что не напрасно нас, матушку-пехоту, «обкатывали» танками, чтобы мы знали, что это за зверь и как с ним бороться. Посмотрел на соседей — оба прижались к брустверу окопа и зорко следили за надвигающейся громадой. Никто не проявлял слабости.

Танк медленно приближался. Вот пулеметчик приподнялся, широко размахнулся и бросил гранату. Почти одновременно разорвались граната на танке и снаряд, выпущенный им по нашему окопу. И в траншею медленно опустилось безжизненное тело второго номера пулеметного расчета. Первый номер, бросивший гранату, прыгнул ко мне. В это время совсем рядом показались лязгающие гусеницы. С ревом наехав на площадку, где был наш пулемет, танк развернулся и двинулся на нас.

Под его весом слабый грунт траншеи рассыпался и заваливал все, что находилось на ее дне. Нервы пулеметчика не выдержали. Он выскочил из укрытия и попытался отбежать в сторону, но тут же был срезан очередью вражеского пулемета.

Я остался один. Танк пытался «достать» меня. Но из-за близости расстояния пулеметные очереди пронесились над головой. Я вспомнил об отводе к одиночному окопу. Нырнул туда, вижу солдата, упершегося головой в стену окопа. Кричу: «Гранату! Дай гранату!» Но он остался неподвижен. И тут я увидел в нише две бутылки с «КС» и противотанковую гранату.

Я схватил бутылку: танк стал клониться на бок и медленно валиться в траншею. Я бросил в него бутылку, по броне пробежал огонь. Но мне этого показалось мало. Бросил и вторую. Только теперь стальная махина будто захлебнулась, гусеница перестала грести землю. Вдруг открывается верхний люк и оттуда показался фриц. Я машинально метнул в него гранату, и она точно попала в цель. А дальше... полный провал памяти.

Сколько прошло времени — не знаю, но первое, что ощутил: меня кто-то тормозит. Мне все казалось необычным: ни грома, ни лязга гусениц, только свистящий, режущий левое ухо звон. Пытаюсь разглядеть, кто и куда меня тащит, но ничего не вижу. Дотянувшись рукой до глаз, протер и, как через марлю,

увидел рядом бойца. Я попытался помочь ему, но он никак не давал мне подняться хотя бы на четвереньки и упорно прижимал к земле. Наконец, мы оба свалились в окоп. Здесь неподалеку длинными очередями работал «максим». За пулеметом — лейтенант, командир 2-го взвода. Это по его команде меня доставили сюда.

Постепенно вернулись силы. Первое, что увидел — танки фашистов, пройдя наши изуродованные окопы, поднимались на возвышение в лесу. А там их встретили огнем артиллеристы и самоходчики. На нас же продолжали насаждать автоматчики. Под прикрытием дыма горящих танков они пытались добратся до траншеи. Более сотни их трупов валялось перед пулеметом лейтенанта. Отлично работал и пулемет гвардии сержанта Косинова. Находясь слева, он вел кинжальный огонь по цепи фашистских автоматчиков. Здесь же неподалеку строчили еще три станковых, несколько ручных пулеметов, стреляли винтовки и автоматы. Их плотный огонь в который уже раз заставил фашистов прижаться к земле.

При отражении очередной атаки замолчал пулемет, действовавший в центре наших позиций, и фашистская пехота ворвалась в расположение 4-й стрелковой роты. С бойцом, доставившим меня сюда, мы короткими перебежками добрались до замолчавшего станкача. Пулеметчик был убит. Сбросив щит, мы отсоединили тело пулемета от поврежденной станины и перебрались на другое, более удобное место, положили на бруствер окопа и продолжали стрелять, меняя место. Так нами был организован «кочующий пулемёт». Выпустим пару длинных очередей по скоплению фрицев — и на новое место, метров на 20—30 в сторону. Видя нашу поддержку, стрелки 4-й роты с криком «ура!» бросились врукопашную и вышибли фашистских автоматчиков из окопов.

В этой схватке погиб командир роты лейтенант Бартковский. Схваченный гитлеровскими автоматчиками, он бросил себе под ноги противотанковую гранату.

Сколько вражеских атак отбили — не помню. В 4 часа дня я осмотрел поле боя. Начиная от речки Разуменки, в расположении 2-го и перед половиной участка 3-го батальона было уничтожено 11 танков, сотни неприятельских солдат и офицеров.

С наступлением темноты к речке Разуменке стали собираться остатки батальона. Зная, что мы теперь в окружении, решили выходить по берегу. «Прошли-то только танки, а танкам у речки делать нечего», — подумал я.

По заболоченной речке мимо селения Беловское мы пробрались к своим.

Разыскали хоззвод, поужинали, обсушились и все уснули. Утром, собрав всех оставшихся воинов (примерно 30 человек), повел их на КП полка в село Никольское. Построил перед штабом и жду выхода командира полка. Вышел незнакомый мне майор. Говорит: «Докладывайте». Я отвечаю: «Нам, товарищ майор, нужен командир полка». — «Я, — говорит, — командир полка». — «Нам нужен командир 209-го». «Я — Сабельников, назначен командиром 209-го полка, а Слатов убыл к месту новой службы».

Я доложил, как положено, и вижу, он направляется ко мне. Подошел майор, обнял, расцеловал меня, затем каждого из присутствующих. У меня выступили слезы на глазах. Он заметил и говорит:

— Знаю, знаю. Сам видел, молодцом стояли и за это вам всем большое спасибо!

Вскоре я был назначен заместителем командира 2-го батальона по строевой части. А за тот бой получил орден Красной Звезды.

М. И. ОРКИН,

сотрудник дивизионной газеты
«За нашу победу»

НАША ЗИНА

Они уходили на фронт, юные, красивые; уходили добровольцами, чтобы быть в одном строю со своими отцами и братьями. Они покидали родительский кров, любимых и близких.

В эту суровую пору ушла на фронт и девушка из поселка Черкасское, что на Саратовщине,— Зина Маресева. Она училась в Вольском медицинском училище, где приобрела профессиональные знания. Простилась с друзьями недолгих студенческих лет и ушла в суровое, новое, неизведанное — на войну.

А пока мирно стучат колеса поезда, монотонно отсчитывающего километры, Зина думает о том, как сложится ее судьба, хватит ли у нее сил приобщиться к великому подвигу народа.

По железнодорожным магистралям проносятся встречные воинские эшелоны. Короткие остановки у безымянных разъездов, затемненные станции, воздушные тревоги... Все ближе и ближе дыхание фронта. После многодневного пути — пункт назначения: южная часть Сталинграда, поселок Бекетовка.

— ...Маресева Зинаида Ивановна! — Она подходит к столу, заметно волнуясь.

— Направляетесь в 343-й стрелковый полк. Успеха вам и удачи!

Зину зачисляют санинструктором санвзвода 1-го батальона.

Первые испытания, первая проба сил... Зина побывала на Сталинградском и Воронежском фронтах в дни жарких сражений, познала все невзгоды и опасности фронтовой жизни.

Многим спасла она жизнь. Ее видели на самых опасных участках выносящей раненых, когда приветливой улыбкой и добрым словом ободряла бойцов, оказывая им первую медицинскую помощь.

Зима 1942 года была особенно суровой. Стояли жестокие морозы, в степи обжигающий ветер. В телогрейке, стеганых брюках и самых маленьких, какие только нашлись у начальника вещевого службы полка лейтенанта П. М. Портянко валенках, но все равно больших для нее, с санитарной сумкой через плечо, небольшая, но крепкая Зина то и дело появлялась в траншеях, землянках и блиндажах батальона.

Полк, как и всю дивизию, во второй половине декабря 1942 года спешно перебросили в район станции Абганерово против войск генерала Манштейна, пытавшихся прорваться в окруженный Сталинград. После отражения вражеских атак подошло время решительно рассечь и уничтожить окруженную группировку противника.

10 января 1943 года мощными залпами артиллерии и прославленных «катюш» началось грандиозное наступление наших войск. Успех прорыва переднего края обороны немцев по высотам на реке Червленная и балке Песчаная 1-му батальону капитана А. Шевченко дался нелегкой ценой. Много наших воинов погибло, было ранено в этом бою.

Ползком, под пулеметным и минометным обстрелом Зина вместе с санитарями рот пробиралась по полю боя, вынося на себе раненых и обмороженных бойцов с оружием. Оказав первую помощь, перевязав раны, отправляла пострадавших на полковой медпункт.

В период боев по прорыву и рассечению окруженной немецкой группировки и позже в боях под станциями Воропоново, Садовая, на реке Царичанке и в районе железнодорожного вокзала Сталинград-пассажирский она оказала помощь 27 тяжелораненым воинам, спасла им жизнь.

Разгромлена гитлеровская группировка, пленены остатки фашистских войск. В разрушенном и сожженном городе воцарилась необычайная тишина.

Прошло несколько дней. На площади Павших борцов у вокзала раздались громкие звуки духовых оркестров. Затем начался митинг победителей, отстоявших твердыню на Волге. Гордая и счастливая, не веря, что последний, почти месяц длившийся, непрерывный бой уже позади, что она осталась жива и

сумсла внести свой вклад в дело разгрома врага, со слезами на глазах стояла Зина в поредевшем строю своего батальона, а потом старательно шла в парадном марше мимо трибуны.

Приказом по 343-му стрелковому полку от 8 февраля 1943 года № 13/н санинструктор З. И. Маресева была награждена первой боевой наградой — медалью «За боевые заслуги», которую в тот же день вручил ей командир полка капитан В. И. Давиденко.

Суровые испытания войны не ожесточили ее, не меркла ее девичья краса, приветливо глядели лучистые глаза, ладно сидела на ней воинская форма, из-под шапки выбивалась волнистая прядь волос. С санитарной сумкой через плечо она поспевала всюду, и солдаты, провожая ее взглядом, говорили, как о родной: «Наша Зина».

Бывало, просили ее бойцы: «Спой нам, сестричка, складно это у тебя получается, за душу берет...» И она пела. Песни Зина любила сызмальства. И здесь, на войне, с песней ей легче было переносить невзгоды фронтовой жизни. Да и людям этим, которые лежат забинтованные и ждут эвакуации в тыл, песня облегчает боль, напоминает прошлое, уют семейных очагов.

И в землянке, и в укрытии часто звучал звонкий девичий голос: «На позицию девушка провожала бойца...». В короткие часы фронтового затишья Зина делилась со своими подругами мечтами о будущем: «Вот кончится война, обязательно пойду в медицинский, буду учиться на врача. Здесь, на войне, особенно чувствуешь, как мы нужны людям».

Сколько в ней было душевной чуткости и отзывчивости!

«Жалостливая ты, дочка, сердце у тебя доброе,— говорил пожилой боец, в то время как Зина быстрыми и ловкими движениями перевязывала ему раненую ногу.— А вот в бою ты смелая, без страха нашего брата выносишь под пулями, даже мой автомат прихватила. Значит, еще повоюю. Солдатская хватка у тебя, а ведь годков-то немного...» Зина улыбнулась. Озорно сверкнули глаза.

«Я и есть солдат, батя, разве, что в атаку не хожу». Эти слова ей придется вспомнить позднее, когда боевой порыв и комсомольская доблесть позвали ее на подвиг...

1 августа 1943 года 214-й полк получил приказ форсировать реку Северский Донец южнее Белгорода. Гитлеровцы занимали выгодные высоты, с которых простреливалась местность перед фронтом полка и переправа. В этой сложной обстановке санинструктор 1-го стрелкового батальона старший сержант Зинаида Маресева находилась на переднем крае и оказывала

необходимую помощь пострадавшим, выносила их с поля боя в укрытия и траншеи.

К исходу 2 августа противник предпринял против воинов батальона восьмую за день контратаку. Гитлеровцы вели ожесточенный огонь из всех видов оружия, угрожая зайти с фланга. Группа бойцов под натиском превосходящих вражеских сил начала отходить к реке. Зинаида Маресева увидела это и бросилась наперерез отступающим. Над полем раздался ее звонкий, срывающийся от волнения голос: «Вперед, за мной!».

Боевой порыв девушки увлек воинов. Вслед за нею они устремились навстречу врагу. Ведя на ходу огонь из автоматов и пустив в ход ручные гранаты, группа вернула утраченный рубеж. Неприятель отступил, оставив на поле боя свыше 150 раненых и убитых, 8 станковых пулеметов, 2 миномета, 20 гранатометов. А Зина вернулась к своим прямым обязанностям. За те два дня девушка вынесла с поля боя 64 раненых.

...Надвигалась ночь. Огненные сполохи орудийных залпов, тревожный свет ракет. Бойцы, смертельно уставшие от непрерывных контратак противника, в тяжелом забытии смыкали ненадолго глаза. Но Зина не спала. Вместе с санитаром Бузыккановым она переправляла раненых через Северский Донец. Враг держал под обстрелом и сам мостик, и подходы к нему. Рвались мины, проносились огненные трассы автоматных очередей, а Зина и Бузыкканов продолжали переносить пострадавших с одного берега на другой. А когда обстрел пешеходного мостика становился непреодолимым, тяжелораненых переправляла на лодках. Зина, бережно поддерживая их, ласково повторяла: «Потерпи, миленький, все будет хорошо. Вот поправишься и снова вернешься к нам. А там и до победы недалеко...»

Как ей было знать, что до победы еще оставалось два долгих года войны и что ей самой не дано дожить до нее.

За две ночи Зина со своим помощником эвакуировала в тыл 58 раненых. А с ранней утренней зарей — вновь на передний край, куда ее зовет долг.

Как прекрасны летние утренние зори, когда алеет край неба на востоке и скоро должно взойти солнце! Кажется, что перед тобой открыты светлые дали, в которых ждет счастье, любовь. Но в сжигающем пламени войны до них можно было дойти только через тысячи и тысячи испытаний.

Ночь на 3 августа. Третьи сутки не стихают бои. Раненых прибывает все больше и больше... Звездным пологом раскинулась ночь над рекой, крупные августовские звезды отражаются в зыбкой волне Северского Донца. На лодке с ранеными —

Зина Маресева. Какой же это рейс за ночь? Пятый или шестой? Уже тянет предутренней прохладой. Девушка смотрит на затухающие перед рассветом звезды. Разрыв мины накрыл лодку, и Зина, вскрикнув, выпустила из рук голову бойца, которого она бережно поддерживала, и, теряя сознание, медленно опустилась на дно лодки.

Скольким людям она оказывала помощь! И вот теперь ее везут в село Пятницкое, где самое будут спасать люди в белых халатах. Но ранение оказалось смертельным, и ее жизнь медленно угасала.

Она похоронена в селе Пятницкое, на могиле ее установлен памятник. В праздничные дни пионеры школы, носящей имя Героя Советского Союза З. И. Маресевой, торжественным строем проходят по улице ее имени и становятся в почетный караул у могилы. К подножью памятника возлагаются живые цветы, иногда это скромные полевые ромашки, васильки, незабудки, собранные детьми на полях, над которыми некогда промчался огненный смерч войны.

А в далеком Черкасском на цементном заводе «Большевик» имя Зинаиды Маресевой навечно занесено в списки рабочих, оно присвоено лаборатории завода, где Зина трудилась до поступления на учебу. Вольское медицинское училище, откуда она ушла на фронт, носит сейчас ее славное имя, и жизнь, и подвиг отважной комсомолки для сменяющихся поколений стали символом великого служения Родине, самоотверженного выполнения воинского долга.

Каждый год уроки мужества в Черкасской школе посвящаются подвигу Героя Советского Союза З. И. Маресевой. Пионерские отряды носят ее имя. С первых дней, когда донеслась весть о гибели славной дочери Отчизны, пионеры местной школы взяли шефство над ее родителями.

Надолго запомнились ребятам рассказы ее матери, Анны Васильевны, о детстве и юности героини, в свои двадцать девичьих лет шагнувшей в бессмертие.

Л. А. ШАГИН,

дивизионный врач

**МЕДИЦИНСКАЯ СЛУЖБА
В СРАЖЕНИЯХ
ПОД БЕЛГОРОДОМ И НА ДНЕПРЕ**

Медицинскую службу нашей дивизии я возглавил 22 апреля 1943 года, имея к тому времени опыт врача парашютно-десантного батальона, командира санитарной роты и старшего врача стрелкового полка. Особенно памятным и поучительным было, конечно, участие в Сталинградской битве. Именно там я на себе испытал и сильные стороны, и недостатки руководства медицинской службой со стороны ее вышестоящих органов. Больше всего забот и затруднений доставляла организация вывоза раненых в госпитали, где они могли получить квалифицированную помощь. Частенько санитарной роте полка приходилось эвакуировать пострадавших не только в полковой медицинский пункт, но и в медсанбат дивизии и даже в армейские госпитали.

Став дивизионным врачом, я стремился организовать работу так, чтобы квалифицированная медицинская и хирургическая помощь больным оказывалась как можно быстрее: от этого зависела их жизнь и скорейшее возвращение в строй. Учитывая двухлетний опыт организации медицинской службы в годы войны, мы с одобрения командования дивизии создали в период подготовки обороны под Белгородом наряду с основным медицинским пунктом медсанбата запасной и расположили его в

15 километрах от переднего края, в районе дивизионного обменного пункта. Оценив значение запасного пункта, комдив С. А. Козак приказал все необходимые для этого строительные работы произвести в кратчайшие сроки. В июне запасной медпункт состоял из вкопанных шалашей на 600 мест и вкопанных площадок для развертывания палаток всех функциональных подразделений медсанбата. Оборудовали их и обеспечили всем необходимым по всем правилам санитарной тактики, с учетом противоифекционной и противохимической защиты.

5 июля — в первый день немецкого наступления под Белгородом — наш 78-й медсанбат, учитывая сложившуюся обстановку, в течение двух-трех часов передислоцировался на базу запасного. В это же время медсанбаты других соединений и хирургические подвижные госпитали (ХПГ) армии тоже снялись со своих мест, но их передислокация и развертывание значительно задержались. Поэтому основной поток раненых не только нашей, но и соседних дивизий 7-й армии пошел на наш медпункт, оказавшийся к тому же на основном пути подвоза и эвакуации.

Трудно себе представить нагрузку, которую испытал личный состав медико-санитарного батальона, руководимый гвардии капитаном медицинской службы Иваном Астаховым в первый, да и в последующие дни сражения. Шестисот мест, приготовленных для раненых в шалашах, оказалось недостаточно. Раненых стали размещать на прилегающих к шалашам и палаткам участках. Вскоре вся территория, примыкающая к медпункту, была занята пострадавшими.

Организация эвакуации раненых из частей и подразделений полностью поглотила меня. По-видимому, сказался и недостаток опыта. Короче, я упустил возможность своевременно установить связь с руководством санитарного отдела армии для оказания нам помощи в эвакуации раненых из медсанбата. Но начсанарм гвардии полковник медслужбы А. Григорьев — большой знаток санитарной тактики, был хорошо ориентирован в боевой и санитарно-тактической обстановке и уже к концу дня 6 июля вместе со своим заместителем, гвардии подполковником медслужбы М. Ф. Войтенко привел в наш медсанбат эвакуационную роту и отдельную роту медицинского усиления армии. Помощь, оказанная нам, была как никогда своевременной. Без нее мы бы не справились с потоком раненых.

Весь санитарный транспорт частей и медсанбата, а также роты подвоза дивизии полностью использовались для эвакуации раненых из частей и подразделений. Сутками, без сна и отдыха, работали водители. Вспоминается такой эпизод. Однажды врач

211-го стрелкового полка А. Э. Нусинов доложил мне о большом скоплении раненых у командного пункта одного из батальонов в районе Батрацкой Дачи. Густой лес и глубокая балка не позволяли подъехать к ним с тыла. Тогда с наступлением темноты водитель Николай Овчинников провел свою полуторку через боевые порядки батальона, мимо подбитых фашистских танков. Уже метрах в ста от КП батальона машина левым передним колесом угодила в окоп. На помощь пришли находившиеся на КП бойцы и офицеры — вытащили ее. Раненые были доставлены в медсанбат.

По приказу командующего любой транспорт, направлявшийся в тыл, должен был использоваться для эвакуации раненых. Нами устанавливались посты для перехвата и использования такого транспорта. Нередко это давалось с большим трудом: ведь каждый торопился выполнить свою задачу, тоже немаловажную.

Хорошо запомнился неприятный эпизод с задержанием автомашин у полкового медпункта 211-го полка, переполненного ранеными и непрерывно подвергавшегося бомбежке фашистскими стервятниками. В тыл за боеприпасами направляли ЗИС-5, во главе с каким-то старшим лейтенантом танковых войск. Мы с командиром санроты полка гвардии капитаном медслужбы А. Н. Кошаровским остановили их, потребовали взять раненых и отвезти в медсанбат. Старший лейтенант наотрез отказался выполнить наше требование. Пришлось прибегнуть к помощи автоматчика, чтобы привести к порядку недисциплинированного офицера. Поняв, что к чему, старший лейтенант выполнил приказ. Два ЗИСа с ранеными были отправлены в медсанбат.

Когда наши части перешли в контрнаступление и форсировали Северский Донец, у одного из полковых медпунктов были собраны старшие врачи полков дивизии. После постановки задачи я обратился с вопросом, кто из них согласен пойти со мной на медицинское обеспечение переправы? Без промедления вызвался старший врач 209-го полка Сергей, фамилии которого, к сожалению, не помню.

Передовые группы полковых медпунктов были расположены примерно в километре от места форсирования. Наш левый берег тянулся в низине и был виден гитлеровцам как на ладони. К тому же он находился под постоянным обстрелом не только артиллерии, но и пулеметов. По вырытой траншее мы с Сергеем добрались до берега и начали переносить раненых и оказывать им помощь, привлекая фельдшеров, санинструкторов и санитаров. Тяжело было идти с ранеными по узкой траншее,

но до наступления ночи приходилось мириться с этим. Были и у нас потери, но помощь раненым не прекращалась. На третий день после начала форсирования реки Сергей сам был ранен.

Хорошо помнятся тяжелые бои за Харьков, Бабаи, Мерифу. Преследуя фашистов, 24 сентября мы вышли к Днепру. Комдив собрал офицеров штаба и повез их к берегу.

Комдив еще до подхода к Днепру поставил задачу командирам частей: в эту же ночь форсировать реку и захватить плацдарм. Я собрал десять бойцов из числа пополнения, поступившего с освобожденной территории. Их еще даже не успели обмундировать. Выбрал умеющих плавать и управлять лодкой. Затем взял одного фельдшера и на полуторке поехал к Днепру. Собрали по берегу 11 рыбацких лодок. В небольшой ложбине развернули палатку — и начала действовать медицинская переправа. Она служила не только для перевозки раненых, но и для доставки боеприпасов на правый берег.

С первых дней боев за захват и расширение плацдарма санитарные роты полков развернули в Бородаевских хуторах полковые медпункты, а медсанбат — свою оперативную группу, в которой самоотверженно трудились под непрерывным артиллерийским обстрелом и бомбежками врачи Татьяна Прокофьевна Глушенкова и Павел Хрипунов, медсестры Вера Мансурова, Зоя Сустрина, Зина Аржанова, два санитары медсанбата и две санитарки, присланные из санитарной роты 214-го полка. Это приблизило нас к передовым позициям и ускорило оказание раненым квалифицированной хирургической помощи. А выигрыш времени даже в минутах помогал своевременно остановить кровотечения, предупредить инфекции и ускорял последующее лечение.

В боях на правобережном плацдарме Днепра проявил мужество и самоотверженность весь личный состав санитарных рот полков и оперативной группы медсанбата. Понесли потери и медики. В одну из бомбежек погибла санитарка 214-го полка Марина Гаранина. Недосчитались мы и многих других медиков. Особенно не везло нам со старшими врачами 209-го полка — под Белгородом был ранен Белов, в бою за Днепр — Прокофьев, на батинском плацдарме погиб Давид Рухлин, а в последний день войны тяжело ранен в голову Виктор Сухобский.

По оценке руководителей медицинской службы 7-й гвардейской и 57-й армий, медицинская служба нашей дивизии признавалась в числе лучших. Тысячи из числа раненых были возвращены в строй и продолжали борьбу с немецко-фашистскими захватчиками. Не удивительно, что многие медики на-

граждены орденами и медалями, а санинструктор 214-го полка старший сержант Зинаида Маресева посмертно удостоена звания Героя Советского Союза.

И теперь, спустя более 40 лет со дня Победы над фашистской Германией, многие из ветеранов-медиков продолжают трудиться на благо нашей Родины. Среди них бывший фельдшер батальона 211-го полка, а ныне доцент кафедры терапии Самаркандского мединститута Т. А. Арустамян, бывший фельдшер того же полка, а теперь врач-рентгенолог в Бухарской области С. Раджабаев, начальник штаба гражданской обороны Краснодарского облздравотдела П. М. Гордеев, бывший ведущий хирург медсанбата, а ныне хирург поликлиники в Одессе А. Б. Курцман и многие другие.

В. П. КАРАМЫШЕВ,

старший инструктор политотдела дивизии

БОЕВОЙ АВАНГАРД ДИВИЗИИ

Большую помощь в формировании нашей дивизии оказывали Центральный Комитет Коммунистической партии и правительство Казахстана, Алма-Атинский горком партии и горисполком. Каждый двенадцатый воин был коммунистом. Политаппарат соединения во главе с военкомом дивизии старшим батальонным комиссаром А. К. Урмановым и начальником политотдела батальонным комиссаром П. А. Носковым с первых дней развернул активную партийно-политическую работу. Она сочеталась с решением организационных вопросов и боевой подготовкой личного состава.

Командиры и политработники разъясняли освободительную миссию Советской Армии, повышали политические знания командиров и бойцов, воспитывали любовь к Родине. За короткий срок воины освоили оружие, тактику ведения боя.

Принимаем присягу. Этот торжественный и ответственный момент я хорошо помню. Воин, стоя на колене, целовал знамя и клялся быть всегда верным ленинской партии и любимой Родине, сражаться с фашистскими захватчиками, не жалея сил, крови, а если потребуется и самой жизни.

В начале мая 1942 года с прибытием под Харьков сотни бойцов и командиров подали заявления с просьбой о приеме в партию, с единым стремлением: «Хочу идти в бой коммунистом». Каждый из них прекрасно понимал, что партия никаких

льгот и прав ему не предоставляет, кроме одного — первым подняться в атаку, первым ринуться на врага.

На войне не всегда все идет по плану. После активного наступления дивизия вела тяжелые оборонительные бои с танковыми и моторизованными фашистскими войсками. Однажды, это было в районе Ровеньки, полковник Г. Б. Сафиуллин приказал мне возглавить батальон, занять оборону и задержать противника на один-два часа, чтобы дать возможность другим подразделениям и частям дивизии отойти на новые позиции. В батальоне оставалось 145 командиров и бойцов, 12 станковых пулеметов и десятков 50-миллиметровых минометов.

Оборону мы заняли на рассвете. Людей разместили группами по три-пять человек. Во главе каждой — коммунист. Установили телефонную связь. Гитлеровцы, полагая, что дивизия отошла, не ожидали сопротивления и без разведки двинулись вперед. Подпустив их поближе, мы открыли ураганный огонь. Фашисты отступили. Вскоре на нас пошли танки, а за ними — пехота. Мы пустили в ход ПТР (артиллерии у нас не было). Подбили два танка, а остальные, развернувшись, ушли. Остановили мы и пехоту, когда она снова атаковала нас. Но на поле боя полегло много и наших воинов. Вместе с ранеными осталось 30 бойцов и 4 командира.

Неравный бой длился более трех часов. Можно было отходить. Разобрали пулеметы и минометы, двинулись вслед за дивизией. Но присоединиться к ней смогли только в поселке Рынок, уже под Сталинградом.

30 июля дивизия заняла оборону в районе станции Абганерово. Здесь, а затем у станции Тингута и Тингутинского лесничества она вела тяжелые оборонительные бои с превосходящими силами противника. Особенно отличились коммунисты 343-го стрелкового полка. Однажды фашистские танки прорвались через передовые позиции к штабу части. Управление подразделениями нарушилось. В этой сложной обстановке молодые командиры коммунисты старший лейтенант Овчаренко, лейтенанты А. Г. Попов и А. И. Леонов взяли на себя командование отрезанными подразделениями. Я стал выполнять функции комиссара полка. Двое суток продолжался неравный бой. Отражали атаки. Все, кто мог держать оружие, дрались до последнего вздоха. Гитлеровцы отступили.

С августа до середины ноября 1942 года части нашего соединения вели тяжелые оборонительные бои на южных подступах к Сталинграду. Неоднократно переходили в контратаки, участвовали в совместных контрударах войск 64-й армии в районах Купоросное, Песчанка, Ивановка,

С. А. КОЗАК,
дважды
Герой Советского Союза,
командир дивизии

Г. Б. САФИУЛЛИН,
командир дивизии

Ф. М. АНДРЕЕВ

¹ Снимки Героев Советского Союза — авторов данной книги даны с их воспоминаниями

Герои Советского Союза 73-й гвардейской стрелковой дивизии

А. М. АНИЩЕНКО

М. БАЛМАГАМБЕТОВ

А. А. БЕЛЬГИН

И. И. БОЙКО

А. Г. ВОРОНОВ

Н. П. ДРАГУНОВ

Н. Е. ЕРЕЩЕНКО

Г. А. ЗАПОРОЖЧЕНКО

Герои Советского Союза 73-й гвардейской стрелковой дивизии

В. А. ЗАСЯДКО

С. П. ЗОРИН

И. В. ИЛЬЯСОВ

Г. Г. КОНЬКОВ

Герои Советского Союза 73-й гвардейской стрелковой дивизии

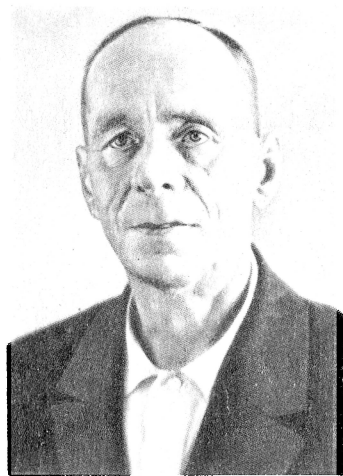
Я. С. КОТЕЛЬНИКОВ

Д. И. ЛЕВИЦКИЙ

В. С. ЛОЗОВ

С. А. ЛЫЧАКОВ

Герои Советского Союза 73-й гвардейской стрелковой дивизии

З. И. МАРСЕВА

Г. А. МИКАЕЛЯН

В. П. МУСИН

В. Н. НЕЧАЕВ

А. И. ОТСТАВНОВ

И. Ф. ПИГИН

А. Г. ПОПОВ

С. Ф. СЕВАСТ'ЯНОВ

Герои Советского Союза 73-й гвардейской стрелковой дивизии

С. Г. СОБОЛЕВ

А. В. СТАРЫГИН

Н. К. ТКАЧЕНКО

А. Н. ЦЫБАРЕВ,
кавалер ордена Славы
трех степеней

В ходе боевых действий политработники и коммунисты вели большую воспитательную и политическую работу. В частности, многое делалось по разъяснению приказа Наркома обороны № 227, который все запомнили как категорическое требование Родины: «Ни шагу назад».

В боях за город на Волге в результате активной изо дня в день партийно-политической работы у воинов подымался боевой дух, росло стремление отомстить фашистам за все то горе, которое они причинили нашему народу, за разорение многих районов Отчизны. Все это с особой силой проявилось в наступлении, начатом 20 ноября 1942 года. Мы гордимся тем, что наша дивизия внесла достойный вклад в окружение и разгром сталинградской группировки гитлеровцев. Много бойцов и командиров было удостоено государственных наград. За время сталинградских боев вступило в партию 650 воинов соединения.

Мы не только научились умело воевать, но и отдыхать. После разгрома противника в Сталинграде во всех частях проходили концерты. Выступали дивизионный ансамбль, самодеятельные артисты. Особенно любили песню «Вперед, боевая тридцать восьмая», написанную нашим дивизионным поэтом капитаном Н. Раковым и лейтенантом, капельмейстером ансамбля, а впоследствии известным композитором Казахстана Д. Мацуциным. К ее исполнению присоединялись все.

В те дни уцелевшие жители легендарного города обратились к его защитникам с теплым письмом. Они писали: «Слава вам, герои Сталинграда! Вам, кровью своей защитившим и отстоявшим волжскую твердыню — Сталинград, верным сынам многонационального советского народа трудящиеся Краснознаменного орденоносного Сталинграда шлют горячий привет и глубокую благодарность за ваш беспримерный подвиг во имя Родины.

Вам, закалившимся в горниле Сталинградской битвы, мы желаем новых блистательных побед на фронтах Отечественной войны с немецко-фашистскими захватчиками.

Вперед, на запад! Пусть враг еще много, много раз, до полного его уничтожения, испытает силу ударов воинов Красной Армии!

Трудящиеся города отдадут все силы тому, чтобы помочь родной Красной Армии быстрее очистить священную советскую землю от гитлеровской нечисти».

В июле 1943 года дивизия вела тяжелейшие бои с сильной фашистской группировкой, наступавшей в направлении Белгород — Короча на Курской дуге.

В августе освобождала Белгород, Харьков, Мерёфу. В конце сентября части дивизии подошли к Днепру.

Находясь в авангарде, наша дивизия с ходу, на подручных средствах — самодельных плотках, лодках и прямо на бревнах — форсировала Днепр северо-западнее Верхнеднепровска и захватила плацдарм в районе Бородаевки. Гитлеровцы часто контратаковали, пытаясь сбросить нас в реку. Не раз создавалось критическое положение. Их авиация непрерывно бомбила. Кругом стоял грохот, клубами поднимался дым, горела земля. Но советский воин не дрогнул.

В одну из минут затишья заместитель начальника политотдела гвардии майор А. Г. Воронов на совещании политических работников подвел итоги боевых действий на Днестре и поставил задачи на период дальнейших наступательных боев.

В конце марта 1944 года части дивизии форсировали реку Южный Буг, а в апреле — Днестр и овладели плацдармом на его западном берегу, севернее Тирасполя. Закрепившись, мы перешли к обороне и начали подготовку к новому наступлению.

Даже в тяжелые дни боев перед воинами часто выступали артисты из Москвы и других городов страны. Их искусство, горячая поддержка всей страны вдохновляли офицеров и солдат на новые подвиги.

В конце августа, после освобождения Измаила, части дивизии с помощью моряков Дунайской военной флотилии форсировали Дунай и высадились на территории Румынии. Совершив стремительный марш, соединение в начале сентября сосредоточилось на старой румыно-болгарской границе юго-восточнее города Чернавода.

И вот приказ: вступить в Болгарию. Тысячи болгар восторженно встречали нас. Примерно через месяц части дивизии совместно с сербскими, хорватскими партизанами принимали участие в освобождении югославских городов и сел, а потом и ее столицы — Белграда. И здесь население встречало нас тепло, по-братски. В центре селений устраивались арки, увешанные цветами и лозунгами, призывающими к скорейшему разгрому врага. Улицы устилались коврами, около каждого дома стояли накрытые столы...

Затем дивизия снова форсировала Дунай, теперь у югославского села Батина. На батинском плацдарме долгое время сохранялась крайне тяжелая обстановка. Плацдарм был небольшой. Гитлеровцы укрепились и принимали все меры к тому, чтобы сбросить наши части в Дунай. Отражая непрерывные контратаки, мы несли большие потери в людях и технике. В этот тяжелый час комдив генерал-майор С. А. Козак и на-

чальник политотдела подполковник А. Г. Воронов создали группу из числа офицеров-коммунистов и поставили задачу взять высоту 205. Задание было выполнено.

Часто вспоминаю дивизионную газету «За нашу победу». Ее редактором был майор В. Я. Алышев, а инструктором-литератором — капитан Н. В. Раков. Газета умело рассказывала о героизме солдат и офицеров, на конкретных примерах воспитывала воинов всех специальностей.

Об авангардной роли коммунистов в боях говорят не только приведенные выше примеры, но и такая цифра: из всех коммунистов дивизии, прибывших из Алма-Аты на фронт, к концу войны в строю осталось только 15 процентов. На смену выбывшим вступили в партию более 1200 новых бойцов. Благодаря этому, коммунистическая прослойка не только не снизилась, а даже возросла: ко дню Победы каждый пятый-шестой воин дивизии был членом или кандидатом в члены нашей великой партии.

**ИЗ ПИСЬМА КОМСОМОЛЬЦЕВ — БОЙЦОВ
И КОМАНДИРОВ ДИВИЗИИ —
КОМСОМОЛЬЦАМ, КОМСОМОЛКАМ
И ВСЕЙ МОЛОДЕЖИ КАЗАХСКОГО ССР**

30 июля 1943 г.

Мы, комсомольцы — бойцы и командиры 73-й Сталинградской гвардейской стрелковой дивизии, — шлем вам, земляки, свой фронтовой, боевой, гвардейский привет!

Пятнадцать месяцев наша часть ведет ожесточенную борьбу с немецкими захватчиками. Били мы немцев под Харьковом, громили немецкие отборные дивизии, пробравшиеся к городо-герою Сталинграду. В этих боях завоевали великое, почетное звание гвардейцев...

Находясь в активной обороне под Белгородом, мы использовали каждую минуту для изучения своего оружия, тактики современного боя и искусства бить немчуру наверняка...

Дорогие товарищи! В этих боях комсомольцы нашей части покрыли новой славой Ленинский комсомол. За время боев нами было принято в комсомол бойцов и командиров, отличившихся в борьбе с немецкими войсками, 412 человек. 617 комсомольцев удостоены правительственных наград.

Мы с честью оправдали ваш наказ, мы мстили фашистам за каждую каплю крови, за каждую слезу советских людей, истязаемых немецкими оккупантами, за каждого ребенка, приколотого штыком к груди матери. Мы не давали им никакой пощады.

Мы гордимся воспитанниками казахского народа, овевшими себя славой в борьбе с немецкими бандитами.

Гвардии сержант Мажит Аслугужиев, член ВЛКСМ, под Сталинградом уничтожил 50 немецких солдат и офицеров, 30 немцев взял в плен, за что был правительством дважды награжден.

С 5-го по 13 июля в боях под Белгородом т. Аслугужиев уничтожил до взвода пехоты противника, награжден орденом Красной Звезды. 13 июля был ранен; попав в госпиталь, т. Аслугужиев преждевременно выписался из госпиталя и возвратился в свою часть.

Гвардии сержант Байжан Сагандыков считается в нашей части отличным пулеметчиком. Враг извещал силу комсомольца Сагандыкова. 6 крупных атак отбил т. Сагандыков со своим другом «максимом»¹. Свыше 50 фрицев нашли могилу на рубе-

¹ «Максим» — станковый пулемет.

же, где стоял Сагандыков. Правительство отметило героические подвиги т. Сагандыкова. Он награжден орденом Красной Звезды.

Вся часть наша знает знатного санитаря, гвардии красноармейца Умбетова. Во время жестокой битвы с врагом т. Умбетов подал заявление в ряды Ленинского комсомола. В заявлении поклялся: «Буду мстить фашистам, как подобает комсомольцу». Бой разгорался, т. Умбетов под сильным пулеметно-минометным огнем противника вынес с поля боя 60 раненых бойцов и командиров с их личным оружием. Награжден орденом Красной Звезды.

Знатный пулеметчик Адвокасов¹ трижды отбивал контратаку противника. Его расчет уничтожил до 50 фрицев и 2 огневые точки. За стойкость в обороне т. Адвокасов награжден орденом Красной Звезды.

Около 60 немецких автоматчиков лезли на окопы гвардии красноармейцев-комсомольцев Орлянса и Федотова. «Держись, друг,— сказал Орлянс,— мы гвардейцы, и падать духом перед опасностью нам не к лицу». Друзья подпустили немцев ближе, открыли по ним губительный огонь из своих автоматов. Ряды гитлеровцев редели. Комсомольцы уничтожили 25 солдат и офицеров, остальные отступили. Оба героя награждены орденом Красной Звезды.

Гремит слава о комсомольцах-бельгинцах². Весь советский народ знает о их героической битве с немецкими извергами. Они выстояли в неравной борьбе с врагом. В ожесточенном многочасовом бою бельгинцы победили. Они уничтожили 39 немецких танков, истребили до 850 гитлеровцев. Здесь комсомольская организация воспитала много героев. В этом подразделении из 85 комсомольцев награждено 84. Из них комсомолец Зорин представлен к правительственной награде — [к присвоению звания] Героя Советского Союза.

Смертью храбрых погиб любимец наших комсомольцев комсорг батальона гвардии лейтенант Штепа. Он до последнего дыхания передавал по цепи: «Комсомольцы-гвардейцы, беспощадно бейте немецких варваров». Немецкий танк прервал жизнь комсомольского руководителя, гвардии лейтенанта Штепа. За смерть нашего друга мы отомстили и будем мстить врагу. Тов. Штепа награжден орденом Ленина.

Трудовые подвиги казахстанской молодежи воодушевляют

¹ Так в тексте.

² Комсомольцы батальона майора Бельгина.

на героическую борьбу с немецкими бандитами наших гвардейцев-комсомольцев.

Каждый из нас держит в душе знатные имена [сынов и дочерей] трудолюбивого казахского народа, шахтера Караганды тов. Аждагамбетова, слесаря завода НКТМ тов. Зотова, работницы Алма-Атинской табачной фабрики тов. Ахмедовой, стахановца тов. Знаткина и др. Мы заслуженно гордимся и восхваляем эти имена.

Комсомольцы и молодежь нашей части с честью гордятся казахским народом, завоевавшим переходящее Красное знамя Государственного Комитета Обороны.

Мы знаем хорошо, что немало усилий приложили комсомол и молодежь Казахстана, чтобы дать нам, фронтовикам, все необходимое для нанесения врагу сокрушительных ударов.

Но враг еще не разбит. Впереди еще решающие бои, они потребуют напряжения всех наших сил, победа может быть завоевана только потом и кровью.

Сб. «Казахстан в период Великой Отечественной войны Советского Союза», т. I. Алма-Ата, 1964, с. 557—559.

П. П. ДЕРЕВЯНКО

*Памяти
моего командира орудия
Саши ИВЕРШИНА из Алма-Аты,
погибшего за освобождение Украины.*

Он пал во время танковой атаки
У одного полтавского села.
Кровь свежая и алая, как маки,
Лицо, значок гвардейский залила.
Он знал, что понесли враги расплату,
Он знал, что больше не увидит нас...
«Как расставаться тяжело, ребята,—
Дай Зое знать в Алма-Ату, Панас...
Такой подножки от судьбы не ждал я,
Но вы не хмурьте в горести бровей...»
А в роще, радость жизни утверждая,
Незримый заливался соловей.
Сожмись в кулак, огромный гнев солдата!
Большим костром пылай, святая месть!
За гибель друга мы сполна оплатим,
Но как родным поведать эту весть?
Где утешительное отыскать мне слово,
Чтоб дать любимой горестный ответ?
Помчаться легче в бой с винтовкой снова,
Чем написать им: «Саши больше... нет».

Август-сентябрь 1943 г.

IV

**ЗА ДНЕПР,
ПРАВОБЕРЕЖНУЮ
УКРАИНУ
И МОЛДАВИЮ**

В. И. ДАВИДЕНКО,

Герой Советского Союза,
командир 214-го стрелкового
Воропоновского полка,
генерал-лейтенант в отставке

В БОЯХ ЗА ДНЕПР

Контрнаступление Советской Армии, начавшееся после разгрома фашистских войск на Курской дуге, как известно, переросло в общее наступление. Перед войсками юго-западного направления встала задача освободить Левобережную Украину, не задерживаясь, форсировать Днепр и захватить на его правом берегу плацдармы. Обороне по рубежу Днепра немецко-фашистское командование придавало особое значение. Оно считало Днепр главной частью так называемого «Восточного вала» и с помощью ведомства Геббельса раструбило на весь мир о его неприступности.

73-я гвардейская дивизия, наступавшая в составе 7-й гвардейской армии, после освобождения Харькова встречала все более возраставшее сопротивление противника. Враг пытался остановить наши полки на каждом мало-мальски выгодном рубеже и нередко, чтобы вернуть утраченные позиции, предпринимал контратаки. Однако все потуги фашистов были тщетны. Не давая им возможности опомниться, части 73-й во взаимодействии с соседями продолжали развивать наступление. Были освобождены Мерефа, Борки, Староверовка, Красноград, Дмухайловка.

24 сентября, пройдя с тяжелыми боями более 260 километров, части подошли к районному центру Царичанка Полтавской области. До Днепра оставалось каких-то 27—30 километров. Здесь комдив С. А. Козак и поставил полкам задачу на форсирование Днепра.

Задача сводилась к следующему: продолжая развивать наступление в направлении Кравцовка, Рудки, Ревуцино, во второй половине того же дня 24 сентября овладеть населенными пунктами Старый Орлик, Новый Орлик, Твердохлебы, находящимися в непосредственной близости от реки, в ночь на 25 сентября преодолеть водный рубеж, уничтожить противника на острове Глинск-Бородаевский и утром следующего дня захватить плацдармы: 209-му полку — в северной, 214-му — в центральной и 211-му — южной частях Бородаевки-Восточной.

Днепр в этом месте представлял собой серьезную естественную преграду. Скорость течения доходила до 1,5—2 метров в секунду, ширина — 900—1500 метров, глубина — 10—12 метров. Высокий обрывистый правый берег с укрепленными на нем населенными пунктами на всем протяжении, как перед нашими полками, так и соседями, господствовал над левым. Именно это и дало основание немецко-фашистскому командованию сделать вывод о неприступности рубежа.

Второй не меньшей трудностью было отсутствие каких-либо средств, на которых можно было бы переправить подразделения и боевую технику. Следовательно, при решении задачи по форсированию приходилось рассчитывать только на переправочные средства, сохранившиеся у жителей прибрежных населенных пунктов. Но тут возникал новый вопрос. А вдруг отходящие фашистские войска уничтожили или угнали эти средства на правый берег реки? Тогда предстояло бы переправляться на плотках, самодельных паромках из бочек и бревен, на изготовление которых потребуется время. А его было в обрез. Да и элемент внезапности был бы потерян. Вот тут-то и решает все воля, находчивость командиров, инициатива воинов.

Следовало учитывать и усталость личного состава частей, которые уже более двух месяцев находились в непрерывных боях. Но как показал дальнейший ход событий, все полки дивизии успешно справились с ближайшей задачей по захвату плацдарма и овладению Бородаевкой-Восточной, понеся при этом самые незначительные потери.

Перед форсированием все полки выслали вперед разведывательные группы, за ними — передовые отряды, посадив часть личного состава на конные повозки. К 6—7 часам вечера они подошли к реке в указанные им районы и начали подготовку к преодолению преграды, а 153-й артполк стал занимать огневые позиции — каждый дивизион в расположении стрелкового полка, который он поддерживал.

Но прежде, чем захватить Бородаевку-Восточную, частям предстояло выбить гитлеровцев с острова Глинск-Бородаевский, на котором держал оборону пехотный батальон 306-й немецкой дивизии. Пока командиры полков проводили рекогносцировку и организовывали бой, подразделения при активной помощи местного населения и партизан, с большой радостью встретивших своих освободителей, собирали и стягивали к пунктам переправ лодки, изготавливали плоты. У гвардейцев вызывали восхищение люди, которые с энтузиазмом и энергией, пренебрегая опасностью, подносили плавсредства непосредственно к реке. Мы лишний раз убедились в вере народа в

свою армию, в его готовности сделать все, чтобы как можно скорее изгнать фашистскую нечисть с родной земли.

Хочу подробнее рассказать о том, как проходило форсирование могучей реки на участке 214-го полка.

Совершая марш, он подходил к Царичанке. Утром 24 сентября к нам прибыл командир дивизии. Заслушав мой доклад об обстановке, он тут же поставил задачу: продолжая преследовать отходящие подразделения противника, не позднее 18 часов выйти к Днепру в районе Старый Орлик — Новый Орлик и совместно с 211-м полком, действующим слева, ночью очистить от врага остров Глинск-Бородаевский, утром 25 сентября свладеть высокими кручами и центральной частью Бородаевки-Восточной. Справа будет наступать 209-й полк, который имеет задачу захватить северную часть Бородаевки-Восточной. «Задача ясна, — ответил я, — только на каких средствах будем форсировать? Ведь в полку нет ни единой лодки». «На то ты и командир полка, — последовал ответ, — чтобы найти их. Обратись к местному населению. Рыбаков-то в этих местах немало. Кроме того, Василий Иванович, ты не учел политическую сторону вопроса. Ведь народ нас ждет не дождется и отдаст для выполнения этой нелегкой задачи все, чем он располагает».

Но прежде чем форсировать, предстояло пройти маршем не менее 30 километров. Оцениваю сложившуюся обстановку: если командный пункт полка будет следовать, как это положено, за боевыми порядками батальонов, то организовать бой до наступления темноты не успеем. Вслепую, ночью, его не организуешь. Что же делать? Окинул глазами своих помощников и принял, может быть, слишком рискованное, но, по-моему, единственно верное в данной ситуации решение: сажусь на грузовую машину, беру с собой начальника штаба полка, некоторых его заместителей, начальников служб, командира приданного артиллерийского дивизиона, командиров батальонов и под прикрытием разведывательного взвода полка следую в авангарде передового отряда. К 14 часам мы прибыли сначала в Старый, а затем в Новый Орлик и сразу же приступили к организации боя. От местных жителей узнали, что основные силы немецко-фашистских войск еще до рассвета переправились на правый берег Днепра и с утра заняли подготовленные оборонительные позиции.

Нам удалось установить, что на острове Глинск-Бородаевский обороняется до пехотного батальона, его правый фланг расположен у густого кустарника. Этот фактически открытый фланг, по нашей оценке, был самым уязвимым местом в неприязельской обороне. Сумели также рассмотреть систему ин-

женерных сооружений, построенных на высоких кручах восточной окраины Бородаевки. В ходе рекогносцировки созрело решение: вслед за разведкой скрытно для противника на его открытом фланге сосредоточить первый эшелон полка — два стрелковых батальона. Затем без артиллерийской подготовки, стремительным ударом во фланг разгромить обороняющегося врага и, наращивая удар, с утра 25 сентября во взаимодействии с 209-м и 211-м полками ворваться в Бородаевку-Восточную.

С наступлением темноты разведчики скрытно переправились на остров, уничтожили основные силы гитлеровцев и, что особенно важно, взяли «языка». При его захвате отличился семнадцатилетний смельчак Юрий Любомский. Пленный фашистский ефрейтор после долгих препирательств все же дал очень ценные сведения о характере, силах и задачах обороняющегося противника.

Подтянув к 23 часам на южную опушку леса, что примыкает к Новому Орлику, около двух десятков больших и малых лодок, челноков и несколько плотов, мы сразу же приступили к переправе на остров. К часу ночи около 400 человек со стрелковым вооружением и 82-миллиметровыми минометами были там. Одновременно начали форсировать Днепр и подразделения 211-го полка майора С. Ф. Севастьянова. По условному сигналу ракеты совершенно неожиданно для фашистов гвардейцы открыли интенсивный огонь из всех видов оружия и, ведя его, с громким криком «ура» устремились под командованием начальника штаба Н. И. Яценко в атаку.

Воспользовавшись неразберихой в стане врага и не прекращая преследования бегущих фашистов, к рассвету 25 сентября мы почти полностью очистили остров. Не останавливаясь, преодолели протоку и завязали бой за высокие кручи правого берега Днепра, за первые дома Бородаевки-Восточной. Здесь гитлеровцы оказывали ожесточенное сопротивление. С наступлением рассвета для развития успеха в бой были введены вторые эшелоны или резервы полков.

Мы понимали, что фашисты не смирятся с поражением и что самые тяжелые бои еще впереди. Поэтому наши части ускорили переправу 120-миллиметровых минометов, полковых пушек и боеприпасов, всего того, что так нужно было для закрепления на захваченном плацдарме. Размеры его были пока скромными — до четырех километров по фронту и 1,5—2 километра в глубину.

Наращивая силу удара, переправившиеся подразделения при поддержке огня артиллерийского дивизиона 153-го артполка капитана Ш. М. Соселия, а также минометчиков старше-

го лейтенанта С. Г. Соболева и лейтенанта И. И. Ленскинова (лично находившихся непосредственно в боевых порядках) атаковали и, уничтожая отдельные очаги сопротивления, в 9 часов утра ворвались в Бородаевку. Взаимодействуя с наступавшими слева гвардейцами 211-го полка, завязали бой за овладение первыми домами. Гитлеровцы пытались удержать их в своих руках, но примерно через час были выбиты из деревни. Подразделения полка и соседи слева овладели центром и южной частью Бородаевки-Восточной.

Но на правом фланге противник продолжал удерживать густонаселенную северную часть Бородаевки-Восточной, что создавало реальную угрозу флангу дивизии: между нами и соседом справа — 72-й гвардейской дивизией, ведущей бой за Бородаевку-Центральную, образовался разрыв. В схватке на этом фланге особенно отличился заместитель командира 2-го батальона по политчасти лейтенант Кирилл Семенович Мануков. Он, личным примером увлекая группу бойцов, ворвался в населенный пункт и вынудил гитлеровцев бежать. Воспользовавшись благоприятными условиями, другие батальоны захватили западную окраину села. В течение дня батальон отразил 7 вражеских контратак, каждая силою до роты пехоты с танками. Отважный политработник погиб 30 сентября в бою за Бородаевские хутора.

Однако основные бои за плацдарм начались к вечеру 25 сентября. Подтянув из Бородаевских хуторов более батальона пехоты, 9 танков и нанеся огневой удар артиллерией и 40 «юнкерами», неприятель ринулся в контратаку. Удар его пришелся по правофланговому 1-му батальону.

Располагая только противотанковыми ружьями, гранатами, бутылками с горючей смесью да легким стрелковым оружием, но неплохо поддерживаемые артиллерией Ш. М. Соселия и минометами С. Г. Соболева, воины батальона встретили гитлеровцев как истинные богатыри. Они не только отразили контратаки и удержали захваченный рубеж, но подбили 3 танка и уничтожили свыше 80 фашистов, а остальных обратили в бегство.

Правда, теперь начали нести ощутимые потери и мы: тяжело ранило командира батальона и командира 3-й роты, погиб командир 1-й роты. Батальон возглавил находившийся здесь комсорг полка старший лейтенант Ю. Дубровский. Он поднял воинов в атаку и вынудил фашистов не только остановиться, но и бежать на исходные позиции. В этой атаке комсорг героически погиб.

К вечеру 211-й полк вплотную подошел к селу Домоткань и

здесь встретился с соседом слева, а утром 26 сентября 209-й полк овладел северной окраиной Бородаевки-Восточной и соединился с соседом справа, с подразделениями 72-й гвардейской дивизии.

Отбитая контратака была лишь началом ожидавших нас тяжелых испытаний. Начиная с 26 сентября и по 12 октября, поддержанный массированными ударами непрерывно висевших над нами нескольких десятков самолетов, противник раз за разом предпринимал контратаки, чтобы сбросить части дивизии и соседей с плацдарма, восстановить оборону по главному рубежу «Восточного вала». В течение тяжелых 17-дневных боев неоднократно складывалась критическая обстановка, порой грозившая утерей захваченных рубежей. Но благодаря мужеству гвардейцев все попытки врага потерпели неудачу. Больше того, мы не только отражали удары противника, но и постепенно расширяли плацдарм и довели к 12 октября его размеры до 6—9 километров по фронту и 6—7 километров в глубину. В подтверждение тому, насколько серьезной была в те дни обстановка, приведу лишь два примера.

Утром 27 сентября подошедший 126-й полк 23-й немецкой пехотной дивизии с 10 танками на левом фланге нашего соединения прорвался к острову Глинск-Бородаевский и создал угрозу отрезать пути снабжения 211-го и 214-го полков. Спустя час-два усиленный батальон врага с 7 танками нанес удар и на правом фланге, по 209-му и 214-му полкам. Фашистам казалось, что скоро им удастся полностью окружить части 73-й гвардейской или вынудить их оставить плацдарм. Однако принятыми нашим командованием мерами прорвавшийся неприятель был разгромлен и во второй половине дня положение было полностью восстановлено.

Не менее критическая обстановка сложилась и к исходу дня 7 октября. Из районов Соколовки в 16 часов более полка пехоты 306-й немецкой дивизии с танками прорвали оборону на правом фланге 72-й гвардейской и к 18 часам вышли в район высоты с курганом 159,0. В 17 часов до пехотного полка 23-й фашистской дивизии с танками прорвали оборону на стыке 211-го и 214-го полков и примерно к 18 часам 30 минутам вышли к той же высоте. В кольце, простреливаемом даже стрелковым оружием, оказались два полка: 72-й и 214-й полк нашей дивизии. Для окруженных полков 72-й гвардейской и до того нелегкая обстановка усугублялась еще и тем, что они оказались отрезанными от своего командования.

Но безвыходных положений на войне не бывает, если, конечно, спокойно и здраво оценивать создавшуюся обстановку.

Развернув часть подразделений в сторону прорвавшегося противника, окруженные гвардейцы обрушились на врага всеми имеющимися огневыми средствами. Нанеся ему большие потери в живой силе и технике, они заставили неприятеля перейти к обороне.

В этом бою вновь отличился командир дивизиона 153-го артполка капитан Ш. М. Соселня. Приняв на себя командование батареей 122-миллиметровых гаубиц, находившейся рядом с командным пунктом, он тут же приказал развернуть орудия в сторону тыла. Открыв огонь прямой наводкой, батарея подбила и сожгла 7 танков и бронетранспортеров с пехотой на борту. Такого фашисты не ожидали. Дерзкие действия артиллеристов в сочетании с минометным и ружейно-пулеметным огнем подразделений 214-го стрелкового полка, успевших вовремя развернуться, чтобы противостоять новой опасности, вынудили гитлеровцев перейти к обороне.

Так же стойко дрались и полки 72-й дивизии. Благодаря боевой активности гвардейцев в тот день нами были выиграны драгоценные часы светлого времени. Замысел врага был сорван.

При разработке плана действий против фашистов первоначально намечалось уничтожить прорвавшуюся группировку еще до рассвета. Но соотношение сил оказалось в два с лишним раза в пользу противника. Кроме того, к месту прорывов нашего фронта выдвигалась еще и 9-я немецкая танковая дивизия. Поэтому комдив С. А. Козак принял другое решение: 214-му полку при поддержке артиллерии и других огневых средств 209-го полка нанести удар по слабому участку неприятеля и до наступления рассвета выйти из окружения. К трем часам утра задача была выполнена, а в 10 часов подразделения 214-го полка уже на новом рубеже отражали атаки врага.

Заслуживает глубокого уважения самоотверженный подвиг личного состава тыловых подразделений, которыми руководил энергичный начальник тыла подполковник А. Ф. Цалихин. Гитлеровцы непрерывно бомбили наши переправы, но, несмотря на это, все эти дни в подразделения своевременно и в достаточном количестве доставлялись боеприпасы, продовольствие и другие необходимые для боя запасы.

Особенно хорошо была поставлена помощь раненым, организованная молодым, смелым начальником медицинской службы капитаном Л. А. Шагиным. Как и в боях под Белгородом, он с оперативными группами медиков постоянно находился за теми участками боевых порядков полков, где был наибольший поток раненых. Шагин принимал своевременные меры по оказанию помощи и эвакуации пострадавших, особенно тяжелоране-

ных. Благодаря огромным усилиям медработников, от хирурга до санитаря, многим десяткам, а, может быть, и сотням воинов была спасена жизнь.

Потеряв несколько тысяч убитыми, ранеными и пленными, свыше 50 танков и до сотни бронетранспортеров, а также исчерпав резервы, гитлеровцы с середины октября уже думали не о восстановлении обороны по Днепру, а о том, чтобы удержаться на занимаемых позициях.

Настал наш час перехода в наступление. Полки пополнились личным составом. Получили необходимое вооружение и утром 13 октября вместе с частями соседних дивизий сломили ожесточенное сопротивление гитлеровцев на рубеже Васильевка, Бородаевские хутора. Ломая оборону врага, они за трое суток продвинулись на 20—22 километра и ночью 16 октября совместно с 14-й гвардейской стрелковой дивизией штурмом овладели крупным и сильно укрепленным железнодорожным узлом Верховцево. С утра 17 октября остатки разбитых частей 306-й, 23-й и 161-й пехотных и других дивизий противника начали поспешный отход в юго-западном направлении.

В ходе начавшегося преследования 73-я дивизия получила задачу: взаимодействуя на левом фланге 7-й гвардейской армии с примыкающей справа 72-й гвардейской дивизией и слева 52-й стрелковой дивизией 57-й армии, не давать противнику возможности закрепляться на промежуточных рубежах и развивать наступление в направлении Саксагань, Червона Поляна, Петрово, Верблюжка, Новгородка.

Выполняя новую задачу, уже во второй половине дня части дивизии попали под ожесточенную бомбежку фашистских стервятников, пытавшихся задержать наше продвижение и обеспечить быстрый отход своих частей. Но, несмотря на потери от ударов неприятельской авиации, полки 73-й дивизии продолжали довольно в высоком темпе — 20—25 километров в сутки — преследовать врага и своим первым эшелоном (209-м и 214-м полками, усиленными дивизионами 153-го артполка) к вечеру 19 октября вышли на восточной берег реки Ингулец. Овладев Чечелевкой и Новомосковкой, они подошли к районному центру Кировоградской области поселку Петрово. Здесь завязался бой с арьергардными частями противника, занявшими оборону на заранее подготовленном рубеже по западному берегу Ингульца.

Подтянув вторые эшелоны, тылы и пополнившись боеприпасами, части нашей дивизии возобновили наступление и, прогнав оборону, 23 октября освободили Петрово. Продолжая развивать наступление в направлении Водяное, 26 октября они

овладели крупным населенным пунктом Верблюжка и вплотную подошли к железнодорожному полотну, находящемуся в 5 километрах западнее села. При этом было уничтожено свыше 250 гитлеровцев, 12 танков и взято в плен свыше 100 человек. Однако к этому времени фашистскому командованию удалось стянуть отошедшие части и произвести перегруппировку.

После массированного огня артиллерии и особенно налета авиации утром 27 октября с направления Новгородка противник силами свыше 100 танков и до трех дивизий пехоты нанес контрудар. Его цель была очевидной: уничтожить прорвавшиеся полки 73-й и соседних 72-й и 52-й стрелковых дивизий и восстановить оборону по реке Ингулец. Под ударами превосходящих сил врага и его авиации мы вынуждены были несколько отойти назад и к вечеру 28 октября закрепились на рубеже высота 186,0 — Маловодное — птицеферма — Братское. Здесь по приказу командования дивизии перешли к обороне. Все дальнейшие попытки врага выйти к реке Ингулец были отражены с ощутимыми для него потерями в живой силе и особенно в танках.

В эти тяжелые для нас дни московское радио принесло радостную весть: 18 воинам соединения, в том числе комдиву и командирам стрелковых полков, за успешное форсирование Днепра и закрепление плацдарма было присвоено звание Героя Советского Союза, а сотни других гвардейцев были удостоены ордена Ленина и других высоких наград Родины. Это известие воодушевило нас на новые подвиги.

Все попытки дальнейшего продвижения гитлеровцев в восточном направлении были окончательно сорваны. Вскоре уже мы стали наносить по нему непрерывно усиливавшиеся удары. Фашисты были вынуждены откатываться все дальше на запад. В ходе так называемых боев местного значения части дивизии 20 декабря овладели птицефермой, что на юго-восточной окраине Верблюжки, затем гребнем высот в километре северо-восточнее Варшавки и высотой 158,4. По приказу командующего 57-й армией 73-я гвардейская в тот же день перешла на этом рубеже к обороне и начала подготовку к новому, более решительному наступлению. Я не оговорился, указав номер армии. За два дня до этого, 18 декабря, наше соединение было передано из 7-й гвардейской в давно знакомую нам боевую 57-ю армию. В ее составе мы вели оборонительные бои еще на дальних подступах к Сталинграду, а затем ликвидировали окруженную группировку Паулюса.

За два месяца боев на западном берегу Днепра дивизия уничтожила 34 танка, 18 автомашин, 12 бронетранспортеров,

24 орудия, 17 минометов, 48 пулеметов. За это же время было истреблено более 5 тысяч и захвачено в плен 42 немецких солдата и офицера.

Подводя итоги боев, проведенных 73-й гвардейской дивизией за Днепр, считаю своим долгом подчеркнуть, что захват, удержание и расширение плацдарма на Днестре, успешное выполнение столь сложной боевой задачи стало возможным исключительно благодаря массовому героизму, мужеству и стойкости личного состава, закалившегося в боях под Сталинградом и Белгородом. В их авангарде всегда шли коммунисты и комсомольцы, большинство из тех 6 012 воинов, которые были отмечены орденами и медалями за подвиги в летних и осенних боях 1943 г.

Партийно-политической работой в дивизии руководил ее политотдел, который возглавлял полковник П. С. Молчанов. В центре внимания всех командиров, политработников, партийных и комсомольских организаций была тогда известная директива Ставки Верховного Главнокомандования от 9 сентября 1943 г. Она не только поставила перед войсками задачу с ходу форсировать Десну, Сож и Днепр и показала, как это сделать, но и рекомендовала эффективные формы и методы партийно-политического обеспечения переправы. Первостепенное значение в ней отводилось, в частности, мерам морально-психологической подготовки воинов к выполнению трудной, но почетной задачи.

Могу без преувеличения сказать, что командный и политический состав нашей дивизии, ее партийная и комсомольская организации показали себя на деле способными выполнить любое боевое задание Родины.

Особо хочу выделить коммунистов и комсомольцев из рядовых, сержантов и младших офицеров, которые жили и сражались в самой гуще воинов, своим личным примером и страстным словом укрепляли подразделения, передавали боевой опыт и мастерство беспартийным, вели их за собой. В их числе и такие известные не только в нашей дивизии люди, как Садык Жаксыгулов, Григорий Запорожченко, Геннадий Коньков, но и скромные труженики агитаторы Абишев, Турсунов, Шарипов и многие другие.

Заслужой партийного и комсомольского актива, политработников и командиров всех рангов явилось и то, что солдатами быстро становились и прошедшие курс обучения в запасных полках новобранцы из районов глубокого тыла, и вступавшие в строй мужчины из только что освобожденных сел и городов Украины.

Командование и политотдел дивизии, партийные и комсомольские организации позаботились о том, чтобы чувства ненависти к врагу, накопившиеся в сердцах перенесших оккупацию людей, воплотились в боевые дела и чтобы они передались и воинам из восточных районов страны, которые только недавно взяли в руки оружие. В этих целях проводились индивидуальные и коллективные беседы в окопах и землянках, обеспечивалось участие воинов в заседаниях судов, рассматривавших злодеяния оккупантов.

18 октября в поселке Старый Орлик в присутствии 1500 воинов дивизии и местных жителей состоялся открытый судебный процесс над стрелком-радистом танка Т-6 из дивизии СС «Великая Германия» обер-ефрейтором Карлом Шнайдером. Неопровержимо было установлено личное участие обвиняемого в массовых убийствах советских граждан Минска, Смоленска, Кременчуга и многих других городов и сел, а также в грабежах населения, поджогах и разрушениях населенных пунктов. Изувер и кровавый убийца в солдатском мундире был приговорен к смертной казни через повешение. Командир дивизии утвердил приговор военно-полевого суда и преступник получил по заслугам¹.

Патриотические чувства освобожденных от фашистского гнета людей, кропотливая работа командиров и политработников, помощь воинов-ветеранов — все это ускорило процесс становления солдата. Уже в октябре-ноябре 1943 г. приказами командива и командиров полков первые из недавно призванных в армию жителей были отмечены орденами и медалями. Именно тогда получили награды все номера пулеметного расчета Ивана Семеновича Бедного — Иван Ильич Лысенко, братья Владимир и Павел Сергеевичи и их дядя Максим Максимович Крамаренко, телефонист Митрофан Константинович Винник, саперы Арсентий Федорович Майор и Николай Павлович Цеборябой, призванные из Бородаевки².

Спасибо героям битвы за Днепр. Честь и слава им. Их ратным трудом, потом и кровью были созданы условия для освобождения Правобережной Украины.

¹ Покровский С. Н. Участие казахстанских соединений в битве за Днепр. В кн. «Казахстан в Великой Отечественной войне». Очерки. Вып. 1. Алма-Ата, 1968, с. 103—104.

² ЦАМО, ф. 1212, оп. 2, д. 27, лл. 71, 178, 186—187, 221, 437.

И. Е. ГРИБ,
Герой Советского Союза

ПЕРЕПРАВА, ПЕРЕПРАВА...

24 сентября 1943 года учебный батальон, в составе которого я командовал взводом притивотанковых ружей, подошел к селу Старый Орлик на берегу Днепра. В предыдущих боях батальон понес значительные потери и, хотя на пути к реке получил пополнение, людей все же было маловато. В моем взводе, например, было всего 18 человек. Быстрое наступление воодушевляло воинов, и они стремились как можно скорей изгнать фашистских оккупантов с Левобережной Украины.

Недавно принявшие батальон командир капитан А. И. Малинин и замполит майор И. Х. Кузнецов в беседах с солдатами и офицерами разъясняли значение успеха в битве за Днепр для дальнейшего хода всей войны.

Сразу же по прибытии в Старый Орлик меня и младшего лейтенанта Карташова, командира стрелкового взвода, вызвали к себе комбат и замполит. Нам было приказано разыскать лодки для переправы. Где их искать? На улице села мы встретили двух стариков и попросили их о помощи. Они сказали, что все лодки гитлеровцы угнали на правый берег, но кое у кого небольшие лодчонки все же остались. Владельцы затопили их в протоке в камышах.

Тут же старики повели нас к тем рыбаками, у которых, по их предположению, остались лодки. Рыбаки с радостью согла-

сились показать, где затоплены их лодки и помогли вытащить две, примерно на 5—6 человек каждая. Теперь нужно было их перегнать вниз по течению до расположения учбата. Задача, вроде, не трудная. Но дело в том, что поперек Днепра, от его левого берега, примерно до середины реки, были насыпаны дамбы. Их сделали для того, чтобы усилить течение в оставшейся части русла и предохранить ее от заиливания, мешающего судоходству. Так это или нет, я не знаю, но огибать дамбы нам пришлось на виду у противника, в очень опасной близости от его позиций. Ждать темноты — долго. И мы отправились. Все шло хорошо. Я с сержантом Балмагамбетовым на одной лодке, а Карташов с солдатом Ершовым — на другой. Доплыли до дамбы и стали двигаться вдоль нее в направлении правого берега. Немцы молчали. Но как только наши лодки стали огибать дамбу и поворачивать к нашему берегу, они открыли огонь из стрелкового оружия, минометов и гранатометов. Мы гребли изо всех сил, понимая, что спасение в скорости, но все же младший лейтенант Карташов был ранен.

Как только лодки ткнулись в берег, мы подхватили раненого под руки и потащили в кусты. Там нас уже ждали комбат и замполит. Карташова тут же отправили в медсанбат.

К вечеру мы смастерили плот из подручных материалов и, когда комбат приказал мне со своим взводом подготовиться к форсированию, у нас уже все было готово.

Комбат показал на карте и на местности, где будет проходить посадка и высадка на острове и правом берегу. Предупредил: идем первыми и от нас зависит успех всего батальона. Замполит добавил: «Борьба за Днепр — это борьба за освобождение всей Украины, и только стремительное преодоление реки и захват плацдарма на том берегу создадут условия для полного разгрома немецко-фашистских войск».

Примерно в час ночи мы погрузили на плот станковый пулемет сержанта Балмагамбетова, а в лодку — ручной. Разместили людей, коробки с лентами и диски с патронами, гранаты и отчалили от берега.

Когда проплыли большую часть реки, нас обнаружили и начали обстреливать. Мы открыли ответный огонь. Добрались до берега и благополучно высадились в северной части острова Глинск-Бородаевский. Сбили вражеское боевое охранение и углубились в густой и высокий лозняк. Фашисты, стремясь отрезать нас от берега, пошли в обход. Мы, в свою очередь, обошли их фланг и отогнали немцев от берега. По зарослям лозняка вышли на западный берег острова. Перед нами открылось

ровное, как стол, песчаное дно старицы Днепра. Раздумывать не приходилось — двинулись через сухое русло.

Подбежав к крутому, обрывистому берегу высотой до 30 метров, мы по промине выбрались наверх.

Я расставил своих людей по кромке обрыва, растянув цепочку как можно длиннее. Вскоре из-за ближайших избушек показались три немецких средних танка и обстреляли нас из пушек и пулеметов. Вот тут-то я удостоверился, что оборону мы заняли правильно: снаряды и мины не долетали до нас или перелетали и разрывались где-то далеко внизу.

Гитлеровцы несколько раз пытались сбить нас, но мы стойко удерживали занятые позиции. Видимо, и у них на этом направлении маловато было сил.

Вслед за нами на вернувшихся лодках переправились другие подразделения учбата. Правда, смог добраться только один взвод: все дно старого русла теперь простреливалось противником. Только когда стемнело, к нам с острова перебрались командир роты лейтенант Денисов и около сотни бойцов. Гитлеровцы, по-видимому, к этому времени тоже получили подкрепление и непрерывными контратаками пытались во что бы то ни стало сбросить нас с обрыва.

Утром 26 сентября лейтенанта Денисова ранило. Ротой стал командовать я. Через три дня саперы срыли ночью склон правого берега и под утро 10 наших «тридцатьчетверок» с прицепленными к ним орудиями поднялись к южной окраине села Бородаевка. Поступил приказ: продвигаться за танками на Бородаевские хутора, а потом дальше на юг.

Когда мы с боями прошли 12—15 километров от берега, фашисты контратаковали нас слева, из Натальевки, и по ложине в составе 16 бронеединиц стали продвигаться к кургану, где находился командный пункт комдива С. А. Козака.

Я получил команду преградить путь танкам и бронетранспортерам. Только рота успела передвинуться вправо, на нас пошли немецкие бронетранспортеры. Один из них подбили мы со старшиной И. И. Ивановым, другой — расчет «сорокапятки». На бронированном десанте сосредоточила огонь и артиллерия дивизии. В перестрелке были подбиты еще два танка и три бронетранспортера. Мы тоже понесли значительные потери. В нашей роте погиб пулеметный расчет во главе с командиром отделения Геннадием Гавриловичем Коньковым, которому 26 октября 1943 года было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. Тем же Указом в числе других воинов нашей армии высокое звание Героя Советского Союза было присвоено и мне.

Бои на бородаевском плацдарме стали новым испытанием мужества и стойкости наших солдат, сержантов и офицеров. Враг непрерывно наращивал силы и, создав значительный перевес в танках и штурмовых орудиях, контратаковал нас. Некоторые населенные пункты переходили из рук в руки по нескольку раз.

К концу октября наша дивизия дошла до сел Петрово и Водяное Кировоградской области, где одновременно с соседями встала в оборону. Здесь мы получили пополнение, боеприпасы и готовились к дальнейшему наступлению по Правобережной Украине.

С. Ш. ЖАКСЫГУЛОВ,
Герой Советского Союза

НА ЗЕМЛЕ УКРАИНСКОЙ

10 сентября 1942 года я был призван в ряды Советской Армии и направлен в Оренбург, в запасной полк. Здесь меня зачислили на курсы младших командиров. Окончил их в марте 1943 года и вместе с другими отбыл на фронт. Попал в 73-ю гвардейскую стрелковую дивизию. В ее составе на южном фланге Курской дуги в жестоких оборонительных боях в июле 1943 года и состоялось мое боевое крещение.

В ходе боев, как в обороне, так и в последующем наступлении, мне пришлось выполнять обязанности командира минометного расчета в минометной роте 209-го стрелкового полка. Иногда доводилось действовать и в качестве автоматчика, пулеметчика, гранатометчика. Только после этих боев я и умом, и сердцем понял, что попал в ряды героев-сталинградцев и что сам стал гвардейцем.

Во второй половине июля наши части перешли в контрнаступление. 5 августа были освобождены Орел и Белгород — в честь этих побед в Москве впервые был произведен оружейный салют. Преследуя отходящего врага, мы вступили на землю многострадальной Украины. После освобождения Харькова наш полк, как и все части дивизии, вел бои за город Мерефа, а затем стремительно продвигался к Днепру.

Отступая по Левобережной Украине, гитлеровцы жгли села и хутора, взрывали мосты и дороги. До боли сжималось сердце

при виде зверств фашистских варваров над мирными жителями. Это заставляло нас торопиться еще больше: впереди ждали освобождения тысячи и тысячи томившихся в неволе людей. Мы продвигались временами так быстро, что фашисты часто не успевали доделать свое черное дело — сжечь село, убить или угнать жителей.

Приближалась осень, пошли дожди. Дороги стали труднопроходимыми для всех видов транспорта. Тем не менее войска продолжали преследовать врага. 24 сентября наш полк вышел к Днепру и с ходу начал форсировать его в районе села Бородаевка.

Командир роты старший лейтенант Василий Верещагин приказал готовиться к переправе и нам. Моему расчету предстояло в числе первых преодолеть реку. Ночью погрузились на самодельные плоты, рыбацкие лодки и начали переправу на западный берег. Когда доплыли до середины Днепра, фашисты, то и дело освещавшие ракетами водное пространство, обнаружили нас и открыли огонь из всех видов оружия.

Под непрерывным обстрелом врага достигли противоположного берега. Наша лодка причалила под крутым, высотой до 30 метров яром. Там, наверху, проходила траншея неприятеля, а справа и слева были расположены дзоты, которые беспрерывно вели огонь по нашим переправлявшимся подразделениям.

Нас в минометном расчете было пять человек: я, наводчик Жуков, подносчики Лаврентьев, Литвиненко и Карабалжаков. Взяв гранаты, мы с Лаврентьевым решили уничтожить правый дзот, а Жуков с Литвиненко двинулись к левому. Карабалжакова оставили у миномета. Подползли к дзотам и забросали их гранатами. Фашисты, бросив траншею, стали отходить. Мы тотчас же ворвались в нее и открыли огонь. Затем вместе с соседями заняли оборону.

Ночью, в темноте, гитлеровцы не смогли определить, сколько нас, и не предпринимали никаких попыток вернуть позиции.

С рассветом оставаться на кромке берега было опасно и мы решили продвинуться вглубь и занять круговую оборону. Так и сделали. К восходу солнца вырыли окопы, оборудовали огневую позицию для миномета.

...Особенно трудным оказался день 10 октября, когда мы уже были за Бородаевскими хуторами. Фашисты прорвались к командному пункту полка. Без колебаний наш расчет вступил в бой против танка с автоматчиками. Мины рвались вокруг него и заставили автоматчиков спрыгнуть на землю, а потом залечь. Обнаружив нас, вражеский танк прямой наводкой из

пушки вывел из строя наш миномет. Был убит наводчик Жуков, тяжело ранены Лаврентьев и Карабалжаков, меня контузило.

Когда я очнулся, танк был уже метрах в 18—20 от меня. Взяв связку гранат, метнул ее, и он загорелся. Но какое-то мгновение спустя враг открыл минометный огонь. Осколком мины убило Литвиненко, из расчета я остался один. Взялся за автомат и присоединился к стрелкам, отражавшим атаки гитлеровцев. Не знаю, сколько времени продолжался тот бой, но фашистов мы не пропустили. А вечером меня подобрал санитары и отправили в санчасть полка.

За форсирование Днепра и удержание плацдарма Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 февраля 1944 года мне было присвоено звание Героя Советского Союза.

В. П. СИВЦОВ,

командир 77-й гвардейской разведроты

СОЛДАТСКАЯ ВЕРНОСТЬ

— Хлопцы, сюда, сюда, правее. И поскорее,— торопил сержант Анатолий Цыбарев своих разведчиков.— Да смотрите, чтобы гитлеровец не улизнул.

Происходило это в конце марта 1944 года у села Александровка Николаевской области. Поздним вечером разведчики возвращались с боевого задания, вели «языка» и неожиданно напоролась на фашистов, передовые позиции вражеской обороны. Началась перестрелка, перешедшая в настоящий бой. Силы были не равны, наши смельчаки отбивались как могли, но гитлеровцы наседали и наседали, подползли так близко, что стали слышны их выкрики. А разведчики стреляли все реже: патроны уже были на исходе. Брошены последние гранаты. Под их разрывы группа сделала два отчаянных броска и очутилась за зарослями лозняка.

— Толебаев, слышишь?— спросил Цыбарев опытного разведчика, не раз бывавшего в нелегких переплетках.— Втроем забирайте раненого и «языка», отходите к лозняку. Мы с Медведевым и Поповым прикроем вас.

Толебаев с бойцами и «языком» скрылся за бугром.

Фашисты прекратили стрельбу, и это насторожило оставшихся в прикрытие. Вскоре выяснилось: гитлеровцы стали окружать группу Цыбарева.

— Хлопцы! Мигом в канаву. Видите, нас обходят. гады.

Сержант дал короткую очередь по немцам, обходившим справа, потом прострочил перед собой и кинулся вслед за товарищами. Осмотрелся. Слева тянулась та же лесопосадка. Неподалеку она сворачивала в глубь обороны противника. Справа бугор, за ним — мелкий лозняк, а там где-то недалеко и свой передний край.

— Хлопцы, вперед! Перемахнем бугорок, а потом переведем дух,— заторопил всех Цыбарев. Едва двинулись вперед, как застучал пулемет, над головами прожужжал рой пуль.

— Ты гляди, стреляет, паразит,— зло буркнул Медведев.

— Вася, все-таки нам повезло,— часто дыша заговорил Цыбарев.— И противник стреляет не совсем метко, и тучи низко спустились — сразу потемнело. Теперь оторвемся от неприятеля...

Продвигались молча. Вдруг возле них, словно из-под земли, с шипением взвилась и повисла в воздухе ракета. Следом затрещали автоматы. Бойцы бросились в первую попавшуюся яму. Настала зловещая тишина.

Сержант окинул глазами яму и всех, кто в ней был. Нет Медведева. Остался наверху?— взволнованно спросил Цыбарев и посмотрел на смуглого крепыша Бориса Попова.

— Сержант, разрешите, я мигом...

— Подожди, Боря.

Ракета догорела, и они вдвоем вылезли из ямы. Неожиданно несколько мин разорвались вблизи. Беглый минометный обстрел также быстро прекратился, как и начался. Но бед он натворил много.

— Борька, где ты?— негромко окликнул сержант и стал прислушиваться. Попов не отзывался. Сержант еще спросил и, не дождавшись ответа, пополз, ощупывая землю. Наконец наткнулся на Бориса:

— Ты что же молчишь?..

Только приблизившись вплотную, услышал тяжелые вздохи Бориса: «Ох, ма-а-моч-ка, к-а-к больно».

— Борис, а, Борис, что с тобой?— теребил сержант. Но Попов уже лежал, уткнувшись лицом в жухлую траву. Цыбарев повернул товарища на спину и приставил ухо к его груди. Сердце раненого едва билось, тело конвульсивно вздрагивало. И... затихло... Анатолий провел рукой по лицу, по голове Бориса и в ужасе отпрянул: он нащупал на голове товарища, выше виска, торчавший острый осколок.

Что делать? Сержант бережно стянул Бориса в яму. Тут же в нее свалился кто-то еще. Хриплый голос спросил: «Есть тут кто?»

Голос и кашель Василия, подумал Анатолий. Но продолжал молчать. Вновь послышалось знакомое: «Почему молчите, черти?»

— Вася?!— не утерпел, наконец, сержант и протянул руки в темноту.— Как ты попал сюда?

Василий подполз. Анатолий прижал друга к груди.

— Задушишь, сержант. Я видел, как вы бросились в яму перед вспышкой ракеты... Так где же Борька, чего он молчит?

— Убило Борьку.

Помолчали и стали вытаскивать Бориса из ямы. Уперся Анатолий левой ногой и... сразу упал. Распластался на животе, крепко сжал в руке песок и закричал зубами.

— О-ох, Вася! Не могу ни встать, ни пошевелить ногой. В горячах не заметил, а вот сейчас...

С трудом Василий снял с Толиной ноги сапог, осторожно отодрал прилипшую к ране портянку, на ощупь сделал перевязку. Наступившую тишину первым нарушил Василий.

— Сержант, нужно подаваться к своим.

— За меня не беспокойся,— ответил Цыбарев.— Я сам доберусь. Борьку не оставляй...

— Да ты что, сержант? Об этом и речи не может быть.

Медведев взвалил раненого товарища на спину и понес.

Дул холодный ветер, накрапывал дождь. А сержанту виделись боевые друзья, родные с раздольных приволжских степей. Туманные видения прервал голос товарища: «Вот здесь отдохни, а я схожу за Борькой». Цыбарев остался один. Лежал на спине и думал о Василии: «Тяжело ему, сил на двоих не хватит. Пусть тащит Борьку, а я уж сам».

По трескотне пулеметов, ракетам противника сержант сориентировался, куда ползти, и усердно заработал локтями и здоровой ногой. Вздрагивал от боли и, чтобы притупить ее, стискивал зубы, кусал губы.

Всю ночь Анатолий полз, преодолевая себя. По ямам, буграм, лозняку. Казалось, горит все тело. Во рту пересохло, хотелось пить. Цыбарев схватился рукой за куст лозы, поднатужился и перевалился через бугорок. Прополз, как ему казалось, немало. Попал в новую яму. Из нее он уже не смог выбраться. Со злости плюнул, перевернулся на спину и раскинул ослабевшие руки.

«Зря не послушался товарища и сорвался с места»,— осуждал себя сержант. С трудом повернулся на бок, потянул руку вниз... и нащупал влажную траву. Рука потянулась еще дальше, кончики пальцев коснулись воды. Анатолий кое-как подтянулся на локтях, припал к холодной воде и стал жадно пить.

Утолив жажду, он снова лег на спину и облегченно вздохнул. Рука коснулась чего-то жесткого. Но внимание отвлек месяц. Чуть вынырнет и тут же снова исчезнет в наплывшей туче.

Но вот тучи расступились, луна вышла на простор и щедро осветила землю.

«А это что?»— тревожно встрепенулся Анатолий, нащупав рукой металлический выпуклый предмет. Посмотрел на него... «Боже ты мой»,— испугался Цыбарев, увидев каску на голове солдата, уткнувшегося лицом в бурьян. Голова и туловище другого убитого находились в воде. Сержант так испугался, что не заметил, как выскочил из ямы — откуда силы взялись. Прополз два-три метра и замер. Казалось, последние силы покинули его.

Лежит беспомощный Цыбарев с полураскрытыми глазами, потерял счет времени. Казалось, что валяется он тут уже целую вечность. По телу разлилась непрошенная слабость, и он погрузился в сон.

На востоке начало сереть. По-прежнему дул холодный ветер, моросил дождь. Сквозь сон Цыбарев услышал тихий окрик:

— Сержант, Толя, где ты?

«Это что, привидение? Да нет, голос Васин, ищет меня»,— обрадовался Анатолий:

— Здесь я, здесь.

Медведев ощупал своего командира и начал легонько растирать его застывшее лицо, руки, уши. Сержант окончательно очнулся:

— Нашел... Прости, Вася, хотел как лучше... Тебе же с двумя трудно...

— Хорошо, что живой остался,— перебил Медведев,— Тебя уже все ребята ищут.

Подошел Яков Скрынник:

— Наконец-то! Что с сержантом?

А сержант сразу о товарище:

— Как Борька?

— Передал ребятам.

— Яков, помоги поднять сержанта на плечи и сообщи ребятам...

Медведев осторожно понес Цыбарева. Он сам уже едва держался на ногах.

Начало рассветать. Впереди виднелась сожженная деревушка: силуэты печных труб, разрушенный сарай, за которым стоял немецкий танк с развороченной башней.

Медведев с большим трудом поднял сержанта на плечи и двинулся дальше.

Цыбарев потерял сознание и пришел в себя только в медсанбате. Обвел чуть приоткрытыми глазами палату. Рядом лежал пожилой боец с добродушной лукавинкой в глазах.

— Что это? Никак Толебаев?— удивился сержант. Он был твердо уверен, что тот вернулся в разведроту невредимым.

— Толебаев!— негромко окликнул Анатолий,— как попал сюда?

— А-а, командир, проснулся. Меня чуть-чуть ранило. Борьку убили. Доктор сказал, я и Накисходжаев полежим недельку — и в роту.

— Как с «языком»?

— Командир, «языка» сдал начальнику.

— Добро, Толебаев,— успокоился сержант и подумал облегченно: «Выполнили задание». Пошарил глазами по койкам и нашел спящего Накисходжаева: «Пусть спит». А сердце все-таки не успокоилось: погиб Борька, погиб, совсем мало прожив на белом свете.

Пока шел разговор с Толебаевым, в палате установилась тишина. Все слушали и глядели на сержанта. Раненые еще с утра узнали от Толебаева о делах смелого, мужественного сержанта. Неожиданно открылась дверь и вошел хирург с медсестрой.

— Как чувствуешь себя, разведчик?— взял руку Цыбарева, послушал пульс.

— Спасибо, доктор,— прошептал сержант.— Вы вернули мне жизнь.

— Не нас благодари,— ответил врач.— Вот когда поправишься, а это будет скоро, низко поклонись своим товарищам. Ты потерял много крови. В критический момент Толебаев и Медведев дали тебе свою кровь. Медведев здесь, за дверью, рвется к тебе.

В этот момент скрипнула дверь и кто-то украдкой стал смотреть в щель. Врач разрешил Медведеву войти. Тот не вошел, а вбежал, припал к Цыбареву и беспорядочно заговорил:

— Живой, дружище! Мы еще повоюем. Еще не одного «языка» приволокем. Выздоровливай побыстрее. Бить будем фашистов до победы, рассчитаемся и за Борькину смерть.

Врач сделал знак медсестре и та выпроводила не в меру разгорячившегося великана...

— Да-а,— подумал Цыбарев,— выходит, теперь мы сроднились и по крови: боевые друзья дали мне вторую жизнь.

Теплая волна разлилась по телу Цыбарева,

Т. П. ГЛУШЕНКОВА,
хирург медсанбата

ВОЕННЫЕ БУДНИ МЕДСАНБАТА

Уходит время, слабеет память, но разве забудешь 1942 год, правый берег Волги у Сталинграда? Город окутывали черные тучи дыма, пепла, пыли, ночью над ним стояло зловещее зарево пожарищ. Плывет горящая нефть по Волге — возле речного вокзала разбило баржу. Оттуда же на связанных бревнах добираются раненые. Их вылавливают санитарные посты и направляют в наш 78-й отдельный медсанбат. Обслуживали мы всех, кого к нам доставляли.

В операционной палатке, развернутой в лесочке на берегу Волги, три операционных стола. Возле них — хирурги Маша Потапкина, Зина Кечова и я. Здесь же медсестры Анна Платова, Надя Желткевич, Мария Савченко, Аннушка Мигас и санитары. К нам пришли работать сталинградские девчужки. Лену Волкову, Надю Скурлатову, Зину Аржанову зачислили медсестрами, хотя они еще ни крови, ни ран не видели, а Валю Скурлатову, Юлю Аспер и Аллу Кочневу — санитарками. Из запасного полка добровольцев прибыли Зоя Сустрина и Вера Мансурова. Все они напугались, побелели, увидев работу хирургов. Некоторые попрятались за палаткой. Но раненых — нескончаемый поток. Одних надо убирать со столов, других — бинтовать, третьим — накладывать шины. А девчонки боятся подходить к больным. Как заставить их перебороть этот страх? Подошла я к ним, пристыдила, помогла засучить рукава, и они,

хотя и робко, но стали убирать окровавленные бинты, вытирать столы, снимать повязки. Вскоре я довольно строго сказала им:

— Вот так и надо помогать хирургам, а не падать в обморок.

Девчонки освоились и стали работать проворнее.

Крайне тяжелой, изнурительной была работа хирургов, требовавшая постоянной выдержки, умения бороться со смертью. Нам нельзя было терять уверенность, дрогнуть во время операции, даже когда медсанбат бомбила авиация или обстреливала артиллерия противника.

...На операционном столе — человек, укрытый простынью. Большая потеря крови. Пульс едва прощупывается. У меня и Маши Потапкиной, осмотревших его, сердце сжалось: вместо ног — оборванные кровавые култышки. Срочно стали готовиться к операции. Раненый тем временем пришел в себя, открыл глаза и шепотом — сколько у него был сил — запел: «Как много девушек хороших, — передохнул и дальше, — как много ласковых имен...»

Мы не выдержали. Стоим, готовые начать операцию, и плачем. А он увидел наши слезы и успокаивает:

— Не плачьте, дорогие. Я поправлюсь и без ног буду защищать Сталинград. Руками. Зубами. Но победа будет нашей...

Через операционную проходило до 110—120 раненых в сутки.

Почти в безнадежном состоянии поступил к нам полковник Голубев, командир курсантского полка Житомирского военного училища. Ранен в грудную клетку, открытый пневмоторакс, повреждены четыре ребра. Стали готовить его к операции, а он смотрит на меня и говорит нашему командиру взвода:

— Что у тебя, детский сад здесь? Сам-то почему не оперируешь?

— Полковник, не сомневайтесь, она лучше, чем я сделает, — заверил взводный.

Прооперировала, зашила рану в легком. Забинтовали. Дышать ему стало легче. Смотрит он на меня и говорит:

— Руку, латальщица, дай!.. Спасибо! Молодец! А я-то сомневался.

С тех пор в шутку нас стали звать латальщиками.

Отдых у нас был короткий, спали по 3—4 часа в сутки, а иногда и того меньше.

...В сентябре 1943 года дивизия форсировала Днепр у Бородаевки. Медсанбат оставался пока на левом берегу, на правый берег в Бородаевские хутора выдвинулась операционная группа. В нее вошли я, как старшая, молодой хирург Павел Хрипу-

нов, военфельдшер Александр Друйкин, медсестры Виктория Марьянчик, Маша Юмагулова, Вера Мансурова, Зоя Сустрина, Зина Аржанова и санитары — имен не помню, а звали мы их Ибрагимов, Иваныч, Зазуля.

Расположились мы в крайней хате. Раненых много.

На столе боец из 153-го артполка. Не успела сделать обезболивание — начался минометный обстрел. Все стоят на своих местах. Над больным растянули простынь, чтобы не сыпалось с потолка. Вот с шипением пролетает над нами мина. Вторая — недолет, но осколки со свистом пролетают над хатой. Страшно, но я же старшая и надо держаться. К счастью, обстрел вскоре прекратился и мы возобновили работу.

Работали до утра, а с рассветом всех прооперированных отправили на берег, оттуда — через реку в медсанбат.

После завтрака — снова за дело. Раненых много. Среди них — боец с обгоревшими на голове волосами, с ожогами на лице. Кричит неистово:

— Доктор, я сойду с ума, от меня пахнет паленым, не могу...

Обезболили, успокоили, наложили повязки. И рассказал он нам о тяжелых боях с фашистами, бросивших против наших много танков.

Закончив обработку раненых, вышли во двор. День солнечный, теплый. После операционной, наполненной и запахами наркоза, и крови, дышится легко. Возле стога сена боец играет на гармошке. От усталости гудят ноги, кружится голова. Встала у стенки хаты погреться на солнышке. Вдруг в небе послышался шум моторов. Глянула вверх — с фашистских самолетов уже падают бомбы. Не растерялся Хрипунов. «Все в окопы!» — крикнул он и толкнул меня на дно. Остальные попадали сами.

Раздался удар и такой треск, словно сломалось сухое дерево. Когда все стихло, стали выбираться из окопа. Во дворе темно, пыль. В нескольких метрах от нас — огромная воронка. В соседнем окопе погибли две медсестры.

Не успели подобрать раненых, как снова появились вражеские стервятники, снова рвутся бомбы, но уже подальше. В огороде вижу тяжело раненного в грудь бойца. Кричу санитарам: «Носилки!». А сама наклонилась, чтобы сделать перевязку. Вдалеке разорвалась бомба. «Ложись, убьют!» — прохрипел раненый. Я схватила его за ремень и стащила в ровик. Только пригнулась — над нами пронеслись осколки. И снова повезло — не задело нас.

У нас был писарь: пожилой учитель Иван Степанович Кузькин. Как отец, он оберегал нас от различных огорчений. В октябре 1944 года дивизия форсированным маршем, перемежающимся с упорными боями, спешила к столице Югославии. Вместе с ее частями двигалась и передовая операционная группа медсанбата. В Белграде мы расположились в большом пустом здании. Из окон просматривается городская окраина, где еще идет бой. Но мы спокойно делаем свое дело.

В просторной комнате развернули операционную, и вот уже я и Валя Савицкая, медсестры Лена Волкова, Ася Кузнецова, Вера Мансурова оперируем первых раненых. У меня на столе лейтенант Гусев из противотанкового дивизиона, ранен в грудную клетку с повреждением плевры легкого. Закончила операцию, стала шприцем убирать кровь из грудной полости, а на втором столе Валя с медсестрой кому-то переливает кровь, на третьем — медсестры Волкова и Мансурова накладывают шину... Вбегаet вдруг врач Николай Иванович Сурков: «Немцы во дворе», — кричит. Мы испугались, конечно. Раненые заволновались. Как старшая по смене, даю команду: «Закончить переливание, забинтовать раненых!» А сама — во двор, посмотреть, что там творится. Слышим стрельбу, разрывы. Но во дворе никого. Только в подвале здания были еще раненые с санитаркой Машей Юмагуловой. Советуюсь с санитаром Иванычем, что делать. Но тут появились артиллеристы и успокоили:

— Вокруг вас наши пушки. Идите и работайте. Будет трудно, мы вас не бросим.

Тут подошли пехотинцы, поставили на подоконнике пулемет, на втором — противотанковое ружье. Я вернулась, успокоила всех и мы принялись за работу.

Раненых прибавлялось. Нам с Валей Савицкой приходится самим снимать со стола прооперированных и приносить новых. Дело не только в тяжести этой работы: мы неизбежно пачкаем руки и их снова и снова надо мыть щеткой, раствором. Кожа становится сизой, трескается, обдирается. Что и говорить, это приносит невыносимую боль. А работа не ждет и не кончается. Раненые не знают и не должны знать, что руки хирургов болят так же, как и их раны.

Раненых по-прежнему много — и наших, и югославов. Действуем, как заведенные, без отдыха. Правда, на помощь пришли югославские девушки и парни. Они разделились на бригады и работают по два часа как санитары.

Среди югославов оказались медсестра и акушерка. Они могли делать уколы, бинтовать, накладывать шины.

Однажды югославы принесли на носилках нашего воина с пробитой грудью и, не раздевая его, с хода — в операционную. Говорю им, что надо сначала раздеть. А они повторяют: «Братушка помог нам отогнать фашистов. Мы живы остались, а его ранило, надо на стол». Это был командир взвода 214-го стрелкового полка Борис Сергеевич Радюшкин. Прооперировали его, отправили в госпиталь. Отыскался он только через 30 лет. Пишет: жив, здоров, раны не беспокоят, помнит и благодарит своего фронтового хирурга.

20 октября 1944 года мы работали как обычно. Вечером стала слышна стрельба, небо озарилось светом. Подумали, бой приближается. Заволновались, но вбегает наш Иваныч и сообщает: «Салют! Белград освобожден от фашистов!» Все мы обрадовались, югославы обнимают нас, приглашают в гости, всем хочется привести к себе в дом хоть одного освободителя. Но мы пошли к своей активной помощнице — медичке. Она угостила кофе, вкусным обедом, виноградом.

Ф. И. ЗИНОВЬЕВ,

Герой Советского Союза,
начальник штаба дивизии,
генерал-майор в отставке

ПОД БОЕВЫМИ ГВАРДЕЙСКИМИ ЗНАМЕНАМИ

73-я гвардейская стрелковая дивизия в боях за освобождение Молдавии в апреле 1944 года участвовала в составе 3-го Украинского фронта. 11 апреля она вела ожесточенные бои за Малаешты и высоту 194,0 севернее этого села. К исходу дня сопротивление противника было сломлено и Малаешты освобождены. Его жители тепло и сердечно встретили своих освободителей. Детвора раньше взрослых вылезла из погребов и других укрытий, охотно и наперебой рассказывала нашим воинам, в каком направлении отходили фашисты, их танки и артиллерия.

Главной задачей дивизии в тот день был выход к Днестру, форсирование реки и захват плацдарма на ее правом берегу.

Подготовка к преодолению такой серьезной водной преграды, особенно в период весеннего разлива, началась в частях заблаговременно, еще на марше и в ходе боев: запасались переправочными средствами, оружием и боевой техникой, накапливали боеприпасы. Вот что писалось в очерке «На Днестре», опубликованном в армейской газете в апреле 1944 года.

«...Еще на подходе к Днестру во всех подразделениях состоялись партийные собрания. Обсуждались итоги наступа-

тельных боев и предстоящие задачи. Гвардии капитан Н. М. Михайлов, делящий с бойцами все трудности похода, не успокоился, пока не убедился, что каждый коммунист отчетливо понял свою задачу. Так, например, гвардии старший сержант Халявка заранее знал, что он ведущий в десантной группе, что его дело быть вожаком — самому грести, а на правом берегу Днестра привязать конец каната к бревну, закопать это бревно поперек в яме и бечевою тянуть лодки с пехотой.

«Героем может быть каждый», — подчеркивал Михайлов. И, выслушав пламенные его слова, коммунист Тушко сказал:

— Мы идем по пути суворовских чудо-богатырей, там, где дрались славные котовцы. Будем и мы действовать, как они, одним словом, по-гвардейски.

— А кто пойдет в десантную группу? — спросил Михайлов. Все, как один, изъявили согласие первыми быть за Днестром. Пришлось многих обидеть отказом. В десант отобрали всего 30 человек. Посчастливилось Тушко, Крикунову, комсомольцу Дзех, Сагуну, Царенко. Они с волнением ждали этого часа.

В помещение «верфи» быстрой походкой вошел Н. Яценко. Ветеран полка, четырежды награжденный орденами, раненный на Днестре, он после излечения вернулся в родной полк на марше, в разгар наступательных боев, и с первого же дня и рядовые, и офицеры почувствовали его властную волю, сталинградский стиль. Яценко всегда там, где главный нерв боя.

— Быстро людей по лодкам, — бросил он на ходу Д. И. Саломaxe.

Артиллерия еще засветло была расставлена. На открытую позицию встала одна из пушек Куксина. В саду, на скате, обращенном к реке, притаились минометы И. И. Ленскинова. Ближе к воде подошел батальон Коренькова. Пехотинцы залегли в ожидании лодок»...

В ночь на 12 апреля 211-й гвардейский стрелковый полк (командир майор Л. М. Волощук), продолжая преследовать гитлеровцев, овладел к рассвету северной окраиной села Красная Горка. 214-й гвардейский полк (командир майор Н. И. Яценко) вышел в район села Бычек. В это же время разведгруппа дивизии на подручных средствах начала форсирование реки северо-западнее села Красная Горка.

Противник в эту ночь был особо бдителен. Днестр непрерывно освещался ракетами. наших разведчиков гитлеровцы обнаружили и открыли по ним сильный огонь. Немногим смельчакам удалось достичь правого берега, чтобы вступить в смертельную схватку с превосходящими силами врага. Усилившийся артиллерийско-минометный огонь из глубины обороны про-

тивника и пулемётно-автоматный из траншеи, проходящей по правобережной дамбе реки, не только препятствовал действиям разведгруппы, но и преодолению реки подразделениями 211-го полка.

В это же время части левого соседа — 52-й стрелковой дивизии — форсировали Днестр у южной окраины села Гура-Быкулуй. Используя успех, 211-й и 214-й стрелковые полки приступили к переправе из района села Бычек в направлении Гура-Быкулуй. Проходила она при поддержке мощного артиллерийско-минометного огня, организованного командующим артиллерии дивизии полковником Василием Порфирьевичем Борисовым.

Успешному форсированию Днестра и расширению плацдарма мешали сильные фашистские гарнизоны в селах Тея, Токмодзея и Спея, расположенные в большой излучине реки на ее левом берегу. Для ликвидации этой группировки были выделены 1-й батальон 209-го полка и учебный батальон дивизии, которые к утру 16 апреля овладели селами Тея и Токмодзея, разгромили и отбросили гитлеровцев за Днестр. Фашисты оказывали упорное сопротивление и в боях за Гура-Быкулуй, и при расширении плацдарма. Они часто предпринимали контратаки силами 13-й танковой и 161-й пехотной дивизий с целью отбросить наши части на левый берег реки. Однако гвардейцы отбили все контратаки с большими для противника потерями.

Во второй половине апреля наступление дивизии было остановлено сильным огнем пяти дотов противника, расположенных западнее и северо-западнее села Гура-Быкулуй. Дивизии была поставлена задача закрепиться и вести подготовку к захвату этого мощного рубежа. Дважды ее подразделения и части при поддержке артиллерийско-минометного огня атаковали врага, но успеха не имели.

Изучая причины неудач атак, наше командование особое внимание обратило на левофланговую долговременную огневую точку, которая имела в передней стене большой выступ бетона. Используя его как укрытие, фашисты обстреливали не только наши окопы, но и местность перед фронтом остальных четырех дотов. Все это заставило штаб по-иному организовать наступление. Было решено в 211-й гвардейский полк направить начальника оперативного отделения штаба дивизии майора Н. К. Абубакирова (ныне подполковника запаса, профессора, доктора химических наук, члена-корреспондента Академии наук Узбекской ССР) для организации внезапного захвата основного дота. Абубакиров вместе с командиром полка майором Л. М. Волощуком, начальником артиллерии полка капитаном

М. Н. Тереховым решил организовать штурмовую группу по захвату левофлангового дота.

В ее состав включили снайперский расчет полковой батареи и стрелковые подразделения полка, воины которых не раз проявляли инициативу, мастерство и смекалку. Был составлен план действий, который предусматривал прямой наводкой перебить железные прутья, на которых держался бетон. Выполнение этой задачи было возложено на снайперский расчет полковой батареи.

Для 76-мм орудия была оборудована огневая позиция с укрытием. Захват дота назначили на вторую половину дня, когда у гитлеровцев был обед.

Одновременно с овладением огневой точкой план предусматривал наступательные действия на своих участках и на участках первых эшелонов 211-го и 214-го полков. По два стрелковых батальона от каждого полка по сигналу ракет и радио должны были стремительным броском захватить остальные четыре дота.

Действия начались в указанное время артиллерийско-минометным обстрелом всей обороны противника, а снайперское орудие открыло огонь прямой наводкой по своей цели. После 12 выпущенных снарядов железные прутья оказались перебитыми и бетон рухнул. Гитлеровцы, засевшие в укреплении, начали в панике разбегаться, и штурмовая группа под прикрытием артиллерии и минометов стремительным броском захватила дот и открыла из него огонь по отступающему противнику. Фашисты после потери левофлангового дота начали отходить во вторую траншею по всей полосе дивизии.

Наша артиллерия и минометы усилили огонь по отступающим, а батальоны 211-го и 214-го полков захватили все долговременные огневые точки врага. В ходе боя захватили в плен 36 солдат и офицеров неприятеля.

И тогда, и сейчас, через десятилетия, я считаю, что успех был обеспечен неожиданностью наших действий. Умело спланированный и четко проведенный бой штурмовой группы, мужество и мастерство ее воинов решили его исход в нашу пользу. Отрадно, что достигнуто это было малой кровью.

Но гитлеровцы сделали еще попытку взять реванш. В этот же день с наступлением темноты они предприняли контратаку силой до полка пехоты с танками и бронетранспортерами. Противник был встречен плотным огнем нашей обороны. Фашисты потеряли более 200 человек убитыми, 4 бронетранспортера и откатились назад.

Прочно удерживая захваченный рубеж, дивизия до 16 июля вела на плацдарме оборонительные бои, при этом уничтожилá более 800 гитлеровцев.

30 мая 1944 года в районе села Гура-Быкулуй командир 64-го стрелкового корпуса 57-й армии генерал-майор И. К. Кравцов вручил боевые гвардейские знамена дивизии, ее полкам и отдельным подразделениям. Эта высокая оценка командованием ратных дел дивизии еще больше подняла боевой дух воинов.

В середине июля соединение было снято с плацдарма и позже передано в состав 37-й армии. Мы тогда еще не знали, что завершалась подготовка Яско-Кишиневской наступательной операции и что на 3-м Украинском фронте главный удар предстояло нанести 37-й и смежным флангам 57-й и 46-й армий.

В порядке подготовки частей и подразделений к предстоящему наступлению в районе села Малаешты, как это делалось и под Белгородом, были проведены два тактических учения с боевыми стрельбами. Снова проводилась обкатка пехоты танками: пополнение, прибывшее из освобожденных районов Украины и Молдавии, не имело боевого опыта. Проводилась большая разъяснительная работа по вопросам повышения бдительности и сохранения военной тайны, а также поведения на территории иностранных государств.

За несколько дней до начала операции вся артиллерия и минометы дивизии были направлены в район копанского плацдарма. Там они получили боевую задачу и заняли огневые позиции для участия в артиллерийской подготовке.

19 августа определилась задача дивизии. Она вошла в резерв 37-й армии, получила маршрут движения за дивизиями первых эшелонов и приказ быть в готовности к отражению контратак при действиях в глубине обороны противника.

В моей памяти навсегда сохранится раннее утро 20 августа 1944 года, залпом тысяч орудий и минометов возвестившее о начале Яско-Кишиневской операции.

Хочется отметить поучительный опыт обмана противника в ходе артиллерийской подготовки, применявшийся и ранее. Примерно после часа интенсивного обстрела всей полосы обороны противника артминометный огонь был сосредоточен на его первых позициях, а затем вновь перенесен в глубину. С перенесением огня наши подразделения открыли сильный пулеметно-автоматный огонь. Выставили чучела. Раздалось громкое «ура». Гитлеровцы, прятавшиеся в укрытиях, выскочили из них и изготовились к отражению атаки. Но эта атака была ложной: наши воины остались в своих окопах, а на изготовившегося к бою врага повторно обрушился мощный шквал артиллерийско-

минометного огня. Артиллерийская и авиационная подготовка продолжалась 1 час 45 минут, нанесла врагу огромные потери и создала условия для успешной атаки нашей пехоте.

Мы были введены в бой, когда основные силы неприятельской группы армий «Южная Украина» были окружены, но еще не потеряли надежду вырваться из кольца, предпринимали мощные контратаки в разных направлениях. Цель их была ясна: прорваться к реке Прут. Несколько сильных контратак с направления Саратены — Сарата-Голбена 26—28 августа были отбиты.

Так, 26 августа в отражении контратаки врага силой более двух полков с танками и бронетранспортерами участвовали все стрелковые полки, 153-й артополк нашего соединения. Часть орудий 153-го вела обстрел с открытых позиций прямой наводкой.

Фашисты двигались колоннами за бронетранспортерами. Но первые же залпы нашей артиллерии и минометов внесли замешательство в ряды врага. Гитлеровцы были остановлены, а затем обращены в бегство. Только в этом бою части дивизии уничтожили более 1000 фашистских солдат и офицеров, захватили 20 орудий и минометов, подбили 6 бронетранспортеров.

Всего за период наступательных действий в Яско-Кишиневской операции дивизия уничтожила свыше 2900 солдат и офицеров, 15 танков и штурмовых орудий, 6 бронетранспортеров и много другой боевой техники противника. Были захвачены в плен 703 фашиста и взяты трофеи — 20 орудий, 7 танков, склады с военным имуществом¹.

На второй день после отражения той памятной контратаки дивизии было приказано готовиться к форсированному маршу в город Измаил, где вновь поступить в распоряжение 57-й армии. К исходу 30 августа она прибыла к новому месту назначения. Стало ясно, что нам предстоит принять участие в освобождении от фашистских оккупантов Румынии и Болгарии.

¹ Центр. архив МО СССР, ф. 1212, оп. 1, д. 45, лл. 11—14.

БЕЗЗАВЕТНАЯ ОТВАГА

ГАЗЕТНАЯ СТАТЬЯ О ГЕРОЕ СОВЕТСКОГО СОЮЗА МАХАШЕ БАЛМАГАМБЕТОВЕ

Конец сентября 1943 г.¹

Из седой дали времен доносятся голоса батыров Казахстана, призывающих к мужеству и стойкости. «За честь пожертвуй душой», — говорят они. Так понял свой долг перед Родиной и сын знатного хлопкороба Махаш Балмагамбетов.

Махаш смел и дерзок. Своим бесстрашием он не раз воодушевлял отделение.

Бойцы полюбили храброго командира, с ним они смело идут на врага и побеждают.

...Стояла темная ночь. Дул резкий ветер. Отделение переправлялось на правый берег большой реки². Утлую лодчонку захлестывало волнами, над головой свистели вражеские пули, но гвардейцы, ведомые отважным командиром, с ходу форсировали реку и смело устремились на врага.

На рассвете над рекой раздалась страшная канонада. В дымных завесах потонули береговые кручи. Махаш со своим отделением, укрывшись в прибрежных валунах, отбивал одну контратаку за другой. Противник бросил в бой до 500 автоматчиков.

Круглые сутки длился этот ожесточенный бой. На маленьком клочке земли решался исход битвы за большой плацдарм. Несколько раз подходили гитлеровцы к окопу, где засело отделение, но рубеж гвардейцев был неприступен.

Успешно отбив все контратаки гитлеровцев, Махаш поднял в атаку своих воинов и стремительно ворвался в населенный пункт. На окраине села³ завязалась горячая схватка. Пулеметным огнем враг пытался преградить путь нашим стрелкам. Махаш подкрался ночью к дому, откуда немцы вели огонь, и метнул противотанковую гранату в окно. Дом рухнул, похоронив под своими обломками гитлеровских пулеметчиков.

На другой день противник, стянув авиацию и танки, вновь пытался отбросить наших бойцов за реку. Но верные друзья стойко держались. На поле боя чернели десятки трупов немец-

¹ Датируется по времени события.

² Речь идет о форсировании Днепра.

³ Село Бородаевка.

ких солдат, и среди них был фашистский офицер, которого Махаш застрелил в упор, когда тот пытался ворваться в траншею.

Родина высоко оценила подвиги колхозника Махаша Балмагамбетова, верного сына казахского народа. В Кремле ему вручили орден Ленина и Золотую Звезду Героя Советского Союза.

А. Владимиров,
действующая армия.

«Казахстанская правда», 1944, 7 ноября.

У К А З

ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА КАЗАХСКОЙ ССР О НАГРАЖДЕНИИ ГРАМОТОЙ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА КАЗАХСКОЙ ССР ВЫСШЕГО ОФИЦЕРСКОГО, СЕРЖАНТСКОГО И РЯДОВОГО СОСТАВА КРАСНОЙ АРМИИ

6 октября 1943 г.

За образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом доблесть и мужество наградить Грамотой Верховного Совета Казахской ССР:

1. Гвардии сержанта Аслгожаева Мажита
2. Гвардии ефрейтора Абишева Кадыма
3. Гвардии красноармейца Ауганбаева Амрали
4. Гвардии красноармейца Алимбаева Алимбека
5. Гвардии красноармейца Ашерембетова Белесара
6. Гвардии старшего сержанта Бургожаева Малика
7. Гвардии старшего сержанта Бибасунова Дашена
8. Гвардии красноармейца Буроханова Фазыла
9. Гвардии красноармейца Будып Хамита
10. Гвардии красноармейца Бейсенова Рамазана
11. Гвардии красноармейца Букашева Сардыбека
12. Гвардии красноармейца Байкадырова Ишана
13. Гвардии майора Воронова Алексея Григорьевича
14. Гвардии майора Вечкутова Дмитрия Семеновича
15. Лейтенанта медицинской службы Глушковскую Надежду
16. Гвардии подполковника Давиденко Василия Ивановича

17. Гвардии младшего сержанта Джуматаева Сергали
18. Гвардии красноармейца Джалгасова Османа
19. Гвардии красноармейца Есетова Калита Мухаметкалиевича
20. Гвардии капитана Замыслова Александра Ивановича
21. Гвардии майора Замостьяна Ивана Андреевича
22. Гвардии красноармейца Исмаилова Мухамеджана
23. Гвардии красноармейца Имашева Каргазы
24. Гвардии майора Карамышева Виктора Павловича
25. Гвардии красноармейца Курмашева Айткали
26. Гвардии полковника Колесника Алексея Петровича
27. Гвардии полковника Козака Семена Антоновича
28. Гвардии красноармейца Кыясова Азулы
29. Гвардии старшего лейтенанта Миналина
30. Гвардии красноармейца Муканова Жумабая
31. Гвардии полковника Молчанова Петра Семеновича
32. Гвардии подполковника Овсянникова Александра Даниловича
33. Гвардии капитана Романова Федора Матвеевича
34. Гвардии генерал-майора Сафиуллина Гани Бекиновича
35. Гвардии красноармейца Сипаталова Ибага
36. Гвардии младшего сержанта Сайрамбаева Кутмана
37. Гвардии красноармейца Сурганова Капара Малашевича
38. Гвардии младшего лейтенанта Ткаченко Ивана Григорьевича
39. Гвардии красноармейца Турабенова Сарсена
40. Гвардии красноармейца Телибельдиева Ауельбека
41. Гвардии красноармейца Такпанбетова Касена
42. Гвардии красноармейца Танбаева Нигмета
43. Гвардии красноармейца Ундишенова Ураза
44. Гвардии красноармейца Хатамова Зулдала
45. Гвардии старшего сержанта Чингисбаева Хамбека

**Заместитель Председателя Президиума
Верховного Совета Казахской ССР**

И. Лукьянец

**И. о. секретаря Президиума Верховного
Совета Казахской ССР**

С. Нурмагамбетов

Гор. Алма-Ата, 6 октября 1943 г. «Казахстанская правда», 9 октября 1943 г.

**ВЫСТУПЛЕНИЯ
ВОИНОВ ДИВИЗИИ, ОПУБЛИКОВАННЫЕ
В НОМЕРЕ КРАСНОАРМЕЙСКОЙ ГАЗЕТЫ
«ЗА НАШУ ПОБЕДУ», ПОСВЯЩЕННОМ
ПРИБЫТИЮ НА ФРОНТ ДЕЛЕГАЦИИ
ТРУДЯЩИХСЯ КАЗАХСТАНА**

30 ноября 1943 г.

РАДОСТНАЯ ВСТРЕЧА

В нашу часть прибыла делегация трудящихся Казахстана, возглавляемая заместителем Председателя Президиума Верховного Совета Казахской ССР тов. Ермагамбетовой Шекер.

На небольшой площадке выстроился почетный караул. Делегацию встречает с рапортом командир части.

На торжественном собрании офицеров и рядовых, посвященном приезду делегации, с отчетом о боевом пути части выступил ее командир, который доложил о том, как гвардейцы выполняют наказ народа и бьют ненавистного врага.

Тов. Ермагамбетова и члены делегации гг. Сабралиев, Аширов, Алимкулов, Байрамкулов, Еркин, Чумбалов, Парсина и Лобачевская рассказали собравшимся о героической работе трудящихся Казахстана, которые изо дня в день увеличивают помощь фронту, самоотверженным трудом в тылу приближают час полной победы над ненавистным врагом.

— Бейте крепче немецких захватчиков, очищайте родную землю от фашистской мрази, — говорили в своих выступлениях делегаты, — а мы, работники советского тыла, дадим вам все необходимое для разгрома врага...

Делегаты привезли бойцам и офицерам подарки от трудящихся Казахстана.

БЬЮ ВРАГА ПО-ГВАРДЕЙСКИ

— Если враг упорствует, то сделай так, чтобы он захлебнулся в собственной кровавой пене, — сказал герой моего народа Махамбет.

Так я и делаю. Однажды со своим отделением я сутки отбивал многочисленные контратаки гитлеровцев, а когда их силы иссякли, я поднял своих бойцов, опрокинул немцев и ворвался в населенный пункт. Здесь я лично уничтожил несколько врагов и в том числе офицера.

Буду и впредь уничтожать немцев, как бешеных собак.

М. Балмагамбетов.

УМНОЖАЮ СЛАВУ СОВЕТСКОГО ОРУЖИЯ

Уезжая на фронт, я дал своему казахскому народу слово — беспощадно мстить ненавистным врагам — гитлеровцам, не жалеть своей жизни для достижения победы, умножать славу непобедимого советского оружия.

Об этой клятве я всегда помню, и это вдохновляет меня в бою. Горжусь, что сегодня я могу рапортовать своим землякам о моих боевых успехах.

За наступательные бои мой расчет уничтожил свыше 10 немецких танков, автомашину, самоходное орудие, 3 дзота и 2 блиндажа.

Наводчик *А. Аугамбаев*.

ВЗЯЛИ «ЯЗЫКА»

Узнав о приезде к нам делегации казахского народа, я решил отметить этот день чем-либо значительным, как полагается гвардейцу.

Получив боевое задание, я собрал своих разведчиков и сказал им: «Порадуем наших дорогих гостей боевым успехом...»

Ночной поиск нам удался. Достигнув немецких окопов, мы смело навязали гитлеровцам бой, уничтожили 10 фрицев, крупнокалиберный пулемет и захватили «языка».

— Вот и отлично, товарищи, — сказал я своим разведчикам, — мы сможем теперь показать нашим гостям фрица образца 1943 г.

Герой Советского Союза,
гвардии мл. лейтенант
А. Отставнов.

Красноармейская газета «За нашу победу»
№ 218 от 30 ноября 1943 г. Действующая
армия.

ИСТОКИ СЛАВЫ

ГАЗЕТНАЯ СТАТЬЯ
О ГЕРОЕ СОВЕТСКОГО СОЮЗА
В. А. ЗАСЯДКО

28 декабря 1943 г.

Из далекого тыла на фронт шел поезд, и в одном из вагонов, под стук колес, лейтенант Владимир Засядко читал молодым войнам лекцию о минометах.

Иногда Владимир забывал, что он теперь командир Красной Армии, едет на фронт воевать с немецко-фашистскими оккупантами, что под его началом будут драться десятки и сотни бойцов, что от его умения и воинского мастерства будет зависеть успех, победа... Ведь совсем недавно это было... Алма-Ата. Дом на углу Советской и Фурманова — это школа № 28, где провел много лет Владимир.

Потом горно-металлургический институт, юношеские мечты о будущем...

А теперь суровая действительность призвала его к службе Родине, и былые мечты о походах, о трудной солдатской жизни станут действительностью.

...Батальон занял боевой рубеж, молодой лейтенант был назначен его командиром. Он едва успел принять батальон, как противник навязал ему бой. Об этой первой встрече с немцами Засядко рассказывает скупо и коротко.

— На боевые порядки батальона шло до 80 танков противника. Батальон выстоял, не уступил врагу ни одной пяди нашей земли. День и ночь минометчики Владимира Засядко посылали свои мины в стан врага, выслеживали немецкие пулеметы и пушки, блиндажи и дзоты и накрывали их.

Сталинград... Там получил первое ранение командир Засядко. За Волгу, за донские степи пролил он кровь свою. И яростнее стала его ненависть к врагам, и неугасимее желание мстить за все.

Пробыв полтора месяца в госпитале, Владимир однажды ушел, якобы на прогулку, и больше не вернулся. Через несколько дней он уже был в своем подразделении.

Минувшим летом гвардии старший лейтенант, начальник артиллерии Н-ского стрелкового гвардейского полка Владимир Алексеевич Засядко вступил на украинскую землю. Он храбро и умело сражался за Харьков, Мерефу, Красноград и десятки других городов и населенных пунктов Украины. Сентябрьскими сумерками полк дошел до Днепра. Понтонов не было, о мостах через Днепр можно было только мечтать, а полковая артиллерия должна была во что бы то ни стало переправиться на правый берег. Командир исчезал, снова появлялся и снова исчезал. Наконец, выход был найден. Засядко нашел лодки, обычные рыбацьи лодчонки. Лодка к лодке, на них доски, на доски — пушки, и в путь! Получился своеобразный плот на лодках. Артиллеристы отчалили и скрылись в темноте. Рядом на гладь воды сыпались вражеские снаряды и мины. Днепр вздрагивал и содрогался, но пушки Засядко молчаливо плыли к правобережной земле. Вот и берег, Бойцы стали вытаскивать

пушки на себе. Это была трудная, казалось, даже сверхчеловеческая работа. Но всеми действиями бойцов руководил старший лейтенант Засядко. Он сам тащил пушки, командовал, и орудия были установлены на твердой земле, приведены в боевой порядок. Они заговорили.

Много дней у Днепра шли жестокие бои. Без отдыха работала артиллерия, которой командовал Владимир Засядко. Его пушки били в глубь вражеской обороны, прямой наводкой по немецкой пехоте и танкам.

Однажды на наши боевые порядки шло 18 «пантер» и 8 «тигров». Некоторым из них удалось пробиться сквозь наши передовые цепи.

— Дальше нельзя их пускать ни на шаг, — решил про себя офицер. Он стал у орудия и выстрелил. «Тигр», шедший на Засядко и его артиллеристов, остановился и задымил. Фрицы выскочили из пылающего танка. Тем временем к огневой позиции шел другой «тигр». Снова Засядко целится и стреляет, и снова горит фашистская броня... В этом бою, жестоком и неравном, артиллеристы Засядко сожгли 4 «тигра» и несколько «пантер». Рубеж на правом берегу был удержан, контратаки врага отбиты.

Дни и ночи шли упорные бои за удержание плацдарма на правом берегу Днепра. Гвардейцы отбивали одну яростную контратаку за другой. И вот случилось так, что у артиллеристов больше нечем воевать — пушки вышли из строя.

— Что ж теперь будем делать, товарищ командир? — спросили у Засядко бойцы.

— Воевать, — коротко ответил командир.

— Будем стрелять из автоматов и винтовок?

— Будем стрелять из автоматов и винтовок, — продолжил мысль бойца командир, — чтобы захватить у врага пушки.

С группой разведчиков и артиллеристов Засядко направился в тыл врага. Бесшумно подошли смельчаки к двухорудийной тяжелой немецкой батарее. По сигналу Засядко они открыли из автоматов огонь по прислуге орудий. Потом быстро осмотрели их, повернули в сторону врага. Несколько минут пошло на изучение устройства и, наконец, первый выстрел из вражеских орудий по врагу!

Неутомимо действовал гвардии старший лейтенант Засядко. Он выполнял роль и командира, и наводчика, и заряжающего. Все 95 тяжелых немецких снарядов, что были захвачены на батарее, полетели в бегущих немцев...

Молодой инженер-металлург из Казахстана прошел славный боевой путь и достиг высшей воинской славы.

На его груди сияют награды правительства — медаль «За боевые заслуги», орден Красного Знамени, медаль «За оборону Сталинграда», а ныне прибавилась медаль «Золотая Звезда» и орден Ленина, полученные им в связи с присвоением высокого звания Героя Советского Союза...

Сейчас, когда пишутся эти строки, слышна артиллерийская канонада. Вьют пушки Героя Советского Союза Владимира Засядко, прокладывающие советским пехотинцам путь на запад.

М. Верниковский,
гвардий старший лейтенант.

«Казакстанская правда», 1943, 28 декабря.

**ПРИВЕТСТВЕННОЕ ПИСЬМО
КОМАНДОВАНИЯ ДИВИЗИИ
ТРУДЯЩИМСЯ КАЗАХСТАНА
ПО СЛУЧАЮ ПРАЗДНОВАНИЯ 1 МАЯ**

1 мая 1944 г.

В день 1 Мая бойцы, сержанты и офицеры стрелковой Сталинградской гвардейской дивизии шлют своим землякам, трудящимся Казахстана боевой гвардейский привет.

С чувством законной гордости оглядываемся мы сегодня на пройденный нами путь. Можем доложить казахскому народу, что в дни наступательных боев весной этого года гвардейцы не посрамили своего знамени.

В тяжелейших условиях, наступая в пургу, в распутицу, шли мы с боями вперед, ничто не могло остановить нашего победоносного движения.

На руках, увязая в грязи, перетаскивая орудия, машины, боеприпасы, мы всегда были готовы принять бой и гнали врага, уничтожая его живую силу и технику.

Свыше 400 км с боями прошли мы вперед за дни весеннего наступления.

Позади остались Ингул, Буг, Днестр. Всюду, настигая противника, с ходу наши полки форсировали эти водные преграды.

Сейчас мы ведем тяжелые бои на правом берегу Днестра, на земле родной Бессарабии. По своей остроте бои за расширение плацдарма не уступают беспримерным боям у Днепра. Немцы сопротивляются с ожесточением обреченных. Дни и

ночи гремит канонада над днестровскими кручами, враг еще бросается в контратаки. Но твердо стоят гвардейцы, верные своей традиции, и то, что завоевано, — то свято.

Не сегодня-завтра мы вновь пойдем вперед, к нашей государственной границе — реке Прут, чтобы перевести войну на территорию противника и разгромить его армии.

Да здравствует великий советский народ, его героическая Красная Армия и доблестный Военно-Морской Флот, успешно изгоняющие фашистских извергов из пределов нашей Родины!

Да здравствует нерушимая дружба народов нашей страны!

По поручению личного состава гвардейской стрелковой Сталинградской дивизии: командир гвардейской стрелковой Сталинградской дивизии гвардии генерал-майор *Козак*, начальник политотдела гвардейской стрелковой Сталинградской дивизии гвардии подполковник *Воронов*.

Сб. «Казахстан в период Великой Отечественной войны Советского Союза», т. 2.
Алма-Ата, 1967, с. 377—378.

V

**ЗА ОСВОБОЖДЕНИЕ
НАРОДОВ
ЗАРУБЕЖНЫХ
СТРАН**

Б. С. РАДЮШКИН,
командир взвода 214-го полка

ВПЕРЕДИ БАЛКАНЫ

Конец августа 1944 года. Завершена ставшая всему миру известной Ясско-Кишиневская операция. В полк влилось новое пополнение, и мы в составе головной походной заставы (ГПЗ) совершили форсированный марш по Румынии. Позади осталась переправа через Дунай у Измаила и Тулчи. Надо было не дать противнику оторваться и закрепиться на выгодном для обороны рубеже.

Шли пехотинцы и день и ночь. И вот разведчики лейтенанта В. П. Сивцова подают знак «остановить движение». Мы подошли к пограничной заставе на румыно-болгарской границе. Вскоре сюда прибыли офицеры штаба полка.

Задача ГПЗ — обеспечить подход и развертывание в боевой порядок 2-го батальона. Стрелковая рота гвардии старшего лейтенанта Рябинина, усиленная пулеметным взводом старшего лейтенанта Самигуллина и минометным взводом лейтенанта Ковалева, получила приказ скрытно достичь границы, быть в готовности огнем обеспечить ввод в бой батальона старшего лейтенанта Бойко. Но кого атаковать?

Разведчики доложили, что немцев перед нами нет, погранзаставы румын и болгар несут службу в ранее установленном режиме. Рекогносцировочная группа офицеров батальона под прикрытием стрелкового отделения, минометного и пулеметного расчетов скрытно выдвинулась к границе. Вышла она в на-

значенное место так внезапно, что вызвала немалое удивление румынских пограничников.

Преодолев минутную растерянность, пограничники-румыны встретили нас радушно, угостили завтраком. Один кадровый служака даже охотно продемонстрировал четкость исполнения команд строевой выучки с карабином: «Ластынга!», «Ля-дряп-те!». Они соответствовали нашим «Нале-во!» и «Напра-во!»

Интересно было видеть бывших наших противников — солдат королевской румынской армии, добродушно демонстрирующих строевую выучку. Вот ведь как бывает на войне! Но не менее интересно было смотреть и на пограничный, такой мирный полосатый столб с почти русским написанием БЪЛГАРИЯ и государственный флаг царской Болгарии.

Проведя рекогносцировку и выбрав позиции стрелковым, пулеметному и минометному взводам, офицеры вернулись в свои подразделения. Позже, приняв горячую пищу, гвардейцы в сопровождении проводников из бойцов группы прикрытия скрытно заняли боевые позиции и замаскировались. Сделали это так тщательно, что прибывший на румынскую заставу болгарский пограничник ничего не обнаружил.

Ночь на границе Румынии и Болгарии прошла спокойно. Даже не верилось, что идет война, что впереди нас еще ожидают жестокие бои.

Рано утром следующего дня, после завтрака, политработники подразделений разъяснили воинам цели и задачи предстоящей освободительной миссии наших войск в Болгарии. Зачитали приказ командования, в котором сообщалось, что Советское правительство объявляет царской Болгарии войну ввиду того, что на ее территории находятся гитлеровские войска и правители этой страны помогают им.

С восходом солнца утром 8 сентября 1944 года пошли колонны прославленного 4-го гвардейского механизированного корпуса генерала В. И. Жданова. Они первыми вступили на территорию Болгарии. При этом болгарскими солдатами не было сделано ни одного выстрела.

Наступил и наш черед. Походные колонны гвардейцев шли мимо полосатого столба и следом за стремительно умчавшимися механизированными колоннами начали свой освободительный поход. Братский славянский народ с исключительной теплотой и сердечностью, хлебом и солью встречал своих освободителей.

З. Э. СУСТРИНА,
связистка 153-го полка

МЫ В БОЛГАРИИ **(Из военного дневника)**

Мы — это наша 73-я гвардейская Сталинградская стрелковая дивизия, наш арtpолк, наш дивизион, в котором я служила связисткой.

После недавних тяжелых боев за освобождение Молдавии мы уже несколько дней не слышим выстрелов, не видим убитых людей. Быстро пересекли Румынию от города Тулча до южной границы и 6 сентября 1944 года дошли до границы Болгарии. Еще не было ясно, будем мы воевать с Болгарией или пройдем маршем через нее на помощь сражающейся Югославии.

Вопрос решился неожиданно: с Болгарией будем воевать. Мы все недоумевали. Но наш парторг А. Юдин объяснил, что такое решение принято Правительством СССР потому, что реакционное царское правительство страны было заодно с немецкими оккупантами и что нам предстоит изгнать гитлеровских фашистов из страны, помочь в этом болгарским партизанам и силам Отечественного фронта...

На границе стоят высокие деревянные вышки, на вышках — румынские пограничники.

8 сентября. Яркое солнечное утро. Вокруг нас желтые кукурузные поля, а далеко-далеко впереди синеют в густой дымке горы. Прозвучала команда, и полк двинулся в Болгарию.

Вот первое болгарское село. Население высыпало на улицу, смотрит на нас с любопытством, приветствует. Наши машины с орудиями остановились по команде, бойцы слезли с них и смешались с толпой. Ко мне подошел старый болгарин в широкополой соломенной шляпе и на очень понятном для меня языке спросил — будут ли русские бить и грабить их. Видимо, противник пугал жителей советскими солдатами. Наши ребята заметили, что девушек-болгарок в толпе не было. Значит, болгары опасались нас. Так мы воочию убедились в справедливости напоминаний политработников о том, что от нашего поведения зависело отношение народа к Красной Армии и, следовательно, к СССР.

Стремительно продвигаемся вперед. Дороги хорошие, села нетронутые. Ясно, что боев здесь не было. С обеих сторон дороги раскинулись виноградники, фруктовые сады, баштаны. Если даже останавливаемся, то ничего не берем — а так хочется арбуза! Хорошо, если оказываются сторожа, они для нас срывают горы арбузов. На стоянках в поселениях наши колонны обступают местных жители. Стали появляться среди них и девушки, молодые женщины. Значит, все части, прошедшие раньше нас, оставили о себе добрую репутацию.

И вот первый на нашем пути город — Нови-Пазар. Красивые здания, народ приветствует нас, в машины летят цветы, все улыбаются. Очень хочется походить по такому мирному городу и съесть мороженое (его продавали около магазинов, я сразу заметила это, как только въехали на главную улицу). Рядом сидящие бойцы тоже засмотрелись на прилавки с мороженым. Нет, лучше не заезжать в такие места: начинаешь чувствовать, как ты устала от войны и как хочется домой.

Город проехали без остановок и вскоре прибыли на железнодорожную станцию Каспичан. Здесь нас тоже встречали тепло, угощали яблоками, виноградом.

По дороге встречаются группы болгарских солдат, они идут по домам радостные и кричат нам: «Война конец!» Узнаем, что 9 сентября в Болгарии произошло вооруженное восстание. Во главе страны — народное правительство!

Марш-поход по Болгарии продолжается. Части дивизии и наш артполк движутся на юго-запад к городам Смядово, Карнобат. 14 сентября мы остановились около небольшого городка Янково, захотелось побродить по нему. Я и двое связистов получили разрешение пойти в город.

В этот день он был оживлен, на его улицах было много девушек-гимназисток в шерстяных темных костюмах. Одна из них подошла ко мне, показала в сторону трехэтажного дома и

сказала, что там теперь по вечерам бывают танцы и что они приглашают русских повеселиться с ними. Я спросила, нравятся ли им наши ребята, и все девушки, стоявшие около нас, весело закивали головами, а одна из них добавила, что все они очень хотят посмотреть Москву.

За несколько дней мы научились понимать язык болгар. Нам казалось, что он похож на старо-русский, перемешанный с украинским.

Многие улицы были украшены красными полотнищами, на одном из них мы прочли: «Хай живе Сталин и Советский Союз!» На оградах висели ковры.

Прошло еще несколько дней. Наши части вновь на марше, но движемся теперь в западном направлении, по северным склонам Балкан к границе Югославии. Уже прошли город Шумен. Здесь, как и всюду, обращенные к нам ласковые, дружелюбные, радостные улыбки, теплые слова. Все это очень трогало нас.

Впереди Шипкинский перевал, на котором стоит памятник русским и болгарским воинам, около семидесяти лет тому назад погибшим за освобождение Болгарии от турецкого ига. Специальная делегация дивизии возложила венки и цветы к подножию этого памятника боевой славы русского и болгарского оружия.

Вот и город Габрово. Тогда мы еще не знали, что он славится шутками и смехом. У болгар почти нет кожаной обуви, вся обувь на деревянной подошве. Они говорят: «Немцы заставили нас делать подошвы из дерева, а кожу увезли к себе в Германию». В Габрово состоялась очень теплая и дружеская встреча делегации нашего полка с рабочими местного предприятия.

В городе Троян у нас был большой привал, дневка. При въезде в него установлена деревянная арка, украшенная гирляндами цветов, флагами и большим портретом Сталина. Мы говорим с молодежью, которая задавала нам вопросы о жизни в Советском Союзе, о Москве. Болгары говорили, что они ненавидят гитлеровцев и с нетерпением ждали советских воинов.

В село Болгарски-Извор приехали вечером и стояли там целый час. Вечер был прохладный. Мы со связистами Павлом Зинченко и Касымом Зайтовым, надев шинели, спустились с машин и сразу оказались в окружении болгарских девчат. Они звали нас в гости. Принять приглашение мы не могли и предложили вместе погулять по улицам. Тут же узнаем, что гулянье по-болгарски называлось «расходка». Рядом со мной шли две Марии, Цветойка, Невелька, Воскресенка — так звали девушек. Я им рассказывала про родную Астрахань, про Волгу, а они

читали на своем языке стихи Пушкина и Лермонтова. Девушки рассказали про свою комсомольскую организацию, которая во время оккупации работала в подполье. На прощанье мы обещали не забывать друг друга.

25 сентября. Село Добревци. Здесь наши машины с орудиями остановились. Как всегда, моментально люди обступили нас, преподносят цветы, фрукты, сигареты. Идут дружеские разговоры, смех, шутки.

И вновь команда: «По машинам!» Около автомобиля маленькая девочка держала тарелку с яблоками. Она настойчиво угощала нас. Поцеловав ее, мы быстро забрались в кузов — и опять в дорогу.

Во время очередной остановки мимо нас прогромыхали несколько наших танков, на башнях которых был изображен белой краской медведь. В дни войны все боевые части имели свои эмблемы, нарисованные на орудиях, машинах, бричках, танках. По ним мы с радостью узнавали знакомые по совместным боям и походам части. Свою эмблему из двух букв «СТ» — от слова Сталинград — имела и наша дивизия. Танкисты прокричали нам что-то задорное, мы им в ответ: «Братушки! Славяне! Даешь!» Это болгары называли нас братушками, и всем нам это нравилось.

Через некоторое время мы трогаемся в путь, вскоре донеслись звуки орудийной стрельбы. Давно не слышанные звуки. Лица солдат посуровели. Впереди шел бой. Наши машины увеличили скорость.

Минут через двадцать мы увидели следы танковой схватки. Слева от дороги поле было исковеркано гусеницами. Невдалеке у кустов стояло разбитое гитлеровское штурмовое орудие «фердинанд», а рядом с ним дымилась наша «тридцатьчетверка» со знакомым белым медведем на башне. Вот так мы снова вернулись в войну. Произошло это у Враца — города на северо-западе Болгарии. Он приветливо встретил нас. Когда мы проезжали мимо виноградной лавки, парень-продавец изловчился и бросил в нашу машину ящик с виноградом.

Проехав, мы остановились на станции Бели-Извор, в 11 километрах от города. На следующий день четверо из нашего дивизиона получили разрешение на посещение Враца: Зина Иванова — санитарструктор дивизиона, топографы Родионов, Гудник и я. С попутной машиной мы быстро добрались до города. Первое, что мы сделали — посетили музыкальный магазин. Но как только вошли в него, сюда же повалил народ. Один болгарин попросил аккордеон и, улыбаясь, начал играть «Дунайские волны» Штрауса. Нам жали руки, угощали чем-то,

спрашивали о чем-то, а мы отвечали. Такая встреча ошеломила. Оказывается, мы были первыми советскими солдатами в этом городе. Где бы только мы ни останавливались, вокруг тотчас же образовывался круг людей. Они спрашивали про Москву, про наших матерей и отцов и сколько нам лет. Мы старались всем отвечать. Пожилой болгарин спросил — где мы воевали, а когда один из нас сказал, что мы воевали в Сталинграде, раздались восторженные возгласы: «Сталинград!» А толпа обступала еще плотнее, люди с любопытством осматривали, обнимали нас. Мы поняли, что о сталинградских боях хорошо знали и в Болгарии.

Прошло несколько дней, и наша часть оказалась в горном селе Калугер, в 9 километрах от города Белоградчик, на севере Болгарии. Нас, связистов-разведчиков, старшину Григория Василенко, Касыма Зайтова и меня, — поселили в одном из домов на краю села. Хозяева были бедными, многодетными. Мы видели, как скудно они питались. На завтрак, обед и ужин неизменно — понемногу хлеба, винограда и сыра. Несмотря на это, они радушно угощали нас при встрече. Вечером мы устроили с ними общий ужин, присоединив к их рациону наш сытный солдатский паек. За столом разговорились с хозяином, высоким, худым, похожим на кавказца болгаринном. Он рассказал, что имеет два гектара земли, на которой — одни камни. Поэтому семье трудно приходится. Ранее он был в эмиграции и 12 лет гнул спину на плантациях Аргентины, но так и не разбогател. Вернулся на родину. Он надеялся, что после войны народная власть поможет им подняться на ноги.

Дома у него на стене висела географическая карта мира, и хозяин, подойдя к ней, восхищенно говорил о нашей стране, о ее больших просторах. Улыбаясь, говорил: «Россия — великая страна, наша спасительница».

Через два дня мы были в городе Кула, где уже располагались части нашей дивизии. Рядом — граница с Югославией. Там, в горах, идут бои.

Н. И. ЯЩЕНКО,

Герой Советского Союза,
генерал-майор в отставке

ДРУЖБА, РОЖДЕННАЯ В БОЯХ

Сокрушительное поражение немецко-фашистских войск и их союзников в Яско-Кишиневской операции в августе 1944 года создало благоприятные условия для выхода советских войск на Балканы. После освобождения Румынии и Болгарии перед Советской Армией открылась возможность оказать непосредственную помощь героическому югославскому народу, более трех лет ведущему тяжелую борьбу за свою свободу и независимость. Бои за освобождение Восточной Сербии и столицы Югославии — Белграда — характерны тем, что положили начало содружеству армий наших стран.

Наступление 57-й армии осуществлялось через массив Восточно-Сербских гор с выходом в долину реки Морава и последующим развитием удара на Белград с южного и юго-восточного направлений. Действовали наши войска совместно с частями 1-го Пролетарского и 12-го ударного корпусов, объединенных в 1-ю югославскую армейскую группу генерала Пеко Дапчевича.

73-я гвардейская стрелковая дивизия по приказу командующего 57-й армией вошла в оперативное подчинение командира 4-го гвардейского механизированного корпуса генерал-лейтенанта В. И. Жданова и действовала в составе главной группировки на белградском направлении.

214-й полк, которым в то время мне довелось командовать, составлял усиленный передовой (в последующем подвижной) отряд дивизии. 6 октября полк перешел болгаро-югославскую границу в районе Киреево и начал наступление в направлении города Княжевац. Первым вперед двинулся 2-й батальон капитана В. Г. Онуфриева, которому была поставлена задача выбить противника из пограничного села Вратарница, закрепиться в нем и удерживать до подхода главных сил. Еще в ущелье, при выдвижении к селу, батальон встретили югославские партизаны, которые показали расположение минных полей, рассказали о составе вражеского гарнизона и его огневых точках. К тому времени возвратилась и посланная на разведку группа сержанта Т. М. Морозова, в состав которой входили кроме наших бойцов партизаны Милан Ковачевич и Драго Николич.

Разведчики доложили о движении со стороны Княжеваца на Заечар колонны гитлеровцев на 40 автомашинах.

Батальон с ходу развернулся в боевой порядок и стремительной атакой выбил немцев из Вратарницы, а подходившая вражеская колонна была рассеяна и частично уничтожена. Наши подразделения овладели господствующими высотами севернее города Княжевац, надежно прикрыли левый фланг армии, отрезав тем самым с юга заечарскую группировку врага, и лишили возможности усилить ее за счет войск, отходящих из Греции.

Жители села за полкилометра вышли встречать освободителей. Крестьяне преподносили нам хлеб-соль, цветы, подарили югославский флаг со звездой и вышитую скатерть со словами «Смерть фашизму — свобода народу!» и «Добре дошли, освободители». В дружеских беседах, завязывавшихся там и тут, рассказывали о тяжелой жизни во время фашистской оккупации, восхищались нашей боевой техникой и оружием, а еще больше нашими солдатами. В тот же день в районе Шуман-Гонда мы установили связь и наладили взаимодействие с 20-й и 23-й пехотными бригадами 45-й дивизии Народно-освободительной армии Югославии (НОАЮ). В последующем, сдав боевой участок 1-му гвардейскому укрепленному району, полк и вся дивизия через Заечар, Слатину, Жагубицу ускоренным маршем преодолели Восточно-Сербские горы и вышли к реке Морава. Вместе с частями механизированного корпуса полк по захваченному мосту переправился на западный берег и через Велику-Плану подошел к городу Младеновац.

Путь был нелегким. Но ни непрерывные дожди, ни отсутствие хороших дорог, ни крутые склоны гор не могли снизить темпов марша, ибо впереди была большая цель — Белград. Многие значила и помощь местного населения. Жители поселков Паланка, Глибовац, Кусадак, Ковачевац добровольно вышли на расчистку дороги. Югославские крестьяне выделили во временное пользование более 100 пар быков и подпрягали их в транспортные и артиллерийские упряжки.

Преодолев вместе с 1-й Пролетарской дивизией НОАЮ сопротивление врага в районе горы Авала, главные силы 4-го гвардейского механизированного корпуса и 214-й стрелковый полк, усиленные двумя артполками и противотанковым дивизионом, к утру 14 октября вышли к южному пригороду Белград — Банице. Особую роль сыграло то, что по приказу командира дивизии генерала С. А. Козака был создан автомобильный отряд из 40 автомашин. На них авангард полка — 3-й стрелковый батальон — мог следовать вместе с танкистами и

мотострелками. Вечером того же дня, 14 октября, 214-й полк, 36-я танковая бригада и части 1-й Пролетарской дивизии после короткой артподготовки начали штурм Белграда.

События развивались быстро. 15 октября подошел и вступил в бой 211-й стрелковый полк подполковника Л. М. Волощука. В боевом содружестве с 13-й гвардейской механизированной бригадой и батальонами 6-й Пролетарской Ликской дивизии НОАЮ полковника Джока Йовановича он завязал борьбу за главный железнодорожный вокзал. 209-й стрелковый полк подполковника П. В. Сергеева в это время в районе Велика Плана на реке Морава отражал атаки противника, пытавшегося вырваться из окружения и пробиться на запад. По этой причине 209-й вступил в борьбу за Белград только 17 октября и действовал совместно с 11-й Боснийской ударной дивизией НОАЮ полковника Милоша Шелеговича в юго-западной части города, в районе Чукарица. В двухдневных напряженных боях советские и югославские войска при поддержке авиации и Дунайской военной флотилии освободили большую часть столицы Югославии.

В период боев за Белград советское командование проявило большую заботу о сохранении городских зданий. В частях создавались штурмовые группы, которые стремились захватить строения, пользуясь преимущественно стрелковым оружием и гранатами. Для разминирования города были выделены семь советских инженерных батальонов, которые спасли 845 различных объектов. Коварный замысел врага превратить Белград в руины был сорван.

Особенностью Белградской операции было то, что советские и югославские стрелковые части вводились в бой, как правило, по мере подхода и постепенно уплотняли боевые порядки ранее действовавших войск. Из-за этого происходило смещение частей и подразделений, что, однако, не препятствовало выполнению общей цели, овладению центром города, железнодорожным вокзалом, крепостью Калемегдан и Савским мостом. Отважно и решительно действовали гвардейцы 2-го стрелкового батальона, которые с боем прорвались в район железнодорожного Панчевского моста через Дунай и отразили шесть яростных контратак пехоты и танков неприятеля.

Только за два дня батальон уничтожил более 360 фашистов и 241 захватил в плен. Среди отличившихся в тех боях был и уроженец Кзыл-Ординской области из Аральска гвардии лейтенант Н. Атантаев.

В восточном секторе города гвардейцы сражались вместе с 5-й Краишской ударной дивизией НОАЮ полковника Милу-

тина Морача. 3-й отрезковый батальон под командованием замкомбата старшего лейтенанта А. Г. Жидкова принимал участие в штурме Королевского дворца и офицерской школы.

Активно действовала 7-я рота старшего лейтенанта Ф. Ф. Смирнова и овладела при прорыве первого городского обвода противника важной высотой в районе Баницы, развивала успех при штурме Королевского дворца. Будучи раненым, Смирнов не ушел с поля боя, продолжал управлять подразделением.

Командир расчета противотанкового ружья туркмен рядовой Тазе Ваджи в уличных боях уничтожил 3 огневые точки, 12 солдат и подбил вражеское штурмовое орудие, за что был награжден орденом Славы III степени.

Умело организовал действия штурмовых групп командир 8-й роты капитан А. Копанов из Казахстана. Только при овладении Французской школой его воинами было уничтожено более 80 и пленено 75 фашистов. За этот бой А. Копанов удостоен ордена Красного Знамени.

Разведчики П. И. Шкода и А. А. Бабий в рукопашной схватке уничтожили 8 гитлеровцев. Выполняя задание в районе Панчевского моста, они истребили 12 и пленили 48 фашистов. Храбрые воины удостоились орденов Славы III степени.

Особенно отличился личный состав 1-й пулеметной роты старшего лейтенанта С. В. Колотыгина. При освобождении ул. Балканская и отелей «Москва» и «Мажестик» он уничтожил 156 вражеских солдат и офицеров, 10 автомашин и мотоциклов, 220 гитлеровцев было захвачено в плен¹.

Минометчики капитана К. Н. Кузьменко, старших лейтенантов И. И. Ленскинова, Н. Г. Лазаренко, М. Ф. Боева, лейтенанта Н. Н. Грибова неотступно следовали за боевыми порядками пехоты, быстро и точно подавляли огневые точки врага. Подняв минометы на вторые этажи и чердаки зданий, они успешно обеспечивали огнем продвижение взводов и штурмовых групп.

Особенно сильные бои разгорелись 17—20 октября за укрепления на подступах к Савскому мосту. Действуя штурмовыми группами с артиллерией и минометами, при поддержке танков, гвардейцы 73-й дивизии вышли к ул. Теразия и площади Славия. Совместно с воинами-югославами они завязали упорные бои за гостиницу «Албания» — высотное здание и ключевую позицию на пути к мосту. Политработники, коммунисты и ком-

¹ Центр. архив МО СССР, ф. 1212, оп. 1, д. 79, лл. 4—8, 17, 27, 33, 34, 61, 67.

сомольцы были на самых трудных участках, шли впереди атакующих.

Коммунист старший сержант И. К. Михайлов, командир противотанкового орудия, сопровождая со своим расчетом пехоту, уничтожил 5 огневых точек и 12 гитлеровцев. При овладении мостом он подавил еще 2 огневые точки. Одними из первых они перекатали орудие на левый берег Савы, при отражении контратаки противника подбил танк и штурмовое орудие. Парторг 2-го батальона гвардии лейтенант И. М. Митин мужественно сражался с фашистами за гостиницу «Москва», в бою при штурме Савского моста возглавил группу бойцов, истребил 18 и захватил в плен 6 гитлеровцев. Позже И. М. Митин был смертельно ранен.

Парторг полка гвардии майор Н. П. Фиошкин организовал окружение и ликвидацию вражеского опорного пункта в здании школы на ул. Балканской, уничтожив при этом более 50 и пленив 80 гитлеровцев. Гвардии старшина, комсомолец Н. Е. Ерещенко с четырьмя бойцами 6-й стрелковой роты незаметно подобрался к дому, где на 2 этаже и в подвале засели 50 немецких пулеметчиков и автоматчиков. Ворвавшись в нижний этаж, пятерка храбрецов открыла сильный огонь по лестницам и в потолок 2 этажа, один боец блокировал выход из подвала. Фашисты начали отстреливаться, затем ринулись в контратаку. Завязался рукопашный бой. Старшина Ерещенко и два бойца были ранены, но продолжали драться. Десять фашистов были сражены, остальные бежали. Очистив от фашистов дом, гвардейцы увидели, что к зданию подошли 9 вражеских штурмовых орудий. Не имея противотанковых гранат, Ерещенко не растерялся, быстро бросился через улицу, где воины старшего лейтенанта Н. И. Киселева штурмовали дом, и, взяв несколько противотанковых гранат, вернулся обратно. В это время штурмовые орудия начали разворачиваться для ведения огня, но Ерещенко метко брошенной под гусеницы гранатой вывел «фердинанд» из строя¹.

Бесстрашно действовали артиллеристы 80-го противотанкового дивизиона майора К. И. Фурсы. Они уничтожали прямой наводкой пулеметные точки и укрепления, бронетанковую технику врага.

В районе железнодорожного моста через Саву неприятельский отряд численностью около 300 человек оказывал упорное сопротивление. Тогда под руководством командира артполка майора Е. И. Кузнецова по узлу был нанесен сосредоточенный

¹ Центр. архив МО СССР, ф. 1212, оп. 1, д. 107, л. 216.

удар 2-го и 3-го дивизионов старших лейтенантов Синичкина и Кравченко. Уничтожив 8 пулеметов и подавив огонь автоматчиков, артиллеристы вынудили значительную часть фашистов сдаться в плен¹.

Офицеры штаба полка гвардии капитаны В. А. Шокин, И. Ф. Корецкий и полковой инженер Д. И. Соломаха, погибший на Савском мосту, старшие лейтенанты В. К. Груздень, Н. П. Наумов в ходе боев находились в передовых подразделениях, оказывали помощь их командирам и организовывали взаимодействие между подразделениями разных родов войск, а также с частями НОАЮ. Надежно обеспечивали связь отважные телефонисты и радисты сержанты З. М. Соломатина, Т. М. Шатовкина, Г. Ф. Сидоренко и другие.

Особо следует сказать о наших многочисленных добровольных помощниках из жителей Белграда. Десятки подростков, стариков, женщин показывали, в каких зданиях укрепились фашисты, вели наших воинов в обход по дворам, подвалам, канализационным каналам и другим подземным коммуникациям. Еще больше добровольцев помогали раненым. Немало было и таких, которые вооружались подобранным оружием и без колебаний вступали в бой. Из помогавших запомнились Здравко Великич, Вера Меленац, семья Слидовичей.

Совместные действия частей и подразделений всех видов вооруженных сил и родов войск умело направлялись и руководились с совместного пункта управления генерал-лейтенанта В. И. Жданова и генерал-подполковника Пеко Дапчевича, где мне дважды пришлось побывать при получении боевых заданий.

Овладением Савского моста 20 октября закончилось освобождение Белграда. В ходе боев части дивизии уничтожили 3304 фашистских захватчика, подбили и сожгли 12 танков, 3 бронетранспортера, более 70 орудий и минометов, сбили 1 самолет. Было взято в плен 1219 гитлеровцев, захвачено большое количество боевой техники и вооружения, автомашин, вагонов, складов². Вечером того памятного дня столица нашей Родины Москва салютовала в честь освобождения Белграда от фашистов.

21—23 октября дивизия вела бои за аэродром южнее Земун и Бежанья, северо-западнее Белграда. Это, однако, не помешало вечером 22 октября организовать большой концерт для бойцов и командиров советских и югославских войск в зале

¹ Центр. архив МО СССР, ф. 1212, оп. 1, д. 107, лл. 210—211.

² Там же, ф. 1212, оп. 1, д. 45, лл. 36, 37.

университета имени Каларчева. Дал его ансамбль нашего соединения. А через два дня, 25 октября, ярким солнечным днем, полки с развернутыми боевыми знаменами, со всей техникой и вооружением принимали участие в параде войск — освободителей Белграда.

За освобождение столицы Югославии 73-я гвардейская была награждена орденом Красного Знамени, 214-й гвардейский стрелковый полк — орденом Богдана Хмельницкого II степени. Высоко оценило подвиги наших однополчан и югославское руководство: 61 воин был награжден орденами и медалями Югославии. Комдив Герой Советского Союза генерал-майор С. А. Козак был удостоен звания Народный герой Югославии.

Вскоре после парада 73-я гвардейская, как и другие соединения 57-й армии, покинула Белград и двинулась на север. Миновали Сомбор и западнее Бездана подошли к Дунаю. На его западном берегу у хорватского села Батина советские войска захватили небольшой плацдарм. Первыми в ночь на 7 ноября 1944 года через Дунай у Батина переправилась разведка 233-й стрелковой дивизии, захватившая два небольших клочка земли, 10 и 11 ноября сюда были направлены 703-й стрелковый полк майора С. Н. Решетова из той же дивизии и 1-й югославский батальон поручика Божидара Симиновича. В течение 11—12 ноября на плацдарм под ожесточенным огнем вражеской артиллерии переправились другие подразделения 233-й дивизии с легкими орудиями и минометами, а также югославские 4-й батальон Радивое Дурича Катовски, 5-й батальон Мита Дудича и 2-й батальон Петара Медачи из 12-й Воеводинской ударной бригады Душана Дороньски.

Решительными действиями советских и югославских войск противник был выбит из села Батина и железнодорожной станции. Однако, подтянув части 13-й дивизии «СС» и введя в бой свежую 92-ю мотобригаду, 12 и 13 ноября неприятель превосходящими силами при поддержке танков, штурмовых орудий и самолетов неоднократно контратаковал левый фланг 233-й стрелковой дивизии, а также 1-й и 4-й батальоны югославских воинов и вновь разобшил плацдарм, овладел железнодорожной станцией Батина, высотой 169,0 и кручами в 500—600 метров от береговой линии. Это дало ему возможность контролировать подходы к месту переправы наших войск через Дунай.

Ослабленные в предыдущих боях на плацдарме советские и югославские подразделения, отражая яростные контратаки фашистов, с трудом удерживались на правом берегу Дуная.

13 ноября части 73-й гвардейской получили приказ форсировать Дунай у Батина и совместно с действующими на плац-

дарме частями 233-й стрелковой дивизии, 12-й бригадой, 51-й Воеводинской ударной дивизии Среты Савича разгромить противника в районе Батина, высота 205,0, Змаевац и развивать наступление в направлении Княжеви-Виногради, Бранин Врх. В этом же направлении вводилась в действие 7-я бригада НОАЮ майора Милана Ешича (Ибро).

Под вражеским огнем в 19 часов 13 ноября начал форсирование Дуная 214-й стрелковый полк, усиленный батареей противотанкового дивизиона, тремя взводами зенитно-пулеметной роты и поддерживаемый двумя дивизионами 153-го арtpолка.

К 8 часам 14 ноября полк сосредоточился в Батине, в ее центральной и северной части в готовности к наступлению в направлении высоты 169,0, развилки дорог, высоты 205,0. Одновременно на южную окраину Батины, в район железнодорожной станции стал переправляться усиленный 209-й стрелковый полк подполковника П. В. Сергеева. В этот день на плацдарм был направлен и 2-й батальон 7-й Воеводинской бригады поручика Дуро Рамаса. Батальон занял позиции на правом фланге 214-го гвардейского полка для отражения начавшейся сильной контратаки гитлеровцев из района высоты 169,0, которую солдаты прозвали «Кровавой высотой». Она неоднократно переходила из рук в руки.

Путем личного уточнения предстоящих задач в штабе полка, а затем и на местности, мы с командиром югославского батальона и его заместителем Душаном Диласом наладили четкое взаимодействие. Договорились, в частности, о поддержке югославского подразделения артиллерийским и минометным огнем: он был вооружен лишь легким стрелковым оружием.

Мне хорошо запомнился сопровождавший югославских офицеров, небольшого роста, живой и энергичный, совсем юный воин, связной Маринко Петров родом из Воеводины. После войны он стал известным писателем, с которым мы встречались в Югославии в 1983 году. Маринко Петров и его жена Смилла — медсестра 7-й бригады — известны еще и тем, что выступили организаторами музея «Батинская битва» в селе Батина.

Вслед за 2-м батальоном на плацдарм в район севернее железнодорожной станции Батина был введен 3-й батальон той же бригады под командованием Петара Пиртича. Он тесно взаимодействовал с 209-м гвардейским стрелковым полком.

Утром 14 ноября противник двумя группами силой более батальона с танками каждая вновь предпринял контратаку на позиции в районе высоты 169,0, железнодорожной станции и южной окраины села Батина. Враг был отбит, и мы ускорили подготовку к наступлению. Началось оно после короткой артил-

лерийской подготовки в 12 часов дня. Вперед двинулись все части, действующие на плацдарме. Но вражеская огневая система при артобстреле пострадала мало, и потому подразделения смогли продвинуться лишь на 300—500 метров и закрепились на рубеже восточнее высоты 169,0, 300 метров, севернее станции Батина. В ходе боя были подбиты два танка, три штурмовых орудия, бронетранспортер, захвачено три орудия, минометная батарея, взяты пленные из 92-й мотобригады и 13-й дивизии «СС».

Утром 15 ноября на правый берег Дуная был направлен 211-й гвардейский стрелковый полк. Он стал действовать уступом справа за 214-м в направлении развилки дорог, высоты 205,0.

Трое суток, с 14 по 16 ноября, отражались неоднократные контратаки пехоты и танков противника. Одновременно происходило дальнейшее наращивание наших сил на плацдарме, уплотнение боевых порядков подразделений первого эшелона, переправа дивизионной и противотанковой артиллерии, тяжелых минометов и другой техники.

На левом фланге плацдарма только 16 ноября советские и югославские воины вновь овладели станцией Батина и дамбой, ведущей к станции Змаевац. В этом бою отличился командир отделения 2-й роты 209-го полка старший сержант Юрьев, уничтоживший в рукопашной схватке гитлеровского обер-лейтенанта, а огнем из автомата четверых солдат. Рядовой 6-й роты Бас скрытно подобрался к немецкому орудию и противотанковой гранатой подорвал его вместе с прислугой.

Смертью храбрых в этих боях погибли: командиры 3-го батальона 214-го полка капитан Б. Х. Охраменко, командир 1-го батальона 12-й бригады НОАЮ Б. Симинович, командир роты автоматчиков, герой боев за Белград капитан А. Копанов, командир 1-й пулеметной роты старший лейтенант С. В. Колотыгин; были ранены командир югославского батальона Д. Рамас, командир минометной роты капитан Е. П. Кузьменко. Командование подразделением взял на себя лейтенант Н. Н. Грибов.

Исключительное мужество и храбрость проявил наводчик 2-й миной роты К. Сарсенгалиев, родом из Западного Казахстана. Он истребил более 30 фашистов и вывел из строя четыре пулеметных точки врага. За успехи в этом бою он награжден орденом Славы III степени. Большое искусство и гвардейскую хватку показал и снайпер 3-го стрелкового батальона сержант М. И. Карпухин. С 13 по 24 ноября он истребил одного офи-

цера и 13 фашистских солдат, в том числе 7 снайперов¹. Рядовой С. Я. Мингалимов в составе разведгруппы в тылу врага захватил двух пленных и лично уничтожил 5 фашистов. Отважный разведчик был награжден орденом Славы III степени.

Взаимодействуя с соседями, в том числе и батальонами 7-й бригады НОАЮ, 73-я гвардейская дивизия к 11 часам 16 ноября преодолела упорное сопротивление врага и продвинулась на 2,5—3 километра в юго-западном направлении. Овладев рубежом развилка дорог — дамба западнее станции Батина — старое русло Дуная, части закрепились. Но неприятель не смирился с неудачей. Дважды, в 3 часа ночи и в полдень 18 ноября, после интенсивного артобстрела он силою до батальона с восемью танками и штурмовыми орудиями предпринимал контратаки в стыке 211-го и 214-го стрелковых полков. Потеряв более 150 человек, 2 танка, «фердинанд» и почти два десятка пулеметов, противник отошел на исходные позиции.

Отражая контратаки, батарея 76-мм пушек нашего 214-го полка подбила штурмовое орудие фашистов, но при этом погиб командир батареи старший лейтенант Ф. Я. Дик, киевлянин, прошедший с дивизией весь ее боевой путь. Прямым попаданием снаряда был убит и командир 5-й батареи артполка старший лейтенант В. Г. Белов.

Умело сражались не только одиночки, но и целые подразделения. Форсировавшая Дунай одной из первых в дивизии 4-я рота 214-го полка гвардии капитана И. Ф. Пигина, уроженца Горьковской области, дралась по-гвардейски и при расширении плацдарма. Перед ее позициями уже лежали 57 убитых фашистов, а когда рукопашная схватка переместилась в окопы, Пигин из автомата поразил еще 7 гитлеровцев. Отважный офицер вскоре был тяжело ранен, но руководил боем до полного отражения контратаки врага. Храбро и мужественно за высоту 205,0 сражались воины 2-го батальона капитана Н. Г. Антоночкина. Даже после тяжелого ранения в ноги он продолжал руководить боем и отбыл в тыл только по приказу командира полка. Оказывая помощь раненым, была смертельно ранена любимица артиллеристов, веселая хохотушка и певунья лейтенант медицинской службы Любовь Пронь.

Заместитель командира 211-го полка по политчасти майор Н. К. Ткаченко, едва оправившись от ран, полученных в боях за Белград, догнал свою часть и вновь сражался на самых ответственных участках, воодушевляя бойцов словом и личным примером. 17 ноября в борьбе за высоту 205,0 опытный полит-

¹ Центр, архив МО СССР. ф. 1212, д. 42007, лл. 326, 366, 367.

работник погиб. Его вместе с другими похоронили на воинском кладбище в городе Сомбор.

Старшина 6-й стрелковой роты Н. Е. Ерещенко, переправившись одним из первых на плацдарм, мужественно сражался с фашистами. 17 ноября горсточка храбрецов под его командованием отразила восемь контратак гитлеровцев. Когда выбыл из строя пулеметчик, старшина лег за пулемет и уничтожил 18 фашистов. К вечеру немцам удалось приблизиться к их окопам, в ход пошли гранаты. Ерещенко ловко одну за другой подхватил три гранаты противника и перебросил их назад в расположение врага. Но фашисты все же ворвались в окоп. Богатырского сложения и необыкновенной силы, Ерещенко уложил в рукопашной 5 гитлеровцев. Атака врага была отбита. Отличился Ерещенко и на следующий день. Во время контратаки он гранатой подбил средний танк и ликвидировал трех вражеских солдат. В настоящее время Герой Советского Союза Н. Е. Ерещенко — подполковник в отставке, живет в Кировограде и работает начальником крупного специализированного автохозяйства.

Командир санитарного взвода 2-го батальона лейтенант медслужбы П. М. Гордеев умело организовал работу санитаров и санинструкторов и эвакуировал с поля боя с оружием 135 раненых советских и югославских воинов. Он лично оказал первую помощь и эвакуировал 7 бойцов и двух офицеров.

При переходе в наступление 211-го стрелкового полка осколками мины был выведен из строя весь расчет 76-мм полковой пушки. Чтобы обеспечить поддержку атаки, парторг батареи А. К. Наляжный встал к орудию и вел огонь, пока в пушку не угодил неприятельский снаряд.

Основные события на плацдарме развернулись 20 и 21 ноября на правом фланге, в районе высот 205,0 и 206,0, где противник оказывал чрезвычайно упорное сопротивление. Дважды 20 ноября, в 11 и 14 часов, поднимались гвардейцы под прикрытием артиллерии в атаку на высоту, однако сумели овладеть лишь первыми двумя ярусами траншей. И только после жестокой рукопашной схватки 3-й батальон 214-го полка под командованием капитана М. Д. Курочкина совершил успешный фланговый обход и окружил группу гитлеровцев численностью до 200 человек. Во взаимодействии с подразделениями 211-го полка эта группа к вечеру была уничтожена.

Нелегко складывались бои за высоты. Дивизия потеряла 142 человека, в том числе убитыми 34. Решительный ночной штурм высоты 205,0, ее гребня и седловины, идущей к высоте 206,0, начался в 22.00 22 ноября. С оружием в руках вместе со

стрелками и пулеметчиками в атаку пошли все офицеры, сержанты и солдаты спецподразделений и штабов полков, а также офицеры управления и политотдела во главе с начальником политотдела дивизии подполковником Вороновым А. Г.

211-й полк после упорного и ожесточенного боя овладел высотой 205,0, под огнем противника продвинулся вперед и закрепился на ее западных и южных скатах. 214-й полк, продвинувшись более километра и отразив две контратаки гитлеровцев, сопровождавшихся штурмовыми орудиями, вышел к высоте 136,0, что севернее Змаевац. 209-й полк, действуя совместно со 2-м и 4-м батальонами 7-й бригады НОАЮ, подошел к восточным скатам высоты 136,0 и железнодорожному мосту севернее станции Змаевац. За два дня здесь было уничтожено более 1100 солдат и офицеров, подбито и сожжено два штурмовых орудия, подавлен огонь трех артиллерийских и двух минометных батарей, разбиты 20 пулеметных точек, пленено 126 солдат и офицеров эсэсовских частей.

Сильно укрепленный район высот 106,0 и 136,0, сел Змаевац и Суза командир дивизии генерал-майор С. А. Козак приказал атаковать после артподготовки в 21.30 22 ноября. На этот раз была применена тактическая новинка. После артподготовки, когда цепи советских и югославских батальонов ринулись в атаку, часть артиллерийских и минометных тягачей, самоходных установок и автомашин подцепили орудия и, включив фары, при сильном шуме моторов широким фронтом двинулись вслед за пехотой. Противник, ослепленный и деморализованный, был сломлен. Наши части совместно с подразделениями НОАЮ полностью овладели селом и станцией Змаевац, уничтожив при этом до 150 фашистов и захватив много пленных, 6 пушек с тягачами, 3 склада с боеприпасами и имуществом. Рядовой 2-й пулеметной роты 214-го полка Федоров заменил выбывшего из строя командира взвода, огнем пулеметов уничтожил 57 фашистских солдат. За мужество и храбрость, проявленные при этом, он награжден орденом Славы III степени.

25 ноября части 75-го стрелкового корпуса, наступавшие с апатинского плацдарма, вышли к селу Княжеви-Виногради. Благодаря этому оба плацдарма соединились в один оперативный плацдарм значительных размеров, что позволило начать выдвижение частей второго эшелона армии — 6-го гвардейского стрелкового корпуса и 32-й механизированной бригады в общем направлении на венгерский город Печ.

Наступление продолжалось, однако сбить фашистов на рубеже Каменац-Каранац и Княжеви-Виногради удалось лишь к исходу 25 ноября. 211-й полк овладел селом Каменац и север-

ной частью Каранац, а 214-й — южной частью села и железнодорожной станцией Каранац, 209-й полк с 7-й бригадой НОАЮ вели бой за Княжеви-Виногради.

Пытаясь удержать междуручье Дуная и Дравы, противник подтянул в район города Бели-Монастир учебный полк, части свежей 44-й пехотной дивизии, а юго-западнее Княжеви-Виногради сосредоточил более пехотного полка 118-й легкой пехотной дивизии, полк мотодивизии «Бранденбург» и при поддержке штурмового танко-самоходного полка 2-й танковой армии нанес 26 ноября встречный концентрический удар, пытаясь окружить и уничтожить части нашей дивизии и подразделения 7-й бригады НОАЮ. Весь день 26 и ночь на 27 ноября полки 73-й гвардейской дивизии вместе со средствами усиления, находясь в полуокружении, вели тяжелый оборонительный бой с превосходящими силами врага, нанесли ему большие потери и не допустили соединения его ударных группировок в селе Каранац.

В отражении яростных атак танков и пехоты фашистов большую роль сыграли артиллеристы 153-го гвардейского и 1249-го истребительно-противотанкового артполков. Умело маневрируя, они встречали противника губительными залпами заградительного или сосредоточенного огня, а атаки его пехоты отражали картечью. Особую роль в этом бою сыграл командир батареи 1-го дивизиона старший лейтенант Н. Т. Пуха, ставший Героем Советского Союза. Вновь показал пример храбрости и героизма взвод автоматчиков 211-го стрелкового полка лейтенанта В. П. Мусина.

Захватив перекресток дорог западнее Каранац, взвод отразил пять яростных контратак гитлеровцев, после чего решительно выдвинулся в район кирпичного завода и оказался на фланге контратакующей группы неприятеля. Заменяв раненого командира роты, лейтенант Мусин маневрирует огнем и отражает еще одну контратаку. При этом он лично из пулемета уничтожил около 50 фашистов. Мусин погиб в этом бою, но не отдал врагу занятого рубежа.

Отбив многократные атаки фашистов, 211-й и 214-й гвардейские полки во взаимодействии с учебным батальоном перешли в наступление. К исходу 27 ноября, продолжая продвижение вперед, части дивизии освободили город Бели-Монастир. Бои за плацдарм закончились. Мы подошли к границам Южной Венгрии. В Бели-Монастир расстались с нашими боевыми друзьями — воинами 7-й бригады 51-й Воеводинской ударной дивизии. В ожесточенных и упорных схватках гвардейцы и ударники Воеводинской дивизии НОАЮ с честью выполнили

возложенные на них боевые задачи. Их не остановили ни сложные условия местности, ни упорное сопротивление противника, ни тяжелые потери. Только в нашей дивизии с 13 по 26 ноября погибло 385 и было ранено 2091 человек.

Высокую оценку боевым действиям частей и соединений, боровшихся на батинском плацдарме, дал Верховный Главнокомандующий. В честь одержанной победы Москва салютовала войскам фронта 20-ю артиллерийскими залпами из 224 орудий. Всем участвовавшим в боях войскам он объявил благодарность, а 73-й гвардейской стрелковой дивизии, кроме этого, было присвоено второе почетное наименование — «Дунайская». Восми воинам нашего соединения было присвоено звание Героя Советского Союза, командир дивизии генерал-майор С. А. Козак был удостоен этого звания второй раз.

В 1947 году на месте тяжелых боев, на высоком берегу Дуная, был воздвигнут величественный памятник. На его цоколе — барельефные изображения боевых действий воинов дружественных армий, номера сражавшихся частей. 3 июня 1962 года в склеп, сооруженный у подножья памятника, были перенесены останки 1320 советских солдат и офицеров всех частей, дравшихся за плацдарм. Перед склепом горит вечный огонь народной памяти...

Но вернемся к событиям военного времени. В апреле 1945 года, уже в ходе Венской наступательной операции, 73-й гвардейской дивизии вновь довелось вступить на землю Югославии, в северную Словению. Мы с боями прошли Добровник, Мурска-Собота, Гедеровцы, Перточе и вышли к границам Австрии. В городе Мурска-Собота захоронено 516 советских воинов, погибших на заключительном этапе войны. В центре города установлены 10 обелисков из черного мрамора, на которых высечены имена погибших. Среди них заместитель командира по политчасти 214-го гвардейского стрелкового полка майор Н. М. Михайлов, начальник артиллерии майор И. Ф. Корецкий, командир роты С. С. Глозман...

Вглядываясь в карту былых сражений, вспоминая города и годы, имена боевых товарищей и побратимов по совместной борьбе на территории Югославии, проникаешься гордостью, мужеством и патриотизмом, самоотверженностью, героизмом и верностью интернациональному долгу воинов 73-й дивизии. Мы гордимся тем, что с освободительной миссией прошли по землям трех республик: Сербии, Хорватии, Словении и автономной области Воеводина. Весь этот путь — 785 километров — мы проделали плечом к плечу с воинами Народно-освободительной армии Югославии.

В. А. ШОКИН,

бывший начальник штаба
214-го стрелкового полка

БЕЛГРАД. 20 ОКТЯБРЯ

Прошло более четырех десятилетий с тех памятных октябрьских дней, когда плечом к плечу с югославскими воинами мы сражались на улицах Белграда, а в памяти они живы настолько отчетливо, что, кажется, все это было вчера. Тогда это воспринималось как обычное фронтовое дело. Теперь же, оценивая преодоленные трудности и достигнутые успехи, с чувством благоговения преклоняешься перед подвигом боевых товарищей, оставшихся в живых и особенно геройски павших в бою за столицу Югославии. И это чувство обязывает рассказать о тех, чьи имена остались неизвестны. В основном речь пойдет о воинах 3-го бельгинского батальона 214-го стрелкового полка, вновь совершивших подвиг, достойный славы, завоеванной на Курской дуге.

В ходе боев в городе комбат майор Е. И. Дюбанов был контужен и отправлен в госпиталь. Временно командование батальоном было приказано принять мне. Как известно, бои за Белград начались 14 октября 1944 года неожиданным для противника решительным штурмом с южного и юго-западного направлений объединенными усилиями частей 4-го гвардейского механизированного корпуса, 73-й гвардейской дивизии и дивизий 1-го Пролетарского и 12-го армейского корпусов Народно-освободительной армии Югославии.

Прорыв на узком участке фронта оборонительного рубежа, созданного фашистскими войсками внешнего городского обвода, стремительное развитие наступления внутри югославской столицы в целях овладения ее ключевыми районами и объектами по расходящимся направлениям, а также последовательное наращивание сил и средств, прибывающих в город прямо с марша,— все это позволило в течение двух-трех дней освободить большую часть города и, что не менее важно, без больших разрушений его зданий и построек.

К исходу 19 октября немецко-фашистские войска оборонялись только в опорных пунктах в районе крепости Калемегдан, высотного здания гостиницы «Албания», гостиницы «Москва», у здания на площади Мостар, главного железнодорожного вокзала и в районе Чукарица. Батальоны 214-го стрелкового полка, взаимодействуя с другими частями советских и югославских войск, безуспешно пытались прорваться к Савскому мосту. Противник особенно упорно оборонялся в зданиях, прикрывающих подходы к нему. В этой сложной обстановке и сыграл свою роль 3-й батальон.

Очень красив Белград в лучах заходящего, по-осеннему теплого солнца. С НП полка, оборудованного на чердаке одного из высотных зданий, в стереотрубу хорошо просматривался Савский мост. Командир полка поставил задачу: 3-му стрелковому батальону в ночь на 20 октября совершить обходной маневр и перейти на новое направление с тем, чтобы прорваться к Савскому мосту и захватить его.

Передав свои позиции перед гостиницей «Албания» 12-й бригаде НОАЮ, батальон в 23.00 19 октября начал выдвижение в новый район. К тому времени теплый солнечный день сменился холодной дождливой ночью. Скрытно совершить переход большой массе людей с личным оружием, пулеметами и минометами в большом незнакомом городе было очень трудно.

Свои услуги предложили югославы. Вперед шел их пехотный взвод, командир которого очень хорошо ориентировался в местных условиях. Вместе с югославскими воинами двигался наш боевой разведывательный дозор под командованием лейтенанта Н. Н. Грибова. Далее, на удалении зрительной связи, шло командование, а за ним подразделения батальона.

От гостиницы «Албания» в район зданий министерств теперь можно проехать за несколько минут; тогда нам потребовалась почти целая ночь. В большом городе трудно определять точное расположение противника и своих войск, а ночью эта трудность возрастает в несколько раз. Поэтому пришлось следовать, как говорится, на ощупь, поминутно останавливаясь,

чтобы прислушаться и присмотреться. Проходить ведь пришлось между опорными пунктами противника, из которых время от времени пускались ракеты и велась беспорядочная стрельба. При преодолении каменных стен высотой более двух метров, разделявших дворы домов, большого труда стоило перетаскивание пулеметов «максим», минометов. Добрым словом помянешь югославских воинов, предусмотрительно обеспечивших нас лестницами, что облегчало задачу.

Дождь. Холодные струи стекали по лицу, заливая глаза. Плащ-палатки и плащ-накидки настолько набухли, что перестали уже предохранять от дождя.

Строжайше соблюдались меры предосторожности: команды передавались шепотом по колонне. Местность освещалась противником ракетами и простреливалась пулеметными и автоматными очередями. Подразделения то и дело прижимались к зданиям или ложились на землю. И так почти всю ночь. Были и более тяжелые участки пути, когда батальон пробирался по коллекторам дождевой канализации, хлюпая сапогами в сточной воде.

Перед рассветом рядом с нами занял исходные позиции для атаки и 2-й стрелковый батальон капитана Н. Г. Антоночкина. Здесь же расположился батальон из 1-й дивизии НОАЮ полковника В. Иовановича. В ходе боев в Белграде с каждым взводом советских солдат дрался взвод югославских воинов, с каждым нашим командиром роты, батальона находились соответственно командиры рот и батальонов НОАЮ. Это вызывалось не только желанием облегчить ориентирование советских воинов в незнакомом городе, но и необходимостью согласованного взаимодействия наших более оснащенных всеми видами оружия и более опытных в тактике городского боя подразделений с югославскими, имевшими, в основном, легкое стрелковое оружие и опыт партизанской борьбы.

После уточнения задач личный состав батальонов изготовился к внезапной атаке. С наступлением рассвета 2-й стрелковый батальон и батальон югославов открыли огонь из всех видов оружия по верхним этажам домов, находящихся на противоположной стороне улиц Призренской и Бранкова, а наш 3-й батальон, пройдя их боевые порядки, внезапно атаковал противника через окна и двери первых этажей зданий, предварительно забросав их ручными гранатами. Уничтожив застигнутого врасплох неприятеля, он начал продвигаться к Савскому мосту. Выйдя туда, 7-я и 9-я стрелковые роты старшего лейтенанта Смирнова Ф. Ф. и лейтенанта И. М. Мирунова завершили разгром врага правее моста, в рыбацком поселке. Од-

новременно 8-я стрелковая рота вместе с пулеметной ротой лейтенанта Ф. Д. Кокорева и взводом минометной роты капитана Е. П. Кузьменко перекрыли выход с Савского моста с тем, чтобы не допустить подхода резервов противника с левого берега реки.

Река и мост еще были окутаны густым туманом. К нам подошел младший лейтенант, командир саперного взвода 13-й гвардейской механизированной бригады и доложил, что мост заминирован. В это же время на нашем НП появился небритый, с живыми глазами человек в гражданском: в темно-зеленой шляпе, сером пиджаке, черных брюках. Как потом мы узнали, это был Миладин Зарич — серб, учитель из Белграда. Он подтвердил, что мост заминирован. При этом заявил, что может показать, где лежат заряды. Предложение было заманчиво. В разговор решительно вступил замполит батальона капитан Ломовский: «Я пойду с группой сам и человека этого возьму с собой».

Как сейчас помню этого бравого офицера с темными волосами, прямым лбом, с густыми бровями, из-под которых смотрели с задорным огоньком глаза. Он был истинным комиссаром. Умел сказать коротко, но убедительно, а главное — если нужно, — то и личным примером в самой трудной обстановке и на самом ответственном участке увлечь людей за собой. Так было и теперь. Он возглавил группу в составе разведывательного и саперного взводов полка, которая обезвредила подрывные заряды на мосту.

Чтобы справиться с этой задачей, саперам пришлось потрудиться немало. И как только с конструкций моста была изъята взрывчатка, в атаку ринулась 8-я стрелковая рота кустанайца старшего лейтенанта Абдурахмана Копанова.

Она попала под сильный пулеметный и артиллерийский огонь гитлеровцев. Темп продвижения спал — чувствовался явный недостаток наших сил. По решению командования полка в бой были введены 7-я и 9-я роты и остальные подразделения батальона. Они пошли через мост... На нем лежали тела убитых гвардейцев. Здесь погиб и бесстрашный комиссар капитан Ломовский.

Перед спуском с моста наши воины подверглись бешеному массированному обстрелу из дотов с левого берега Савы. Гвардейцы залегли в прогибе настила. Дальше не смогли продвинуться и воины других подразделений, ранее вступивших в бой.

После небольшой заминки гвардейцы сосредоточили силы под прикрытием пулеметной и минометной рот, а также огня

артиллеристов дивизиона капитана Ш. М. Соселия и снова бросились в атаку.

В жестокой схватке мост был взят, а затем был захвачен и плацдарм за рекой. Вслед за 3-м на левом берегу Савы закрепились 1-й и 2-й батальоны 214-го полка, подразделения других частей.

Вскоре через наши боевые порядки в направлении Земуна прошли 4-й гвардейский механизированный корпус и части НОАЮ. Во второй половине дня 20 октября противник, подтянув резервы, перешел в контрнаступление.

Перед нами расстиралось поле со стогами скошенного сена. Со стороны Земуна нарастал гул танковых моторов. Стремительным броском через мост 153-й артиллерийский полк и 80-й противотанковый артдивизион были выведены на огневые позиции для стрельбы прямой наводкой. Они подожгли впереди стоящие стога сена. В их свете мы увидели около 20 движущихся танков и следовавшую за ними пехоту. Артиллеристы открыли огонь по стальным машинам, а подразделения 211-го и 214-го стрелковых полков отражали атаку пехоты гитлеровцев.

Бой был очень тяжелым. Танки и артиллерия неприятеля также вели ураганный огонь по нашим позициям. Между горящими стогами сена запылали подбитые танки. Немецкая пехота под нашим метким огнем залегла. Так продолжалось до вечера.

Но вот все контратаки танков и пехоты противника отражены, и враг отброшен в сторону Земуна и Бежаньи. А в нашем тылу в 22 часа 20 октября 1944 года ночное небо осветилось множеством ракет, трассирующими пулями и раздалась артиллерийские залпы победного салюта. Это ликовал освобожденный Белград.

Н. Т. ПУХА,
Герой Советского Союза

ЧЕРЕЗ ВСЮ ВОЙНУ

Артиллерийский полк, в котором я служил с осени 1941 до мая 1942 года, участвовал в боях с фашистами в районах Днепропетровска, Харькова и на рубеже реки Северский Донец. Мне, политработнику, было присвоено офицерское звание, а в связи с реорганизацией политорганов я стал командиром взвода, затем командиром батареи.

В начале августа 1942 года наш дивизион был передан в состав 214-го артиллерийского полка 38-й стрелковой дивизии, которая в то время вела оборонительные бои на дальних подступах к Сталинграду. Батарея получила задачу занять огневые позиции неподалеку от станции Тингута и поддержать в бою 48-й стрелковый полк. Личный состав за ночь отрыл окопы для орудий и расчетов, тщательно замаскировал их.

С рассветом на нас двинулись до 40 вражеских танков. Подпустив их на дальность прямого выстрела, мы открыли огонь и подбили две машины. Остальные вынуждены были отойти назад.

В течение 6 августа танки фашистов при поддержке авиации трижды пытались прорваться в направлении Тингутинского лесничества, но, потеряв от огня ПТР 8 танков, повернули назад.

В этих схватках с нашей стороны появились убитые и раненые, были повреждены два орудия. Вечером нас отвели в тыл,

где вскоре мы получили 122-миллиметровые гаубицы нового образца и, пополнившись боеприпасами, вновь заняли позиции под Тингутинским лесничеством. Бои здесь продолжались до 23 августа.

В связи с прорывом танковой группировки противника в районе Плодовитое, Дубовый Овраг стрелковые полки и артиллерийские подразделения по приказу командования отошли и заняли оборону на реке Червленная, в районе высоты 128,2 — Ивановка. В этих трудных боях личный состав батареи с честью выполнил свой долг. Особенно отличились командиры орудий П. М. Корниенко, В. Г. Ткаченко, замковый Новак, оружейный мастер А. Я. Бабич.

Нам пришлось также участвовать в оборонительных боях под Белгородом, в освобождении Харькова. По дорогам Полтавщины в конце сентября 1943 года подошли к Днепру. В ночь на 25 сентября дивизия начала форсирование реки.

Наш дивизион поддерживал действия 214-го стрелкового полка. Переправа и небольшой плацдарм непрерывно подвергались ударам авиации, артиллерии и минометов врага. Частыми контратаками гитлеровцы пытались сбросить нас в Днепр. В этих условиях батарее приходилось не раз вести огонь прямой наводкой по танкам, бронетранспортерам и пехоте противника, участвовать в рукопашных схватках. Общими усилиями мы не только отстояли, но и расширили плацдарм.

Вспоминается тяжелый бой под Верблюжкой и селом Водяное 28 октября 1943 года. До полка пехоты с 20 «тиграми» контратаковали 214-й полк. К этому времени, кроме полковой артиллерии, сумели занять позиции лишь 1 гаубица и 1 пушка дивизиона да две «тридцатьчетверки». Их огнем контратака фашистов была отбита. Настоящими снайперами показали себя командиры орудий Федотов, Корниенко, наводчик Брасов, разведчик Босяков, командир взвода лейтенант Фомин.

...На плацдарме за Днестром в районе села Гура-Быкулуй, в Молдавии, 30 мая 1944 года командир 64-го стрелкового корпуса генерал-лейтенант И. К. Кравцов и командир дивизии генерал-майор С. А. Козак вручили нашему полку гвардейское знамя...

После Яско-Кишиневской операции начался освободительный поход в юго-восточную часть Румынии и Болгарию. В октябре вступили на территорию Югославии. Поддерживая действия 214-го стрелкового полка, а также частей Народно-освободительной армии Югославии, батарея, как и весь дивизион, содействовала захвату здания парламента, офицерской школы, отеля «Албания», штурму моста через реку Саву и

удержанию плацдарма на ее северном берегу. В этих боях особо отличились огневой взвод старшего лейтенанта З. М. Кашапова и взвод управления старшего лейтенанта Нечаева. Немало артиллеристов отдали свои жизни за освобождение Югославии, многие были ранены.

Впереди был широкий с крутыми берегами Дунай, на западном берегу которого в районе села Батина немецкое командование создало систему долговременных и полевых укреплений. Наш дивизион поддерживал 214-й полк, который 13 октября форсировал Дунай и завязал бой за высоту 205,0. Через несколько дней батарея получила приказ переправиться на западный берег и занять огневые позиции на плацдарме. С наступлением сумерек быстро и организованно погрузили на баржу орудия, а также батальон НОАЮ, действовавший совместно с нами. С большим трудом катер вывел нас из канала в основное русло Дуная, обстреливавшееся немецкой артиллерией и минометами. На середине реки буксирный трос оборвался и баржу понесло вниз по течению, где береговая линия еще не была занята нашими частями. Находившийся на барже командир дивизиона капитан П. Т. Мальцев и командир батальона югославских войск приняли решение двигаться к западному берегу; в том месте, где пришвартуется баржа, высадиться и завязать бой за береговую линию, чтобы соединиться с основными силами полка. К счастью, команда катера сумела догнать нашу баржу и отбуксировала ее к намеченному причалу.

Около двух недель шли ожесточенные бои по захвату господствующих высот, с которых на десятках километров в нашу сторону просматривались все подходы к Дунаю. Приходилось отражать по 6—8 контратак в день, и мы картечью поражали атакующие цепи гитлеровцев, вели огонь прямой наводкой по танкам. Особенно сильные бои разгорелись за высоту 205,0, которая штурмом была взята только 20 ноября. В этом бою гвардейцы нашей батареи подбили и сожгли «фердинанд», 75-миллиметровое штурмовое орудие, сорвали контратаку врага во фланг 211-му и 214-му стрелковым полкам. Стремительным броском выдвинувшись на высоту 205,0 и заняв огневые позиции, батарея в упор расстреливала фашистов.

Неоднократно возникали моменты, когда у орудий оставались один-два человека, а остальной личный состав отражал натиск гитлеровцев огнем из автоматов, карабинов, ручными гранатами. Особенно памятна схватка в ночь на 23 ноября, когда наши пехотинцы совместно с югославскими воннами из 7-й бригады решительно штурмовали крупный опорный пункт

неприятеля в селе Змаевац. Батарея, выдвинувшись на юго-западную окраину села, обеспечила надежное прикрытие и отражение контратак врага, уничтожив при этом две пулеметные точки и более 60 фашистов.

Отброшенный с передовых позиций, противник упорно сопротивлялся на каждом промежуточном рубеже, а 26 ноября вновь силами до двух пехотных полков и двух танковых батальонов в районе Каменац и Каранац контратаковал наши части.

Храбро дрались гвардейцы. Находясь в полуокружении, они не только отбили все эти атаки, но и заставили фашистов начать отход. Находясь в сложных ситуациях ближних схваток, подпустив гитлеровцев на 70—100 метров, вместе со стрелками вели огонь по врагу сержант Карасев, разведчик Босяков, ефрейтор Небензя, старший лейтенант Вестфрид, связист Крячко. Почти в упор расстреливала наступающего врага и батарея. После боя только на нашем участке было насчитано более 160 трупов фашистских солдат и офицеров, уничтожено 8 пулеметных точек, два штурмовых орудия и бронетранспортер. Мужество и самообладание при этом проявили командиры орудий Федотов, П. П. Копылов, В. Н. Брасов, артиллеристы И. Н. Гузь, Д. Н. Кульшенко.

День Великой Победы застал нас в Австрийских Альпах, близ города Вильдон. Оглядываясь теперь уже в далекое прошлое, вспоминаешь, как крепло наше боевое мастерство, воля и мужество, вера в победу. Незабываемая фронтовая дружба, войсковое товарищество, стремление прийти на помощь, даже жертвуя собой,— вот что характерно и дорого для нас, ветеранов, вот что хотелось бы передать как бесценное наследие нашему молодому поколению.

Нам на фронте везло на смелых и мужественных командиров, которые были во всем примером и образцом для подражания. Такими были командиры полка майор Борисов Василий Порфирьевич, после сталинградских боев ставший командующим артиллерией дивизии, а затем и корпуса, майор Николаев Александр Андреевич, майор Кузнецов Евгений Иванович, ставший в 25 лет командиром полка. С Кузнецовым, кадровым офицером, несмотря на большую разницу в служебном положении, мы были и остаемся большими друзьями до сих пор, так как неразлучно прошли через всю войну.

Образ коммуниста, пламенного политработника у меня ассоциируется с именем первого комиссара полка батальонного комиссара Чурюмова Ивана Петровича, а с конца 1942 года и до победы — с заместителем командира полка по политической

части майором Замостьяном Иваном Андреевичем, а также парторгом полка капитаном Баташовым Иваном Григорьевичем.

Хочется добрым словом вспомнить и наших непосредственных начальников: командиров дивизиона капитана М. А. Мусорина, майора Я. Л. Яроша, капитана Ш. М. Соселия, капитана П. Т. Мальцева, командиров батарей — первого в дивизии кавалера ордена Ленина старшего лейтенанта В. Г. Ткаченко и капитана Ю. Н. Аполлонова, офицеров-связистов М. И. Вестфрида и Н. И. Пономаренко.

Закончилась война. В разные концы нашей необъятной Родины разъехались друзья-однополчане. В 1946 году уволился в запас и я, но память о фронтовых побратимах осталась на всю жизнь.

П. С. ДЯДЮХ,

работник политотдела дивизии

ЖИВЫМ СЛОВОМ ПО ВРАГУ

Неумолимое время стирает в памяти многое интересное и поучительное из фронтовой жизни. Но тот день я запомнил навсегда.

Это было в погожий день сентября 1943 года в селе Старый Орлик, расположенном на левом берегу Днепра. В большом сарае находилось много бойцов и командиров нового пополнения, пришедших после излечения в госпиталях, а также призванных из освобожденных нашими войсками городов и сел Полтавщины. Вскоре появился пожилой офицер в роговых очках — гвардии капитан А. М. Подберезный, инструктор политотдела дивизии.

— Товарищи! Кто из вас владеет немецким языком?— спросил он.

Поднялся молоденький паренек:

— Старший сержант Гусев.

Капитан повторил свой вопрос, но никто больше не отозвался.

— А может быть, кто-нибудь читает по-немецки?— поинтересовался офицер.

Я поднялся и представился:

— Сержант Дядюх.

Капитан достал из планшета листок с текстом на немецком языке, попросил прочитать. Я прочитал.

— Кто вас учил немецкому языку?

— В средней школе — учитель, в университете — преподаватель.

— Вы же готовый диктор.

Капитан подобрал и радиотехника. Им стал рядовой Даниил Ляш.

Так был создан боевой расчет РОУ (радиоокопной установки) при политотделе 73-й гвардейской стрелковой дивизии.

Материальная часть РОУ состояла из двух больших аккумуляторов, передающего устройства и динамика. Все это свободно размещалось на одноконной повозке. На переднем крае установку могли развернуть три человека.

В расчет входили: начальник РОУ гвардии старший сержант Геннадий Гусев, диктор — сержант Павел Дядюх, радиотехник — рядовой Даниил Ляш. Главная задача РОУ — вести правдивую пропаганду среди войск противника. Обычно в ночное время мы выезжали на передний край, устанавливали РОУ и транслировали радиопередачи. Делалось это так. Из политотдела дивизии заранее сообщали в полк, на каком участке будет организована радиопропаганда. При этом, как правило, указывали на необходимость усиления наблюдения и полного прекращения огня.

Для того чтобы привлечь внимание солдат и офицеров противника, мы вначале ставили пластинку. И над окопами разливалась музыка. Потом передавалось обращение на немецком языке: «Внимание! Внимание! Немецкие солдаты и офицеры! Слушайте последние известия...»

Первую передачу мы провели в октябре 1943 года у села Петрово Кировоградской области. Содержание ее отражало события того времени. Мы рассказали, что после поражения гитлеровцев под Сталинградом, а затем на Курской дуге, после успешного форсирования советскими войсками Днепра положение немецких войск на Восточном фронте стало крайне тяжелым. Мы также разъясняли, что и так называемый «Восточный вал», о неприступности которого трубил Геббельс, не спас фашистов от поражения. Фашистская Германия войну проиграла. Речь, по существу, идет теперь о том, когда закончится это ненужное кровопролитие. Для вас, немецкие солдаты, ничего не остается, как принять самое разумное решение — сдаться в плен...

Для первого раза гитлеровцы не пожалели снарядов и открыли по нашему участку беглый артиллерийский огонь. Пришлось сделать паузу, но передачу мы все же провели полностью.

Радиопропаганда на переднем крае была основной формой работы нашего небольшого подразделения. На всем боевом пути дивизии от Днепра до Австрии мы организовывали передачи с учетом места, времени и стоящих перед нами конкретных задач. Проводили их, как правило, по текстам, присланным из политотдела армии. Несколько передач мне особенно запомнились.

В начале января 1944 года к нам в дивизию приехал работник политотдела 57-й армии капитан Слуцкий, предложил выехать в район села Варваровки (сейчас Долинский район Кировоградской области) и по его материалам провести передачу. Мы быстро собрались, выехали в заданный район, в присутствии Слуцкого развернули РОУ и протранслировали привезенный текст. В конце передачи противник открыл огонь. Старший сержант Гусев скомандовал сворачивать установку и грузить на повозку. Но Слуцкий распорядился по-другому: «Товарищи, риск здесь не нужен. Соберете РОУ после окончания перестрелки... Я же видел, что для лучшей слышимости вы вынесли динамик на нейтральную полосу». Мы понимали, что представитель политотдела армии находится с нами не только для проведения передачи, но одновременно проверяет нашу боевую готовность и выучку.

Вскоре Слуцкий опять приехал к нам, на этот раз с человеком, одетым в нашу форму, но без погон. Это был немец, представитель национального комитета «Свободная Германия». Он трижды выступал у микрофона нашей РОУ со специальным обращением к гитлеровским солдатам и офицерам.

Капитан А. М. Подберезный сообщил нам, что в политотделе армии нами довольны и неспроста первого представителя организации немецких военнопленных направили выступать именно по РОУ нашей дивизии. Мы с радостью восприняли это.

На фронте, как и раньше, в мирное время, я неоднократно убеждался в том, какую большую силу таит в себе доверие и правильная оценка деятельности человека, как она его воодушевляет. Вскоре пришло и официальное письменное сообщение за подписью начальника отделения политотдела армии, подтверждавшее слова Подберезного. С письмом были ознакомлены все работники политотдела дивизии. Это подняло наш авторитет в глазах политотдельцев, принесло признание РОУ как неотъемлемой части политического отдела дивизии.

В конце января 1944 года сержант Г. Гусев был направлен на учебу в военное училище. Мы тепло расстались с этим смелым и умным командиром. После его отъезда я стал выпол-

нять обязанности начальника РОУ, а на должность диктора мы взяли прибалтийского немца Йогана, фамилию, к сожалению, не припомню.

Крепко запомнилась одна передача, проведенная в апреле 1944 года на днестровском плацдарме у села Гура-Быкулуй. Получилось непредвиденное: во время трансляции забарахлил динамик, а потом и передатчик, хотя перед выездом при проверке все было исправно. Мы решили все-таки провести передачу. Установили РОУ в воронке, накрылись плащ-палаткой, включили свет и начали искать неисправности. Нашли. Как только включили аппаратуру, фашисты открыли ураганный огонь. Динамик был разбит, в нескольких местах повреждена кабель. Пока мы чинили установку, наступил рассвет и гитлеровцы пошли на наши позиции. Расчет РОУ вместе со стрелками принял участие в отражении контратаки противника.

Памятной также была передача, организованная в марте 1945 года в районе озера Балатон. Проводили мы ее на переднем крае обороны 214-го гвардейского стрелкового полка. Комбат, старший лейтенант Н. Е. Бойко, к которому нас направили, выразил неудовольствие, что мы приехали на его участок.

— Днем батальон вел бой,— говорил он,— солдаты отдыхают, вы начнете трансляцию, а немцы откроют огонь.

На передовой по временам взмывали ракеты, слышна была редкая перестрелка. Мы включили РОУ и звуки вальса «Дунайские волны» разлились по округе. Гитлеровцы, как по команде, прекратили огонь, прослушали и вальс, и всю нашу передачу от начала до конца. Мы уезжали, но не слышали ни единого выстрела со стороны неприятеля.

Последнюю передачу мы провели в Австрии 8 мая 1945 года. Звучала в ней единственная тема — безоговорочная капитуляция фашистской Германии.

В декабре 1945 года, как студент, не окончивший вуза, я был демобилизован и уехал на учебу в Харьковский государственный университет имени А. М. Горького, полный курс которого окончил в 1948 году. С того времени работаю учителем истории и директором Роганской средней школы № 1 Харьковского района Харьковской области. Живет и здравствует и бывший радиотехник РОУ гвардии рядовой Даниил Егорович Ляш, с которым мы переписываемся и дружим семьями.

В. Г. МИЩЕНКО,

старшина хлебозавода дивизии

ХЛЕБ И ВОЙНА

Родился я в Казахстане в 1902 году в семье крестьянина. Всю свою жизнь был связан с хлебом, вначале как хлебороб, а потом как мастер хлебопечения. Война застала меня в этой должности на Алма-Атинском хлебозаводе № 1. По этой специальности я и был мобилизован в армию и зачислен в полевую хлебопекарню только еще формирувавшейся 38-й дивизии.

Начальником пекарни был техник-интендант Кошелев, опытный, требовательный и внимательный человек. Первоначально пекарня была укомплектована рядовыми более старших возрастов. Автотранспорта тогда было мало, и мы пользовались пароконными повозками, на которых и размещались все 15 полевых печей простейшего типа. Но как только позволили условия, мы получили автомашины.

С первых же дней началась напряженная учеба, не только по специальности, но и боевая — занятия по строевой, огневой подготовке, изучение уставов: ведь мы готовились к отправке на фронт, а там все это могло пригодиться. К моменту погрузки в эшелоны все цехи и отделения нашего подразделения были укомплектованы и в основном обучены действиям в полевых условиях.

Нелегким был труд хлебопека: никакой механизации, а тем более автоматизации в то время не было, все приходилось делать вручную, что требовало немалой физической силы.

Печь металлическая, сборная, весила около 200 килограммов, мешок муки — 70 килограммов. Муку заблаговременно надо просеять на ситах вручную. Также заранее в бочках и корытах следовало заготовить «опару» или «головку», а еще раньше подготовить дрожжи. Только когда все это сделано, можно браться за тесто. Один замес на каждую печь весил около 300 килограммов. Ежедневно, чтобы обеспечить все подразделения дивизии, необходимо было выпечь 6—8 тонн хлеба.

Одной из характерных особенностей нашей дивизии было то, что она с апреля 1942 года и до конца войны находилась в действующей армии и, как правило, ее тыловые подразделения размещались не в городах и населенных пунктах, а в рощах, оврагах. Для установки печей на грунт нужно было выкопать полутора-двухметровые площадки в крутых стенках оврага.

Часто возникала проблема, где взять дрова, а их требовалось десятки кубометров. Порой нелегко было достать и воду. В безлесных и безводных степях под Сталинградом эти проблемы решались ценой огромных усилий наших товарищей.

В ходе маршей и наступательных боев нам трудно было успевать за боевыми порядками частей, ибо сам процесс выпечки хлеба занимал более полусуток и производился в печах на месте их установки на грунт. Поэтому наша хлебопекарня перемещалась поэшелонно, что обеспечивало непрерывность снабжения хлебом.

Велика была радость и для нас, и для прибывающих за хлебом, когда во всей округе стоял изумительный ароматный хлебный дух, а из печи вынимали очередную садку вкусных поджаристых булок, приготовленных, хотя и по фронтовым рецептам и упрощенной технологии, но мастерски.

Особенно памяты мне тяжелые бои у Бекетовки. Выполнять свои обязанности даже нам приходилось под обстрелом вражеской артиллерии или под бомбежкой авиации. Доводилось и нашим хлебопекам браться за оружие и уходить в бой вместе с войнами стрелковых подразделений. Многие из них не возвращались. Взамен им прибывало пополнение из людей, находившихся на излечении в госпиталях, порой почти инвалидов с ранениями рук и ног. Трудно им было копать землю, колоть дрова или поднимать мешки с мукой. Но никто не роптал на это. Небольшой дружный коллектив в 7 человек обеспечивал выпечку и раздачу хлеба, сушил сухари, готовил другие продукты.

Многое значила, конечно, инициатива и предприимчивость командиров: техника-интенданта Кошелева и сменившего его

старшего лейтенанта Самойлова. Большую, поистине отеческую заботу, внимание проявляли к нуждам нашего подразделения и оказывали всестороннюю помощь командиры дивизии Г. Б. Сафиуллин и С. А. Козак, их заместители по тылу майоры П. Г. Титов и А. Ф. Цалихин.

В период Сталинградской битвы на пополнение к нам прибыли девушки и женщины из Бекетовки. Среди них совсем юные Юлия Аспер и Надежда Датская, пожилая Мария Коренева, другие. Трудно им было, особенно вначале. Плачут украдкой, но стиснут зубы и опять за дело. На Курской дуге, под Харьковом многих мужчин в нашем подразделении заменили девчата-украинки Полина Афанасьевна Кучегура (Гелуненко), Прасковья Ивановна Дьяченко (Гергель), Анна Григорьевна Водолажская (Литвинова) и другие. Все они честно и добросовестно трудились наравне с мужчинами. Ефрейторы Меланья Андриановна Скорик, Прасковья Ивановна Дьяченко и Варвара Николаевна Тимахова (Бабенко), награжденные орденом Красной Звезды и медалями, стали ветеранами полевого хлебозавода и прошли с ним до конца войны.

Хлеб фронту, бойцу нужен так же как снаряд, как горючее. Хлеб — всему голова, говорят в народе. Сытому воину легче одолеть врага. Наш скромный фронтовой труд был высоко оценен Родиной, многие из нас были награждены государственными наградами. Ордена Красной Звезды и медалей «За боевые заслуги», «За оборону Сталинграда» и «За освобождение Белграда» был удостоен и я.

Закончилась война. Даже не верилось, что может быть тихо, без выстрелов и орудийного гула, что можно отмыть грязь и пыль фронтовых дорог и, несмотря на строгий военный режим, выспаться вдосталь. Демобилизовавшись, я вновь вернулся к любимому труду хлебопека, но никогда не забуду трудный боевой путь нашего полевого хлебозавода, своих боевых соратников и товарищей, с которыми делили все тяготы войны.

М. И. ОРКИН

ЛЮДИ, КОТОРЫХ Я ЗНАЛ

(Записки военного журналиста)

На Украине в сентябре 1943 года стояли теплые, ясные дни — подлинно золотая осень. Многоцветной палитрой красок щедро одарила природа сады в приднепровских селах. Не удивительно, что эту красоту, эту реку воспели такие великие мастера слова, как Н. В. Гоголь и Т. Г. Шевченко, запечатлел своей волшебной кистью живописец А. И. Куинджи.

Но в сентябрьские дни 1943-го мы называли Днепр военным языком — водная преграда. И для того, чтобы ее преодолеть, потребовались и воинское умение, и беспредельное мужество, и зовущая вперед воля к победе.

Противник к тому времени потерял былую спесь, но еще зло огрызается, цепляется за каждый клочок земли. Фашистские стервятники непрерывно, днем и ночью, бомбят подступы к реке, кружат над прибрежными селами. Ночное небо то и дело озаряется вспышками ракет.

На подручных средствах — на рыбачьих лодках и наспех сколоченных плотках — гвардейцы под ожесточенным огнем противника переправляются на правый берег Днепра: нужно захватить там плацдарм, закрепиться на нем и удержаться до прихода подкреплений.

У одной из заводей, которая служила исходной точкой для форсирования, сосредоточенно и молчаливо готовится к переправе первая группа бойцов под командованием младшего лейтенанта Ивана Гриба. Быстро смастерили плот, достали несколько небольших челнов. Погрузили оружие — пулеметы, винтовки, гранаты. С наступлением темноты отчалили. Уже подплывали к противоположному берегу, когда из-за туч показалась луна и черные силуэты лодок стали видны на озаренной ее светом реке. Попали под перекрестный огонь противника, но еще взмах весел, короткий всплеск воды — вот и прибрежный песок. Прыгали прямо в воду, выбирались на сушу и с ходу вступали в борьбу с гитлеровцами.

Натиск и боевой порыв решили успех дела. Окопались на небольшом участке берега, вместе с подоспевшими товарищами прикрыли переправу других подразделений и обеспечили накопление сил. Взвод Ивана Гриба продемонстрировал уверенные действия в сложной боевой обстановке. Часто младший лейтенант личным примером увлекал своих подчиненных на

ратные подвиги. За успешное форсирование Днепра и расширение плацдарма на его западном берегу, за проявленные при этом отвагу и мужество Ивану Грибу присвоено звание Героя Советского Союза.

31 октября 1943 года в дивизионной газете «За нашу победу» был опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР. Газета вышла под крупным заголовком на всю страницу: «Слава богатырям Отчизны — Героям Советского Союза! Гвардейцы, учитесь бить врага у героев днепровских боев — Ивана Гриба, Василия Лозова, Алексея Отставнова, Александра Старыгина, Николая Драгунова! Их подвиг не померкнет в веках».

Николай Раков, воспевший в стихах подвиги своих однополчан, в этом номере газеты писал:

Мы радости нашей не скроем,
Вчера назвала страна
Из нас восемнадцать героев.
Запомните их имена!

Рассказали мы в своей газете и о боевых делах командира орудия противотанкового дивизиона гвардии старшего сержанта Степана Лычакова, также удостоенного звания Героя Советского Союза. Только в боях на правобережье Днепра расчет Лычакова подбил 4 танка, 4 бронемашины, 2 орудия, 3 миномета, 11 пулеметов, истребил более 150 солдат и офицеров противника, участвовал в отражении 18 вражеских контратак. Поистине гвардейская хватка, достойная звания сталинградцев.

В походах, на привалах, в краткие часы затишья в окопы, в землянки, в блиндажи к солдатам поступала не только «дивизионка», но и специально выпущенные листовки о героях сражений. В частности, из рук в руки переходила листовка о подвиге небольшой группы гвардейцев Михаила Гавриша, которые первыми переправились на западный берег Днестра и сутки держали оборону на небольшом клочке будущего плацдарма до подхода наших подкреплений. Вот имена его бойцов: Иван Федько, Федор Пугач, Николай Чайковский, Александр Журило, Максим Здесь, Андрей Левицкий.

Вот другая листовка: «Слава герою вчерашнего боя гвардии сержанту Максименко! Он уничтожил из своего орудия три немецких самоходки». Далее следует описание подвига и призыв: «Боец! Следуй примеру отважных! Своим товарищам расскажи о славном подвиге, о ратной славе Максименко».

Таких листовок-молний было немало. Они звали на подвиг, вдохновляли гвардейцев в бою.

... В тех теплых краях весна наступает рано. Февраль 1945 года был на исходе, но уже пробуждались поля, по-весеннему грело солнце и кругом бежали ручьи вешней воды. Однако мы не замечали красот пробуждающейся природы, ибо в эти дни на полях Венгрии шла жестокая битва с озверевшим, вконец потерявшим голову врагом.

Тогда-то мы и услышали о подвиге наводчика Тайчиева. В те дни десятки фашистских танков шли на наши позиции, пытаясь прорвать оборону южнее озера Балатон и выйти к Дунаю. Бои разгорелись жестокие.

Жаркие дни выпали и на долю наводчика Тайчиева. В бою погиб командир артиллерийского расчета, а затем у орудия осталось всего двое. Между тем вражеские бронемашины и танки все идут и идут. Главное, думали друзья, — сохранить выдержку и хладнокровие. Неприятельская машина ползет на орудие, не открывая огня. Тайчиев ждал. Секунды казались вечностью. Сейчас все его помыслы, все устремления были направлены к одному — нанести верный удар. Наводчик прильнул к панораме. Медлить больше нельзя! Выстрел — и танк подбит. Но в то же мгновение упал товарищ, подносчик снарядов. Наводчик наклонился к раненому и услышал его слабый возглас: «Танк...»

Так и есть — еще одна стальная машина приближается к позиции артиллеристов. Тайчиев остался один. Нужно выждать еще... Вот уже видны кресты на броне. Пора! На этот раз удар пришелся по гусенице. Танк остановился. Вторым снарядом ему разворотило башню.

Ночью вместе с Николаем Раковым отправляемся на огневые позиции артиллеристов. Встретили здесь и героя вчерашних боев наводчика Тайчиева. Вот он перед нами, простой, скромный парень, как и все его товарищи. О своем подвиге говорит скупно, смущаясь: «Да ничего особенного не было. Шли на наши позиции танки, а наше дело такое — стоять до последнего».

— Но ведь один оставался у орудия.

— Хоть и один, разве бросишь свою пушку. С ней мы столько дорог прошли...

Смелые, решительные, самоотверженные, готовые выполнить свой долг до конца — таков Тайчиев и его боевые товарищи.

Н. П. ЕРЫГИН,

гвардии майор в отставке

ВОЗВРАЩЕНИЕ С ПОБЕДОЙ

**(Из дневника
командира стрелковой роты)**

Перечитывая свой пожелтевший от времени дневник, я каждый раз вспоминаю все новые и новые эпизоды, подробно из боевой жизни минувшего лихолетья. Они напоминают молодость, непосредственное восприятие участника событий 40-летней давности, когда мы возвращались после Победы из Австрии по местам, где наша дивизия вела ожесточенные бои. Ниже приводятся лишь некоторые записи, дополненные сохранившимися в памяти деталями.

11 июня 1945 года. Наш 209-й гвардейский Абганеровский ордена Богдана Хмельницкого стрелковый полк начал марш из Австрии 8 июня 1945 года в 5 часов по местному времени. Ночью прошли через линию обороны, которую держали почти весь апрель 1945 года... Кругом следы жестокого боя: остов разбитой крыши... Сожженный дом, мост, через который можно было проехать только с риском для жизни. Каждая высота, каждая лощинка напоминают о прошедших здесь сражениях.

А вот и Югославия. С большим радушием встречает ее народ советских воинов-освободителей. Входим в Мурску-Соботу — небольшой городок с узкими и кривыми улицами, но с благоустроенными чистыми зданиями, оформленными колонами и скульптурами.

После отдыха мы вышли в центр города на митинг, к местам захоронения советских воинов. На братских и индивидуальных могилах уже установлены гранитные памятники с надписями. Оркестр играет траурную мелодию. Гремит салют прощального залпа. Под звуки торжественного марша проходим строем, равняясь на могилы.

Снова в поход. Все дальше и дальше на восток.

13 июня 1945 года. Вчера вошли на территорию Венгрии. Всюду следы жестокой схватки. Разбитые и сожженные дома. Здесь же два сгоревших наших танка и немецкий с развороченным бортом, прошитый насквозь бронебойным снарядом. И вся эта техника войны утопает в буйной зелени деревьев. Шелестя приветливо листья, поют птицы, ярко светит солнце, вокруг спокойствие — долгожданное, безмятежное, мирное.

14 июня 1945 года. Все небо затянуло тучами, идет мелкий назойливый дождь. В поход вышли сравнительно рано. Впереди, через 17 километров, будет город Надьканижа. Гитлеровцы еще недавно с особым остервенением защищали этот крупный центр нефтяной промышленности. Тогда, при наступлении, нам не удалось его увидеть: полк обошел его севернее.

Входим в пригород. Главная улица выложена булыжником — редкость для венгерского села. Слева возвышается огромная труба какого-то завода, напротив — четырех-, пятиэтажные жилые дома, построенные без всякого порядка, очень плотно друг к другу. Ближе к центру булыжник сменяет серый асфальт — весь в выбоинах, заполненных дождевой водой. Кривые улицы настолько узки, что встречные машины не везде могут разъехаться. Слышен торжественный марш в исполнении нашего дивизионного оркестра. В центре города — виллы и коттеджи изысканной архитектуры. Дальше по улице проходим мимо сквера, в котором сооружается памятник погибшим советским воинам...

Вспоминаю: перед этим городом в районе Надьбайома в течение почти четырех месяцев дивизия, временно перейдя к обороне, вела ожесточенные бои с противником. Здесь понесли мы тяжелые потери. Среди других в один из артобстрелов погиб и мой школьный товарищ и однокашник по Ташкентскому стрелково-минометному училищу командир минометного взвода Дамир Школьников. Утрата эта была особенно горькой: произошла она незадолго до победы.

16 июня 1945 года. Идем по местам ожесточенных боев, которые вели в декабре 1944 года. Заходим в село Сабош. Мне его никогда не забыть. Вот часть села, откуда наша рота выбивала гитлеровцев, освобождая дом за домом. 9 декабря 1944

года поздно вечером мы вышли на окраину поселка, заняли рубеж обороны. Утром фашисты при поддержке самоходок и бронетранспортеров перешли в контратаку. Создалось напряженное положение. Наша артиллерия отстала: дороги были почти непроезжими, шел сильный дождь. Бойцы под давлением превосходящих сил врага начали отходить. Я остановил их и приказал окопаться. Организовав дружный огонь по фашистам из винтовок и автоматов, мы заставили их залечь, а затем и откатиться назад.

Все контратаки противника в этот день нами были отбиты. Но далось нам это нелегко. Выбыл из строя, получив ранение, отважный командир взвода лейтенант Владимир Лукашев. Ранен был и я...

Прошло всего полгода, хотя село все в зелени и цветах, но разбитые дома до сих пор зияют своими черными провалами.

Начинается другое село — Надькорпад, где еще ожесточеннее сопротивлялись немцы и мадьяры. Пришлось целые сутки драться за несколько десятков домов. По кюветам шоссеиной дороги, которая идет в Мике, нарыто множество ячеек. Не могу забыть, как в этом тяжелом встречном бою отчаянно сражались воины нашей роты...

19 июня 1945 года. Входим в город Сигетвар. В сопровождении оркестра следуем на противоположную окраину. Справа — железная дорога. Вспоминаю, как с боями пришлось продвигаться вдоль нее к городу, как несколько раз вражеский бронепоезд выходил из укрытия и вел яростный огонь по боевым порядкам роты... Теперь с чувством гордости, радости и даже удивления смотрю, как, пуская клубы дыма, по тем же рельсам с грохотом пронесся небольшой пассажирский состав и, скрывшись за лесом, дал задорный свисток.

20 июня 1945 года. Город Печ — шахтерский центр Южной Венгрии, который освобождала наша дивизия. Здесь проходил парад. Местное население организовало нам радушный прием. Толпы людей запрудили всю центральную улицу, где проходили наши части. Раздаются приветствия, жители бросают цветы. На митинге, посвященном памяти погибших бойцов, мэр города благодарил наше командование за заботу об исторических ценностях этого старинного города — советские войска не подвергли его жестоким обстрелам, хотя такая необходимость была.

Открывая большой мемориальный комплекс, он сказал, что прах советских героев, захороненных в венгерской земле, героев, отдавших свою жизнь за прогресс и укрепление демократических свобод, будет символом дружбы между народами

Венгрии и России, и что жители города всегда будут с любовью ухаживать за могилами бойцов.

23 июня 1945 года. Мы вновь в Югославии. Община Бели-Монастир в Хорватии, город Княжеви-Виногради, села Сузэ, Змаевац. Всюду — развалины, сгоревшие дома, еще не убранный разбитая и искореженная военная техника. Вспоминаю, как стрелковые подразделения нашего полка, поддержанные подразделениями других родов войск, ночью (на 23 ноября) штурмовали и заняли сильно укрепленные позиции противника в районе Змаевац.

А вот и Батина. От села остались только груды кирпича да остовы нескольких зданий. Жители ютятся в погребах. Здесь в холодную ночь на 14 ноября 1944 года мы форсировали на плотах Дунай и вели бои по освобождению этого населенного пункта и расширению плацдарма... У школы, церкви, костела и вблизи причала видны военнопленные гитлеровцы: восстанавливают ими же разрушенные дома.

Вспоминаю, как в Батине около четырех суток непрерывно, ночью и днем в полумраке от дыма пожарищ шли ожесточенные уличные бои. Приходилось выбивать фашистов из каждого дома. В районе этого поселка враг сопротивлялся особенно упорно, используя выгодную позицию на гряде высот, господствующих над местностью, и предпринимал отчаянные попытки остановить наступление и сбросить нас в Дунай, вел интенсивный артиллерийско-минометный обстрел, неоднократно пускал в контратаки самоходные установки и бронетранспортеры. Но, встречая мощный отпор наших противотанковых средств, огонь тяжелой артиллерии с правого берега реки, механизированные части противника несли большие потери и вынуждены были каждый раз отступать.

Самоотверженно сражались с фашистами бойцы Ткаченко, Соломин, Санин, ординарец Павлик. Геройски погиб при взятии укрепленного пункта Петр Иванов. Потери были немалые. Для пополнения подразделений людьми многое тогда сделал отважный командир батальона, участник Сталинградской битвы, а в то время помощник начальника штаба полка гвардии капитан П. М. Третьяков. Он в невероятно трудных условиях на маленьком плацдарме обеспечивал нас свежим пополнением, переправляя его через Дунай в ночное время.

Более двух недель длились упорные и очень напряженные бои по удержанию и расширению батинского плацдарма. Именно в этих местах 18 ноября 1944 года в самый разгар схваток я, 19-летний лейтенант, был назначен на место получившего тяжелое ранение командира роты, с которой прошел

потом через многие жестокие бои при освобождении Венгрии.

2 июля 1945 года. Идем походным маршем по Воеводине. Население с большой теплотой и радостью встречает нас как старых друзей-освободителей.

4 июля 1945 года. Прибыли на место дневки в поселок Альма, близ города Вршац. В числе других одиннадцати человек от полка я был направлен на экскурсию в Белград. Невольно вспоминаю, как наш 209-й полк под командованием майора П. В. Сергеева первым в дивизии вступил в бой за освобождение столицы Югославии Белграда, в пригороде Чукарица, как трудно было выбивать гитлеровцев, засевших в каменных зданиях. С каким рвением шли в бой совместно с югославскими партизанами наши бойцы освобождать этот древний славянский город.

Едем на машине по гладкому шоссе, обсаженному стройными рядами деревьев. До города около 90 километров. Утро. Свежий ветер бьет в лицо, силится сорвать пилотку. Приятно ласкают взор окружающие поля и деревья, на которые мягко упали первые лучи восходящего солнца. Быстро остаются позади одно село за другим. Вот Владимировац, за ним город Панчево. Миновали и его. За виадуком открывается величественная картина Дуная. Здесь в него впадает река Сава.

На высоком холмистом противоположном берегу виднеется Белград. Узкие улицы этой части города ленточками выются по склонам, сбегая к Дунаю. Огромные шести-, восьмиэтажные дома с плоскими крышами, остроконечными пиками и куполами, поблескивая окнами, возвышаются ярусами один над другим. Чтобы переправиться на правый берег, нужно проехать по длинному деревянному настилу до самой паромной пристани на Дунае. Когда-то красивый Панчевский мост сейчас торчит изуродованными стальными балками, фермами и железобетонными быками. Два фотографа, очевидно, желая запечатлеть переправу русских на фоне города, щелкают фотоаппаратами.

Въезжаем в оживленный, шумный город. Там, где недавно носились смерть и разрушение, теперь движутся трамваи, автобусы, приветливо улыбаются жители. Даже не верится, что это так. Но жизнь бьет ключом. Всюду можно видеть пленных, восстанавливающих город. Подъезжаем к зданию с надписью «Офицерски дом». Здесь состоялась неожиданная встреча с нашими соратниками по боям в городе.

Идем на кладбище. Возлагаем цветы и отдаем почести погибшим при освобождении Белграда.

Вспоминаю командира нашей роты старшего лейтенанта Пшеченко, боевого друга старшего лейтенанта Спицына и свое-

го помкомвзвода старшину Гарматина, геройски отдавших свою жизнь в этих боях. Затем едем на мост через Саву. И здесь отдаем воинские почести бойцам, павшим в схватке за этот мост.

7 июля 1945 года. Весь день двигались по левому берегу Дуная. Живописные места. Проходим первый горный хребет, здесь Дунай зажат с обеих сторон скалистыми берегами. Это место не зря получило название «Железные ворота».

12 июля 1945 года. Мы идем по территории уже четвертой страны, за свободу которой сражалась наша дивизия, а далеко впереди на правом берегу Дуная простирается еще одна, пятая страна, через которую, к сожалению, не пролегает наш обратный марш. Это дружественная Болгария, население которой сердечно встречало воинов нашей дивизии, своих освободителей от гитлеровской чумы. И это не случайно — историческая дружба наших народов уходит в далекое прошлое и скреплена кровью в совместной борьбе за освобождение Болгарии из-под турецкого ига еще в прошлом веке, а теперь — немецкого фашизма.

Обратный марш продолжается. Ощущается физическая усталость, однако радостные чувства одержанной победы, к которой мы шли трудными дорогами войны, переполняют нас гордостью за выполненный долг перед Родиной.

15 июля 1945 года. Город Турну-Северин. Марш завершен и дивизия размещается в казармах для гарнизонной службы.

Встреча с Родиной откладывается на неопределенное время, но она близка и это согревает сердце.

**ИЗ ПИСЬМА
АЛЕКСАНДРА ТВЕРДЫШЕВА СВОЕЙ ДОЧЕРИ**

19 октября 1944 г.

... Нахожусь в Белграде — столице Югославии. Прекраснейший город, в котором идут упорные бои... Местные югославские партизаны войдут в историю Отечественной войны как чудотворцы. И если они без нашей помощи в течение трех лет творили удивительные дела, то сейчас, с нашим приходом, делают чудеса. Все население города, девушки и юноши ведут бои, настоящие бои, бок о бок с нами... Если приведет бог вернуться домой живым, я тебе так много могу рассказать о югославских партизанах! Все они преклоняются перед Красной Армией, но мы, в свою очередь, взаимно преклоняемся перед их стойкостью, самоотверженностью и патриотизмом...

ЦГА КазССР, ф. 1660, оп. 1, д. 196, л. 19—20.

ПРИКАЗ КОМАНДИРА ДИВИЗИИ

Действующая армия

26 декабря 1944 г.

Сегодня исполняется три года со дня формирования нашей дивизии. В тяжелые для Родины дни в декабре 1941 г. была сформирована 38-я стрелковая дивизия — ныне 73-я гвардейская стрелковая Сталинградская Краснознаменная.

Свой трехлетний юбилей личный состав нашей дивизии отмечает в обстановке выдающихся успехов Красной Армии, когда вся Советская земля очищена от немецко-фашистских захватчиков и вновь восстановлена государственная граница Советского Союза, вероломно нарушенная врагом в июне 1941 г. Сейчас Красная Армия, выполняя свою вторую задачу, продолжает победоносное наступление к логову фашистского зверя, чтобы добить врага и водрузить знамя победы над Берлином.

Наша дивизия прошла боевой и славный путь. В мае 1942 г. полки дивизии нанесли первый чувствительный удар врагу, окружив и уничтожив в районе села Терновое Харьковской области крупный гарнизон противника. Под Сталинградом дивизии выпала честь оборонять южную окраину города. Свою задачу наши бойцы и офицеры выполнили с честью. На участке дивизии немцам так и не удалось прорваться вперед ни на один метр. Позже дивизия принимала участие в разгроме окруженной под Сталинградом немецкой группировки войск. За до-

блесть и мужество, за мастерство личного состава, проявленные в боях под Сталинградом, дивизия заслужила право именоваться гвардейской Сталинградской, а полки получили наименования: Воропоновский, Басаргинский, Абганеровский, Уразовский.

От берегов Волги до озера Балатон (Венгрия) пронесли свои знамена гвардейцы нашей дивизии. Мы участвовали в крупнейших операциях Красной Армии при ликвидации летнего немецкого наступления 1943 г. на белгородском направлении, мы освобождали города Белгород, Харьков, Красноград, Мереза, форсировали семь крупных рек Европы, бились за столицу братской нам Югославии — Белград и очистили его от немецко-фашистских захватчиков.

За период боевых действий на фронтах Отечественной войны наша дивизия получила девять благодарностей Верховного Главнокомандующего Маршала Советского Союза т. Сталина и награждена орденом Красного Знамени.

Сегодня, в день третьей годовщины нашей дивизии, поздравляя всех бойцов, сержантов и офицеров частей и подразделений с нашим заслуженным праздником, приказываю:

§ 1

Всему рядовому, сержантскому и офицерскому составу свято беречь и умножать славу наших полков, подразделений, нашего гвардейского знамени, сплачивать личный состав для решения боевых задач командования, быть всегда в боевой готовности для решающих победных боев с немецко-венгерскими захватчиками.

Воспитывать личный состав, особенно молодых воинов, на славных традициях гвардейцев-сталинградцев, непрестанно повышать свое боевое мастерство, перенимая опыт бывалых воинов-ветеранов нашей дивизии.

Слава гвардейцам-сталинградцам!

Да здравствует победоносная Красная Армия!

Командир 73-й гвардейской стрелковой
Краснознаменной Сталинградской дивизии
Герой Советского Союза
гвардии генерал-майор *Козак*.

Сб. «Казахстан в период Великой Отечественной войны Советского Союза», т. 2.
Алма-Ата, 1967, с. 250—251.

СОДЕРЖАНИЕ

От составителей	4
<i>Н. И. Яценко.</i> Славный путь	6

І. УЧАСТИЕ ДИВИЗИИ В ХАРЬКОВСКОЙ ОПЕРАЦИИ 22

<u>А. К. Морозов</u> . В мае — июле сорок второго	23
<i>В. Г. Ткаченко.</i> Бой у совхоза «Подсередний»	31
<i>А. Ф. Твердышев.</i> Наш комдив	34
<i>М. Б. Днишев.</i> Мы — казахстанцы	38

ІІ. У СТЕН СТАЛИНГРАДА 42

<i>Н. К. Абубакиров.</i> В боях за Сталинград	43
<i>А. К. Иванович.</i> На службе штабной	50
<i>П. Н. Петров.</i> Стояли насмерть	55
<i>И. Г. Баташов.</i> Коммунисты полка	58
<i>П. А. Пестряков.</i> Памятные дни	64
<i>Д. С. Вечкутов.</i> Фронтowej отчет землякам	67
<i>Л. М. Волощук.</i> Пленение первого фашистского генерала в Сталинграде	69
<i>Н. И. Носков.</i> Мы обеспечивали бой	73
<i>А. Г. Якунов.</i> Всегда в готовности	78
Из обращения Президиума Верховного Совета, Совнаркома и ЦК КП(б) Казахстана к фронтовикам-казахстанцам — участникам великой битвы на Волге	82
Письмо командования 38-й стрелковой дивизии трудящимся Казахстана	84
Письмо младшего лейтенанта Абдибая Курмантаева своим землякам — колхозникам сельхозартели им. Ворошилова Сайрамского района Южно-Казахстанской области	85
Письмо воинов-казахов, защищавших Сталинград, Джамбулу	86
Из письма фронтовика Г. Рахимова председателю месткома наркомата коммунального хозяйства	87
Из письма командования дивизии ЦК КП(б) Казахстана, Президиуму Верховного Совета и Совнаркому Казах- ской ССР о боевых успехах в битве на Волге	88
Стихи и песни воинов дивизии о Сталинградской битве	
<i>Н. В. Раков.</i> Вперед, боевая 38-я!	90
Батыр Рабаев	91
Наша Гвардейская	91
<i>П. П. Деревянко.</i> Перед боем	93
Седой мальчик	94

ІІІ. НА КУРСКОЙ ОГНЕННОЙ ДУГЕ 95

<i>В. И. Давиденко.</i> Под Белгородом в сорок третьем...	96
<i>И. Н. Зайцев.</i> На него мы равнялись	105

Д. С. Ширков. Берем инициативу на себя	111
М. И. Оркин. Наша Зина	117
Л. А. Шагин. Медицинская служба в сражениях под Белгородом и на Днестре	122
В. П. Карамышев. Боевой авангард дивизии	127
Из письма комсомольцев — бойцов и командиров дивизии — комсомольцам, комсомолкам и всей молодежи Казахской ССР	132
П. П. Деревянко. Он пал во время танковой атаки	135

IV. ЗА ДНЕПР, ПРАВОБЕРЕЖНУЮ УКРАИНУ И МОЛДАВИЮ

В. И. Давиденко. В боях за Днепр	137
И. Е. Гриб. Переправа, переправа...	148
С. Ш. Жаксыгулов. На земле украинской	152
В. П. Сивцов. Солдатская верность	155
Т. П. Глушenkova. Военные будни медсанбата	160
Ф. И. Зиновьев. Под боевыми гвардейскими знаменами	165
Беззаветная отвага. Газетная статья о Герое Советского Союза Махаше Балмагамбетове	171
Указ Президиума Верховного Совета Казахской ССР о награждении Грамотой Верховного Совета Казахской ССР высшего офицерского, сержантского и рядового состава Красной Армии	172
Выступления воинов дивизии, опубликованные в номере красноармейской газеты «За нашу победу», посвященном прибытию на фронт делегации трудящихся Казахстана	174
Истоки славы. Газетная статья о Герое Советского Союза В. А. Засядко	175
Приветственное письмо командования дивизии трудящимся Казахстана по случаю празднования 1 Мая	178

V. ЗА ОСВОБОЖДЕНИЕ НАРОДОВ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Б. С. Рядюшкин. Впереди Балканы	181
З. Э. Сустрина. Мы в Болгарии	183
Н. И. Яценко. Дружба, рожденная в боях	188
В. А. Шокин. Белград 20 октября	203
Н. Т. Пуха. Через всю войну	207
П. С. Дядюх. Живым словом по врагу	212
В. Г. Мищенко. Хлеб и война	216
М. И. Оркин. Люди, которых я знал	219
Н. П. Ерыгин. Возвращение с победой	222
Из письма Александра Твердышева своей дочери	228
Приказ командира дивизии	228